

16+



ГОЛУБИ
стражи Ада

А И С А А М Н Т Е Й Г

Голуби — птицы, которых полно в каждом городе, и к которым мы все, конечно, уже успели привыкнуть, как к явлению естественному. Часто мы сами подкармливаем их, крошим им хлеб, а они с жадностью клюют его, и нам кажется, что эти птицы вполне милые и безобидные. Но на самом деле мы ошибаемся, так как голуби — это стражи ада, демоны, пришедшие на землю человеческую для того, чтобы свершить свою кровавую месть, поработив человечество, сожрав души людей и превратив выживших в жалких рабов.

На улице стоял холодный пасмурный октябрьский день. Небо затянуло хмурыми серыми тучами, создававшими какое-то неприятное ощущение унылости и тоски, — нормальное, в общем-то, для поры года, которая безжалостно сдирает все листья с деревьев, оголяя их перед долгой и морозной зимой.

Сегодня хотелось остаться дома, заварить липовый цвет и засесть за хорошую книгу, наблюдая за погодой из уютной и теплой квартиры. Конечно, были те, кто считал, что «у природы нет плохой погоды» и не обращал внимания на мрачность и тоскливость, но большинство людей осеннее ненастье вгоняло в хандру и печаль.

В целом, день был самый обычный, один из многих и многих других. Несмотря на холод и крапывающий дождь, жизнь текла своим чередом. Кто-то спешил по своим, несомненно, не терпящим никаких отлагательств, делам, а кто-то просто прогуливался, наслаждаясь увядающей природой и искренне не понимая тех, кто всё торопился куда-то, не замечая ничего вокруг.

У хлебного киоска собралась небольшая очередь. Среди других там была скромно одетая пожилая женщина, которая заранее достала свой кошелек и даже не посмотрела на витрину — видимо, покупала здесь не в первый раз.

— Две булочки белого и одну — черного, — вежливо попросила она, когда подошла ее очередь. Продавщица приветливо улыбнулась уже примелькавшемуся лицу.

Расплатившись, женщина неспешным шагом пошла к своему дому, однако через некоторое время остановилась, достала из пакета булочку, разломилась ее пополам и раскрошила одну половинку на влажный асфальт.

— Гули-гули! — позвала старушка, отряхнув руки от крошек.

Голуби налетели со всех сторон. Голодные птицы поспешно собирали хлеб, выдирали друг у друга перья за каждую заветную крошку, смеша этим резвившихся во дворе детей. Пернатые толкались, дрались, жадно хватая и глотая хлеб, которого, судя по всему, ждали столь долгое время.

— Ну, вот и отлично! — сказала старушка, полюбовавшись на локальную войну у своих ног и убрав пакетик с хлебом в сумку. — А теперь можно и домой идти!

И добродушная пожилая женщина, успевшая немного замёрзнуть, поспешила домой, слегка прихрамывая, в то время как голуби продолжали злобно драться за крошки.

Мальчишка лет шести-семи подбежал к занятым своим нехитрым делом птицам и начал, смеясь, гонять их. Голуби отлетали на безопасное расстояние, ждали, пока он немного отбежит, и возвращались к еде, втертой детскими ножками в асфальт.

— Стой, — к малышу подошёл какой-то паренек лет тринадцати и взял его за плечо. — Не делай этого. Оставь их, не трогай.

Маленький хулиган вырвался из хватки незнакомца, настороженно покосился на него, а потом разразился звонким хохотом:

— А что они мне сделают? Съедят? — смеялся малыш.

— Ну, они... — парень почесал макушку, явно не зная, как объяснить что-то ребёнку, — Да ты всё равно не поймёшь, так что просто оставь голубей, — он махнул рукой и ясно посмотрел прямо в глаза младшему. Но тот только ещё больше развеселился.

— А вот и нет! Не хочу! — задиристо воскликнул он и с визгом побежал на

всполошившихся птиц.

Старший мальчик, поняв, что объяснять что-либо бесполезно, спокойно подошёл к одному из голубей и что-то прошептал. Голубь, не мешкая, послушно подлетел к парню и даже не издал звука, когда его крепко схватили.

— Ого-о! Как ты это делаешь? А меня научишь? — заинтересованно протянул юный разбойник. Однако старший, ничего не ответив, просто взял и... свернул шею голубю, а затем куда-то побежал вместе с мёртвой птицей, оставив перепуганного малыша у опустевшей детской площадки.

Его главной целью сейчас было скрыться от любопытных глаз, ведь лишние свидетели были ни к чему. Он вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, что он собирается сделать с этим голубем, а тем более, что собиралась сделать сама птица...

— Максим! — окликнул его кто-то, и парень, обернувшись, увидел свою одноклассницу Аню.

— Аня, прости, но сейчас я не могу разговаривать, — Максим изо всех сил постарался сделать беззаботный вид и спрятал мёртвую птицу за спину.

— А что это у тебя в руках? — Аня подозрительно прищурилась. Вообще-то ей не было никакого дела ни до мальчика, ни до его тайн, но врождённое любопытство взяло своё. Она внимательно пригляделась...

— Да так, ничего... — Максим широко улыбнулся и попятился. Ему совсем не хотелось обо всём рассказывать своей однокласснице — он недавно перешел в ее школу и был знаком с девочкой меньше двух месяцев, но уже понял, что в плане сплетен она — одна из первых.

— Фу, это же дохлый голубь! — девочка скривилась, разглядев то, что было на руках у одноклассника. — Зачем тебе эта гадость?

— Это я убил его, — признался мальчик.

— Зачем? — девочка с недоумением и отвращением смотрела на Макса.

— Аня, это тайна. Я не могу сейчас разговаривать, прости. Я спешу. У меня осталось совсем мало времени, — быстро произнёс парень и постарался уйти, но не тут-то было.

— Куда? — похоже, слово «тайна» было лишним в ее присутствии.

— Неважно... — Максим судорожно прикидывал, сколько у него осталось времени.

— Можно мне с тобой пойти? — несмотря на отвращение к мёртвой птице, Аня явно заинтересовалась.

— Нет, — мальчик крепче сжал голубя.

— Ну, пожалуйста, мне очень интересно, — попросила девочка. Теперь она чувствовала, что просто обязана разузнать, в чём тут дело.

— Это слишком опасно для тебя, — Макс уже мысленно проклял и её, и голубя, и весь этот день.

— Опасно? Почему же? — удивилась Аня, делая шаг в его направлении. «А, была не была!» — Макс глубоко вдохнул и затараторил:

— Аня, опасайся голубей! Голуби — стражи ада. Внешне они совершенно безобидные, но на самом деле... Эти птицы восстали из адского пламени для того, чтобы отомстить нам, людям, за своих мёртвых родственников, а самое главное, они хотят поработить всю нашу планету, уничтожив её жителей и пожрав их души, сделав из выживших рабов. Голуби — это демоны, и они бессмертны. Да, я убил эту птицу, но совсем скоро она воскреснет и станет ещё более злой и опасной. Они очень сильны, поверь. Они пришли к нам из самого ада... И я тоже когда-то был одним из них, но я сражался против своих, и за это меня наказали, на

десять лет превратив в человека. И если я исправлюсь, я снова стану голубем, в противном же случае я останусь таким же, и тогда меня ожидает смерть. Такая же судьба ждёт и остальных их врагов, — мальчик шумно втянул закончившийся воздух. Аня испуганно посмотрела на сумасшедшего. Теперь происходящее вовсе не казалось ей таким уж интересным. Она кашлянула и осторожно спросила, покосившись на парня, чьи глаза всё еще нездорово блестели:

— Макс, с тобой всё в порядке? Что за бред ты несёшь? Голуби — стражи ада? Ты вообще нормальный?

— Но это не просто бред, поверь! Я действительно голубь, а то, что я рассказал — правда! — теперь уже Макс шагнул к Ане, а она попятилась.

— Ты голубь? — девочка нервно засмеялась. — Советую тебе сходить к психиатру... — она сделала еще шаг назад, не переставая, однако, ехидно ухмыляться.

— Смотри! — Максим выпустил из рук мёртвого голубя и потерянно уставился на распростёртые по тротуару крылья.

— На что я должна смотре... — внезапно Аня осеклась, а её глаза поражённо расширились.

— Но такого просто не может быть... — только и смогла тихо вымолвить девочка.

Глава 1. Долгожданное приглашение

Спустя 10 лет.

Люблю предрассветное утро. Воздух еще прохладный, трава усыпана крупными каплями росы — верный знак того, что день будет еще жарче предыдущего. Небо еще не до конца распрощалось с ночью и поэтому словно разделено на две части: восток уже пламенеет приближающимся рассветом, окрашивающим плывущие по небу облака в ярко-розовый цвет, а на западе догорают последние звезды, и все бледнеющим серпом висит полумесяц. Слышатся первые робкие пересвистывания птиц, разрастающиеся и смелеющие, и вот уже солнце и новый день встречает триумфальный слаженный хор пернатых.

Я сидела в тесном купе поезда и с интересом рассматривала пейзаж за окном: родные, знакомые края уже скрылись далеко позади, и передо мной открывались живописные виды на новые места, залитые лучами разгорающегося дня и с огромной скоростью проносящиеся мимо.

Несмотря на раннее время сна у меня не было ни в одном глазу, хотя в эту ночь я, увлечённая поездкой, не спала вообще. Радость и волнение, испытываемые мною сейчас, не давали спать, заставляя непрестанно думать о предстоящем чудесном событии, которого я так давно ждала.

Этим радостным событием должна была стать долгожданная встреча с одним из самых дорогих мне людей — моим лучшим другом Антоном Зелёным, которого я знала не так уж и давно, но ещё при первом знакомстве каким-то звериным чутьем уловила, что мы созданы друг для друга, — и это несмотря на то, что наше знакомство ничем особенно не выделялось, и мы, занятые своими делами, практически не разговаривали.

Познакомили нас мои товарищи, решившие, что вся наша небольшая компания из пяти человек должна поддерживать дружественные связи с хорошими друзьями и подругами каждого из нас, живущими в других городах. Антон приехал вместе со своим лучшим другом, и почти всё время, немного стесняясь незнакомой компании, проговорил с товарищем.

Однако, как выяснилось позже, Антон собирался задержаться в нашем городе почти на целый месяц, — а это означало, что у нас с ним еще была возможность лучше узнать друг друга. Мы эту возможность, конечно же, не упустили, познакомившись получше и поняв, что наши характеры чрезвычайно между собой похожи.

Месяц пролетел незаметно, и пришло время расставания. Антон уехал домой вместе со своим другом, оставив мне свой номер телефона и домашний адрес.

— Не грусти, Лиза. Мы обязательно ещё увидимся, — осторожно взяв меня за руку, сказал он мне тогда на прощанье, с ласковой улыбкой глядя в моё печальное лицо.

— Я надеюсь... — тихо произнесла я, глубоко вздохнув.

Шло время. Я изо всех сил поддерживала тусклое пламя надежды на встречу в моём сердце, начинавшем учащённо биться от одной только мысли об этом парне, жила своей самой обычной жизнью, занималась учёбой в университете и старалась не думать о том, что от Антона абсолютно ничего не слышно уже который месяц. Однако забыть этого человека у меня не получалось, и с каждым днём и без того слабый огонёк надежды постепенно угасал, превращаясь в маленькую, но горячую искорку.

И вот, однажды я вспомнила про ту бумажку с номером и адресом, которую Антон дал мне на прощание. В тот день я, озарённая блестящей идеей, так поздно пришедшей мне в

голову, перерыла весь дом в поисках заветного обрывка и, к моему счастью, нашла его среди кипы старых тетрадей. Дрожащими руками я стала быстро набирать номер Антона, боясь ошибиться и изо всех сил надеясь на то, что дозвонюсь. Тогда я волновалась, как никогда прежде.

— Я Вас слушаю, — послышался в трубке знакомый голос.

— Антон... — мой голос дрогнул от волнения.

— Лиза! — обрадованно воскликнул Антон, сразу узнав меня.

Мы проговорили полтора часа, Антон все спрашивал, почему я так долго не звонила, а я мучительно краснела, радуясь, что мой собеседник, к счастью, не мог видеть моего лица.

После разговора я чувствовала себя по-настоящему счастливой, хотя, казалось бы, ничего не испытывала к Антону и относилась к нему даже не как к другу, а как к приятелю.

Наши телефонные разговоры стали частыми и длились даже дольше, чем самый первый, что и радовало, и волновало меня одновременно. Каждый раз, снимая трубку, я нервничала, сама не понимая, почему. А ещё я ощущала, что сближаюсь с Антоном, и он становится не просто хорошим собеседником, а чем-то большим: он был единственным, кому я могла доверить все свои секреты и переживания, даже те, о которых не знали самые близкие люди. Мы, разделённые расстоянием, чувствовали себя очень близко друг к другу, километры дорог, пролегающие между нами, не могли нам помешать, а, наоборот, делали нашу довольно необычную дружбу крепче и дороже.

И вот настал тот чудесный момент, которого я так долго ждала. Я закрыла летнюю сессию, перешла на третий курс университета и ушла на желанные каникулы, на которые у меня ещё не было никаких планов. Но кое-что мне сделать всё же хотелось. В моём разыгравшемся от волнительных телефонных разговоров воображении уже давно рисовались различные яркие картины нашей встречи с Антоном, и в один прекрасный вечер, после очередного звонка парня, я поняла, что моя заветная мечта обещает осуществиться, так как Антон, словно прочитав мои мысли, пригласил меня к себе на время каникул.

На следующий же день я, не веря своему счастью, поспешила купить билеты на поезд до города, где жил мой лучший друг.

Вечер перед отъездом выдался очень волнительным. Я собиралась, стараясь всё упаковать как можно быстрее и с трудом унимая взбудораженное мыслями о свидании воображение, так и подбивавшее швырнуть сумку на пол и совершить вокруг нее победный танец воинственных индейцев.

Уснуть мне, конечно же, не удалось, поэтому на поезд, отходивший рано утром, я не опоздала. Забросив потяжелевшую сумку на полку над головой, я плюхнулась на сиденье, готовясь к долгой поездке.

Глава 2. Странная авария

Всё ещё с трудом веря своему безграничному счастью, я не обратила внимания, что еду в целом купе одна. Конечно, ничего необычного здесь не было — студенты ещё отсыпались после сессий, а люди постарше проклинали рабочие будни. Я удобно расположилась на нижней полке и, глядя в окно на знакомую станцию, погрузилась в собственные мысли.

Однако, к сожалению, наслаждаться полным одиночеством мне пришлось недолго, так как через некоторое время ко мне присоединилась соседка — статная дама преклонного возраста, оживлённо болтавшая с кем-то по телефону. Это несколько раздражало, но женщина, увлечённая беседой, словно не замечала никого и ничего вокруг себя.

Я, поняв, что мои надежды не оправдались, села ещё ближе к окну и постаралась отвлечься от всего окружающего, однако сделать это рядом с говорливой соседкой было не так просто, как казалось. Я сидела и угрюмо терпела звонкий голос женщины, который разносился, казалось, не только по тесному купе, но и по всему вагону.

— Да у нас голуби во дворе наглые такие стали! Да жирные какие! Стоит просто мимо пройти, а они уже тут как тут! Целая стая слетается, и чувство такое, что вот-вот набросятся! Когда приеду домой, скажу Дарье Сергеевне, чтобы поменьше их кормила, а то избаловала совсем. А как там твой Мишка? Женился уже? — безостановочно тараторила моя соседка.

Ну вот зачем обсуждать такие темы в общественном месте, да ещё и на повышенных тонах? Ведь никого из окружавших женщину людей не интересовали ни наглые голуби, ни какой-то там женившийся Мишка. Это просто уже выходило за рамки приличия, и с каждым мгновением, проведённым рядом с этой болтливой незнакомкой, я всё больше жалела, что выбрала именно это купе.

Вдруг я вспомнила о мирно лежащих в кармане наушниках, достала из сумки плеер и, погрузившись в мир любимой музыки, снова уставилась в окно, забыв о соседке, продолжавшей свою оживлённую беседу.

Волнение всё сильнее охватывало меня, и я уже даже с некоторым страхом думала о предстоящей встрече. Я задумчиво смотрела на успевшую опустеть железнодорожную станцию, и перед моими глазами всплывал неясный, овеванный туманной дымкой образ моего друга Антона. Музыка, игравшая у меня в наушниках, ещё больше способствовала подобному ностальгическому настроению, отчего сердце моё сильно и часто забилося.

Поезд тронулся, и перед глазами проплыл родной город. Да, в детстве железная дорога и простирающиеся вокруг неё места завораживали меня. Тогда я в шуме и грохоте пронесившихся мимо поездов слышала нечто таинственное, манящее и всё рвалась ближе к железной дороге, получая замечания от родственников, убеждавших меня в том, что железная дорога не место для юных особ моего возраста.

Наш поезд набирал скорость, и знакомые пейзажи всё быстрее проносились за окном. Им на смену пришли неизвестные мне места, наверняка хранившие в себе множество загадок и секретов.

Когда до прибытия в город, в котором жил Антон, оставалось около двух часов, моя соседка, наконец, замолчала и стала молча глядеть в окно, о чём-то задумавшись. Я решительно вытащила наушники из ушей, убрав плеер с глаз долой. Слишком уж угнетала сейчас любимая музыка: вместо того, чтобы снимать напряжение, она, наоборот, взволновала ещё больше, и лучшим выходом было просто посидеть спокойно, медитируя под

монотонный, убаюкивающий шум колёс.

За окном простиралась бескрайняя долина. Огромное пространство, словно смущаясь, куталось в белесый туман. Поезд сделал поворот и, вырвавшись из туманной завесы, понесся по мосту над какой-то рекой. Вода сверкнула небесно-голубым цветом с невыносимо-яркой солнечной дорожкой и тоже осталась позади.

Идиллическую праздность нарушил звонок моего телефона. От неожиданности я вздрогнула и подпрыгнула, — впрочем, как и моя соседка, одарившая меня неодобрительным взглядом.

Достав разрывающийся телефон из сумки, я занервничала ещё сильнее: звонившим был не кто иной, как Антон.

— Алло, я слушаю, — тихо ответила я, про себя отметив немного изменившееся звучание собственного голоса.

— Лиза, ты чего там, умираешь что ли? — бодро пробасил Антон.

— Да нет, не выпалась просто, — пытаюсь скрыть волнение в голосе, ответила я, — через полтора-два часа прибуду.

— Отлично. Тогда я встречу тебя. Надеюсь, ты меня узнаешь.

Я положила трубку и, охваченная леденящим волнением, убрала телефон в сумку. В данный момент я ощущала себя другим человеком, временно вселившимся в мое тело и поглотившим все обычные мысли. Обладая достаточно скромным и нерешительным характером, я всегда сильно нервничала перед каким-то важным для меня событием, но сейчас, помимо волнения, какое-то новое чувство разливалось по всему телу.

В купе вошла проводница — принесла чай моей соседке. Женщины о чем-то заговорили, но я их не слушала: все мои мысли сейчас были только о предстоящей встрече, и я не могла думать ни о чём больше. Я равнодушно посмотрела на пожилую даму, сидевшую напротив меня и жевавшую булку с повидлом, запивая её чаем. В данный момент мне не хотелось ни есть, ни спать — я просто сидела и непрерывно поглядывала на часы, считая время, оставшееся до прибытия.

Теперь время тянулось медленно, и каждая минута казалась целым часом, но любое ожидание рано или поздно заканчивается: поезд, наконец, прибыл на станцию, и теперь мне предстояла нелёгкая задача — найти моего друга среди толпы людей.

Выйдя из поезда, я внимательно огляделась вокруг — задача предстояла сложная, вокруг мелькало множество лиц, стоял невообразимый шум — кто-то горячо приветствовал новоприбывших гостей, а кто-то, даже не пытаясь сдержать слез, прощался с любимыми. И все суетились, о чём-то живо переговариваясь, а я просто стояла на железнодорожной станции незнакомого мне города и ждала чего-то, пытаюсь успокоиться и подавить охватывавшую меня нервную дрожь.

— Лиза! — кто-то схватил меня за плечо, и я, вскрикнув, резко обернулась, после чего моё сердце забилося так сильно, что я начала задыхаться.

— Привет, Антон, — я сделала нарочито безразличный вид, хотя мои губы и расплзались в предательской улыбке. Господи, как же, наверное, глупо и нелепо я смотрелась!

— Идём, — Антон бодро чмокнул меня в щеку, подхватил мой чемодан и, схватив меня за руку, ринулся куда-то сквозь толпу.

Совсем скоро мы вышли к какой-то стоянке и подошли к сияющей новизной чёрной машине.

— Твоя? — я удивленно приподняла брови.

— Да. Купил всего неделю назад.

— Красивая... — снова глупо разулыбавшись, протянула я.

В марках машин я, конечно же, совсем не разбиралась, но сделать пару комплиментов по ее поводу посчитала своим долгом. Услышав мои робкие «какая блестящая!» и «красивые колеса!», Антон расхохотался и ласково растрепал мою и без того разъехавшуюся прическу. Сгорая со стыда, я поскорее пристегнулась и с преувеличенным интересом уставилась в окно.

Когда мы выехали на оживленную улицу, мне стало уже по-настоящему интересно: за окном мелькали дома, магазины, клубы, указатели с названиями улиц — все эти обыденные вещи сейчас почему-то завораживали меня, поэтому я промолчала всю дорогу.

Но вот машина сделала очередной поворот и остановилась на светофоре. Я с интересом глядела на пешеходов, торопливо спешащих по переходу. Естественно, эти люди практически ничем не отличались от тех, что ходили по улицам моего родного города, но сейчас, рядом с Антоном, все мне казалось каким-то особенным, не таким, как обычно.

Какой-то опрометчивый голубь неспешным шагом вышел на дорогу и начал что-то склевывать с проезжей части. Занятая своим нехитрым делом, птица плевать хотела и на машины, и на людей. «Эх, задавят ведь сейчас», — подумала я, глядя на неосторожного голубя.

Внезапно откуда-то на ужасной скорости вылетела машина, промчалась прямо по беспечно клевавшей крошки хлеба птице, и я, представив, что от нее осталось, с отвращением отвернулась.

— Ну вот и куда его понесло на красный?! — завозмутился Антон, и я, подавив отвращение, снова посмотрела туда, где совсем недавно был раздавлен голубь. На обочине дороги лежал... нет, не голубь. Там, раскинув руки, распластался какой-то мужчина. Его окровавленное тело было изогнуто под неестественным углом, а вокруг него уже суетились люди, ставшие свидетелями аварии. В нескольких метрах от мужчины лежала перевернутая машина, — та самая, которая раздавила голубя. Я в ужасе ахнула и перевела взгляд туда, где должен был валяться дохлый голубь, однако дорога была пуста и чиста — ни единого пятна. Но... Ведь я сама видела, как автомобиль задавил птицу. Или нет?..

Охватившее меня волнение постепенно спало. Ему на смену пришло множество вопросов, связанных со странной аварией. Я не понимала, откуда взялся тот человек, и что послужило причиной автокатастрофы, однако голос, доносившийся из далёких глубин подсознания, подсказывал мне, что всё это было как-то связано. Вот только как?..

— Мд-а-а, долго нам ещё придётся стоять, — Антон высунулся из окна и смерил взглядом внушительную пробку впереди.

— А ты не заметил ничего странного?.. Просто я отвлеклась немного, — спросила я, старательно делая незаинтересованный вид.

— Эта машина мчалась с такой скоростью, что просто взлетела на несколько секунд, а потом упала и перевернулась, а водителя вышвырнуло через лобовое на обочину.

— А где раздавленный голубь?

— Какой голубь? — Антон непонимающе уставился на меня.

— Ну... Перед этим... Перед аварией этот мужик раздавил голубя. Как думаешь, может, это как-то быть связано?

— Не думаю, — Антон посмотрел на меня, как на чокнутую, и я поспешно свернула

разговор.

С одной стороны, логика говорила, что никакой связи здесь действительно и быть не может. Ведь не могла же машина «споткнуться» о голубя? Но, с другой стороны, меня терзали какие-то непонятные сомнения...

Глава 3. Коридор и птицы

...Я стояла посреди огромного узкого коридора, потолок которого был настолько высок, что скрывался в туманной дали. Гулкое пространство уходило вдаль, отчего создавалось впечатление, будто эти каменные стены бесконечны.

Вокруг царила крошечная темнота, тело сжимал подступающий приступ клаустрофобии, а звенящая тишина давила на барабанные перепонки и навевала тревогу и страх. Промозглый холод, непроглядный мрак и редкие таинственные шорохи во тьме вряд ли означали что-то хорошее и заставляли меня уже по-настоящему паниковать.

Я сделала осторожный шаг и тут же пожалела об этом: гулкое эхо огласило весь коридор громовым раскатом, и мне почему-то показалось, что, если я сделаю еще хотя бы одно движение, во тьме проснется что-то неведомое и невероятно страшное. А что, если меня уже слышали и над моей головой уже занесён чей-то огромный топор?.. От этих мыслей я покрылась липким потом и, пытаясь не шевелиться, стала прислушиваться к малейшему колебанию воздуха. Но зычное эхо превратилось в отзвук, а затем и вовсе стихло, и в коридоре снова воцарилась тишина. Сердце, как назло, начало биться быстро и так резко, что можно было подумать, будто оно пытается вырваться наружу и убежать с истерическим визгом. Его грохот, казалось, можно было услышать за милю вокруг.

Мое тихое помешательство прервал странный рокот. Я насторожилась и задержала дыхание: быть может, это проснулся тот самый сказочный великан с топором, мысли о котором теперь не казались таким уж абсурдом? Я вгляделась в темноту, на что непроглядный мрак издевательски бы хмыкнул, умеи он это делать, но, конечно, увидеть ничего не смогла и решила опять полностью положиться на слух.

Я снова, вопреки голосу разума, попыталась сделать шаг, но ослепительная молния и таинственные огни, свет от которых резко осветил неведомый коридор, заставили меня остановиться. Я ругнулась на яркий свет, ударивший мне в глаза, и крепко зажмурилась. Немного привыкнув, я все же немного приоткрыла один глаз и увидела приближавшуюся ко мне странными рывками маленькую фигурку. Не разбираясь, кто это, я завопила от ужаса во все горло и ринулась прочь. Пол коридора словно превратился в густой кусок меда, я с невероятным трудом продиралась вперед, пока не завязла настолько, что не могла двинуться. Напряженно застыв, я оглянулась через плечо и облегченно выдохнула: судя по всему, ко мне семенил обыкновенный голубь. Вздох облегчения застрял в горле: птица шла так уверенно, так необычно для безмозглого уличного пернатого вора, что тревога вновь зашевелилась где-то внутри.

— Гули-гули... Хорошая птичка... — ляпнула я, чувствуя, как волосы встают дыбом. Ох, как же не к месту вспомнились хичкоковские «Птицы»!

В ответ на моё жалкое заигрывание голубь издал дикий, ненормальный для живого существа крик. Услышав это, я едва не потеряла рассудок, в то время как голубь расправил крылья и, взмыв в воздух, снова закричал. Я с содроганием поняла, что он кого-то зовет.

Красные глаза его горели, как два угля, а от каждого взмаха крыльев по коридору разносился резкий тошнотворный трупный запах. На зов вожака отовсюду слетелось множество голубей, издававших kloкочущие звуки и яростно хлопавших крыльями, и я поняла, что еще немного — и они нападут, выключат мне глаза, расклюют лицо, снимут по кусочку мою кожу...

Голуби начали виться надо мной, их стало все больше и больше. Теперь уже не только глаза, но и тела птиц загорелись, превращая их в неистовые живые факелы. От тех птичек, которых мы считаем безобидными милашками, не осталось и следа.

Я не могла сдвинуться с места, мои глаза широко раскрылись от ужаса и удивления, в них отражалось бушующее пламя, охватившее птиц. Может, я просто сошла с ума?!

Я начала неистово вертеться, поочередно пытаюсь выволнить то одну, то другую ногу. В голове билась только одна мысль — бежать, бежать немедленно, пока не произошло что-то непоправимое и ужасное. Но в какой-то момент эта мысль сменилась другой: а далеко ли я убегу из закрытого коридора? Что еще ждет меня в его глубинах?.. Я остановилась, повернулась лицом к бесновавшимся птицам и завопила от ужаса.

Голуби стремительно увеличивались в размерах, размах крыльев уже достигал орлиного, а из некрасивых клювов доносились все более громкие вопли.

Вдруг одна из птиц подлетела ко мне и... заговорила человеческим голосом! Бархатистый тенор голубя гулким эхом разнёсся по всему коридору, заставив остальных пернатых замолчать:

— Лиза, спасайся! Стражи ада беспощадны!

Голос показался знакомым, поэтому я решила послушаться совета голубя и, ощутив, что пол снова стал твердым, со всех ног помчалась прочь. Но не успела пробежать и десяти метров, как одна из горящих огромных (а, может, это я уменьшилась, а не они увеличились?) птиц подхватила меня и куда-то понесла. Взвизгнув, я попыталась вырваться, но это оказалось бессмысленной затеей. Смирившись, я безвольно обвисла в жутких лапах.

Голубь набирал высоту, и я видела, как таинственный коридор с его каменными стенами и полом постепенно скрывается в тумане. Теперь мне было страшно еще и из-за невероятной высоты. Голова закружилась, и я едва сдержала рвотный позыв.

Внезапно неведомая сила вырвала меня из голубиной хватки и швырнула вверх, к мерно взмахивающим крыльям. Я судорожно уцепилась за одно из них и невероятным усилием вскинула свое тело на спину птицы. Голубь возмущенно вильнул в сторону, и я, не осознавая своих действий, боясь за свою шкуру, крепко, изо всех сил, схватилась за шею дьявольской птицы и... случайно свернула её. Поняв, что же я натворила, я крепко зажмурилась. Вот сейчас птица рухнет вниз, и тогда... Но вместо этого я почувствовала, как птица рванулась ввысь. Перья ее засверкали так ярко, что этот свет ослеплял даже сквозь плотно зажмуренные веки. Пальцы обожгло демоническим огнем, и я почувствовала, что соскальзываю с птицы вниз...

Внезапно чьи-то руки подхватили меня, и я открыла глаза. Я находилась в машине моего друга, и мы уже почти приехали. Бледный Антон смотрел на меня с непередаваемым ужасом, а потом хрипло спросил:

— Лиза, с тобой всё в порядке? Ты только что головой чуть стекло не прошибла...

— Со мной всё в порядке, — заверила я, с трудом переводя дыхание, — просто ночью я не спала, а сейчас задремала, и мне приснился... э-э-э... кошмар.

Я не соврала: прошлой ночью я не сомкнула глаз, поэтому задремала в плавно покачивающейся на поворотах машине, углубившись в свои размышления о той аварии и о пропавшем голубе. Но такого увидеть во сне я никак не ожидала, и сейчас у меня возникла нелепая мысль о том, что сон — это предупреждение о чем-то ужасном, но, когда я посмотрела на выражение лица Антона, она улетучилась. Выражение лица моего друга сейчас было недоумевающим и в то же время очень забавным.

— Да успокойся ты. Всё хорошо, — повторила я, улыбнувшись и устроившись в кресле поудобнее.

На некоторое время в автомобиле повисло неловкое молчание, которое вскоре нарушил слегка шокированный моим странным поведением Антон:

— Ну, всё. Мы на месте.

Глава 4. Приезд

Антон припарковал машину и мы, наконец, вышли из неё. У меня пропало всякое настроение осматриваться, а от жгучего любопытства, переполнявшего меня всего час назад, не осталось и следа. С одной стороны, меня снова клонило в сон, а с другой — я боялась засыпать, странный, почти животный страх охватывал меня при первой мысли о том, что я могу снова вернуться в тот коридор, и то, что я видела в своём кошмаре, каким-то образом выйдет в реальный мир, несмотря на то, что я понимала: такого произойти просто не может.

Антон поглядывал на меня с настороженностью и даже какой-то обидой: приехала к нему, а за все время с момента встречи даже толком и не пообщались. Но мне, как ни странно, было не до него, я снова погрузилась в свои мысли. Моё сновидение не давало мне покоя, а в голове всё ещё звучал бархатистый тенор голубя. Он был таким знакомым, и я точно знала, что где-то слышала этот голос, но не могла вспомнить, где именно, словно я встречала его таинственного обладателя, однако наше общение с ним длилось недолго. Но как такое возможно?!

Вскоре к этим думам прибавились мысли о сегодняшней странной аварии по пути к Антону домой. Я до сих пор не могла понять, куда делся голубь, и почему на том месте, где по нему проехала машина, не осталось никакого следа. Быть может, мой сон и эта автокатастрофа действительно как-то были связаны?

— Может, пройдем в подъезд? — решил напомнить о себе мой друг.

— Да, хорошо, — ответила я, немного туго соображая после безумного сновидения.

— Антон, а ты не замечал ничего странного в поведении голубей? — внезапно задала я вопрос, вертевшийся у меня на языке.

— Нет, птицы и птицы. Зато мой друг очень интересуется голубями. И я думаю, сейчас вы бы с ним нашли общий язык, — Антон снова глянул на меня так, будто я превратилась в роулинговскую Трелони и завопила о конце света, а затем открыл дверь, ведущую в подъезд.

Запах свежей краски резко ударил мне в нос, немного отогнав сонливость и заставив опомниться. Я равнодушно оглядела однотонные зелёные стены и свежеразкрашенные перила лестниц и громко чихнула от резко ударившего мне в нос запаха. Несмотря на то, что дом был новым, на меня этот подъезд абсолютно никакого впечатления не произвел: самые обыкновенные стены, лестницы, перила, квартиры, лифт и люди, каких было полно в каждом городе. Почему-то я ожидала увидеть что-то более интересное.

Поднявшись на лифте на шестой этаж, мы пересекли небольшой коридорчик и остановились у массивной металлической двери, запертой на несколько прочных замков.

Повозившись с ключами, Антон открыл дверь, и я без особого энтузиазма прошла в квартиру. Не знаю, почему, но интерес от встречи с другом куда-то испарился. Впрочем, вероятно, на меня так влияла сонливость и я, мечтавшая о тёплой кровати и мягком одеяле, попросту была не в силах выразить яркие эмоции.

Несмотря на видимое безразличие, я оценила уют, царивший в четырёхкомнатной квартире. В коридоре стоял небольшой встроенный платяной шкаф, забитый всякой всячиной. Стены здесь были обклеены обоями нежного бежевого оттенка, хорошо гармонирующими со шкафом подобного же цвета.

Комнаты были, в основном, в пастельных тонах, отчего даже у меня, помрачневшей и задумчивой, на душе стало как-то легко и приятно, и я на некоторое время забылась, но

потом снова вернулась в суровую реальность, полную неведомых загадок, ответ на которые мне ещё предстояло найти. Однако сейчас, когда я оглядела стены, обклеенные светлыми обоями, обитые бархатом мягкие кресла и диваны, жизнерадостные картины с великолепными пейзажами, межкомнатные арки с изящной ажурной чеканкой и прочее, я ощутила, как приятное тепло разливается по всему телу, и тревожные чувства рассеиваются, сменяясь абсолютно безмятежным спокойствием и умиротворением. Сон, продолжавший одолевать меня, словно почуяв ослабление рубежей, усилил свой призыв и я ощутила, как глаза начинают слипаться.

— Думаю, тебе стоит отдохнуть, — произнёс Антон, понаблюдав за моими попытками стряхнуть дремоту.

— Да, немного, — подавив зевок, ответила я и едва сдержалась от сладкого потягивания.

— Идём, — друг, добродушно усмехнувшись, приобнял меня за талию и повёл в одну из комнат.

— Эта комната будет твоя, — снова с какой-то странной улыбкой произнёс Антон, и я благодарно что-то муркнула в ответ.

Комнатка была маленькая и уютная, с приятными светлыми обоями. Середину помещения занимала царственная двуспальная кровать, застеленная пушистым узорчатым пледом. У изголовья комфортного ложа была деревянная тумбочка со стоящими на ней маленьким резным зеркалом и будильником, равномерное тиканье которого навевало еще большее спокойствие, словно я вдруг оказалась в гостях у любимой бабушки, не признающей молчаливых электронных часов.

Перед тем, как нырнуть в приготовленную постель, я заглянула в пустой шкаф-гардероб и, не увидев там ровным счетом ничего интересного, выглянула в окно. Отсюда, с шестого этажа, открывался вид на длинное шоссе, по которому проносилось множество автомобилей. Дальше были видны многочисленные дома: как низенькие с покосившимися от старости крышами, так и статные многоэтажки, гордо возвышающиеся над городом. Однако я, никогда особо не любившая урбанистические пейзажи, не могла оторвать взгляда от видневшихся вдаль, там, куда люди еще не забрались со своей «цивилизацией», остроконечных горных вершин, бесстрашно вонзавшихся в тёмный небосвод, словно бросая вызов низко нависшим тучам. Я на какой-то миг даже позабыла и о сне, и о голубях, и уже не в первый раз в жизни пожалела, что не умею рисовать. Не знаю, почему, но сейчас мне хотелось туда, на вершину одной из этих скрытых в тумане гор, с небольшим холстом и термосом кофе, и чтобы были лишь я, высота и то невероятное чувство, которое возникает, когда соприкасаешься с великим творением природы. Стать птицей, взлететь туда, оставить позади даже вершины, и... Птицей... Голубем... И снова мне полезли в голову мысли об этих дьявольских созданиях, пригрезившиеся мне в машине.

С досадой задернув кремовые шторы, я отошла от окна и, стараясь отвлечься от не к месту вернувшихся дум, легла на кровать. Безмятежная дымка сна охватила меня практически сразу же, и я снова погрузилась в мир туманных грёз.

На этот раз мне вообще ничего не снилось, и я проспала спокойно и безмятежно до самого вечера. Однако я даже представить себе не могла, что происходило в это время в моём родном городе, от которого меня сейчас отделяли сотни километров пути...

Глава 5. Горящие птицы

На улице стоял пасмурный летний день. Большие свинцовые тучи обволакивали хмурое небо, поглощая нежную лазурь, отчего на душе у людей, жаждавших тёплой солнечной погоды, становилось как-то тоскливо, и они равнодушно смотрели на то, как за окном редкими вязкими каплями накрапывал мелкий дождь.

Наталья Ледковская сидела в своей уютной квартире, плотно задёрнув на окнах шторы, и разговаривала по телефону с соседкой, хотя мысли её были заняты лишь одним: доехала ли её девятнадцатилетняя дочь Лиза до нужного ей города или же с ней что-то случилось по пути? Звонить дочери любящая мать, не хотевшая отвлекать Лизу от долгожданной встречи с другом, не отваживалась, однако то, что никаких звонков или сообщений от девушки женщина до сих пор не получила, пробуждало в ней смутное беспокойство.

— И охота же ему в такую погоду гулять? Эх, не понимаю я этих детей! — неясно донеслись до погруженной в свои думы Натальи слова её собеседницы.

— Да, действительно... — рассеянно ответила мама Лизы, подойдя к окну спальни, в которой она находилась, и отдёрнув вишнёвого цвета шторы, плотно закрывавшие оконце.

Тусклые блики дневного света проникли в комнату, рассеяв мягкий полумрак, стоявший здесь, отчего беспокойство на душе у Натальи почему-то стало возрастать, но соседка, безостановочно тараторившая, никакой тревоги в голосе собеседницы не услышала.

— Мда-а, ну и погода. А ведь сегодня обещали солнечный день! Этим синоптикам верить нельзя! А детям, похоже, всё равно: резвятся тут во дворе. Мой сын с ними.

— А моя дочь уехала сегодня, но до сих пор не позвонила, я тут сижу, волнуюсь, — решила признаться Наталья, поняв, что её собеседница хотела поговорить о детях.

В это время восьмилетний сын той соседки резвился на улице вместе с другом, невзирая на непогоду, творившуюся там. Со звонким хохотом мальчик пытался поймать мелкие капли монотонного дождя, беспрестанно накрапывавшего. Пока мама не увидела его, маленький хулиган бегал по лужам, разбрызгивая мутную воду.

— А тебе слабо? — смеялся он над своим другом, который скромно стоял около покрытой блестящими каплями горки, сжимая в руках небольшой целлофановый пакетик с двумя булками хлеба.

— Меня мама убьёт, если узнает, чем я занимался! К тому же, пакет может порваться, тогда мама меня вообще расчленит, — ответил второй, похоже, не желая подчиниться своему бойкому другу, который, хохоча, продолжал прыгать по лужам, окатывая приятеля грязными брызгами.

— Ха! Да ты просто слабак!

По виду второго, стоявшего на месте друга, можно было сказать, что внутри него клокочет яростная битва. С одной стороны, ему совсем не нравилось, что приятель круче его, а с другой — голос разума твердил ему, что так делать было нельзя.

— Я не слабак! Я тоже так могу! Только не сейчас! Понял?!

— А когда? Мамочка нас наругает, ути-пути! — издевался прыгавший по лужам паренёк.

Не на шутку раззадоренный, вопреки голосу разума, друг не удержался и тоже пустился по лужам, вслед за хохочущим приятелем. Размахивая руками в разные стороны, мальчик

бежал по мокрой грязи, пытаясь догнать своего провокатора, который продолжал бросать ему различные ехидные реплики:

— А если тебя мамочка наругает?

— Ну и что?! Видишь, я не сла... — договорить мальчик не успел, так как, совершив неудачный прыжок, поскользнулся, упал и угодил прямо лужу, разбрызгав во все стороны грязную воду.

— А всё-таки, Серый, ты слабак! — засмеялся маленький провокатор, глядя на валявшегося в вязкой грязи друга.

Пакет, в котором лежал хлеб, выскользнул из рук парнишки и, немного отлетев, бесшумно упал приземлился в грязь. Две булки выпали, оказавшись в том же размокшем месиве, а целлофановый пакетик был поднят внезапным порывом холодного ветра в воздух.

— Ну, вот! Я же говорил! Мама убьёт меня! И где я теперь хлеб куплю? У меня больше не осталось денег! — чуть не плача, сказал «слабак», пытаясь подняться.

— У меня есть немного, думаю, на хлеб хватит. А этот голубям скормим! — перестав глумиться, подбодрил друга юный хулиган.

Паренёк, немного расслабившись, выбрался из мокрой грязи и подошёл к переставшему прыгать приятелю.

— Пошли, — сказал «Серый».

Слегка усмехнувшись, маленький проказник протянул другу несколько потускневших от времени монет.

— Они ещё действительны? — засомневался приятель, взяв деньги.

— Конечно. Мне их мама дала.

Два мальчика молча вышли на покрытую лужами дорогу и направились в сторону ближайшего хлебного ларька.

На улице всё ещё было не по-летнему промозгло и сыро, словно серая осень раньше времени взошла на свой пост в царстве погоды, вытолкнув солнечное и вечно смеющееся лето. Небо было затянуто тяжёлыми непроницаемыми тучами, которые тяжело нависли над городом. Одетые в пышные зелёные наряды деревья произвольно сжались, листики их понуро склонились. Люди, ёжившиеся от порывов холодного ветра и противных капель мелкого вязкого дождя, спешили укрыться в тепле.

Два юных друга, на душе которых тоже стало как-то тоскливо, подошли к ларьку и встали в небольшую очередь, а затем, приобретя нужный им товар, снова вернулись на совсем опустевшую детскую площадку. Мальчики не могли не заметить то, что дождь усиливался, однако, несмотря на это, прекращать свою прогулку не собирались.

Подняв валявшийся в грязи хлеб, друзья снова вышли на мокрую дорогу и направились в сторону соседнего двора, где обычно слеталось множество голодных голубей.

— Давай я их покормлю, — предложил самый хулиганистый и непоседливый из приятелей.

— Хорошо, — согласился второй, который, похоже, не особо-то желал тратить время на столь бесполезное занятие, к тому же, он, побывавший в холодной луже, уже начал замерзать. — Можно я пойду домой? А то мне холодно, да и мама меня искать будет.

— Иди, если хочешь. Я думал, ты со мной будешь. А ты... слабак.

— Я не слабак!

— Ладно, иди уже, раз тебе пора.

— Хорошо, я пошёл. Пока.

— Пока.

Оставшийся мальчик, промочивший ноги, уже тоже начал мёрзнуть, поэтому быстрым шагом пошёл к нужному ему безлюдному двору, по которому важно расхаживали два голубя. Завидев птиц, паренёк раззадорился и потому решил немного поиздеваться над этими беззащитными созданиями, своими кривыми клювами искавшими завалявшиеся крошки хлеба.

— Эй, вы! Смотрите, что у меня есть! — воскликнул маленький разбойник и подошёл ближе к голубям.

Голодные пернатые, завидев хлеб, подлетели к мальчику в ожидании заветного кусочка. Вскоре к ним присоединились другие голуби, и через некоторое время птицы окружили паренька со всех сторон, но тот, чувствуя власть над ними, медленно отламывал крошки, и, когда птицы готовились их ловить, отходил в сторону, крепче сжимая кусочки хлеба в руке.

— Ха! Думаете, я вам их так просто отдам! — смеялся он.

Внезапно неизвестно откуда послышался зычный голос, обрамлённый неведомым эхом:

— Как ты смеешь насмеяться над нами, грязное человеческое отродье?! Ты за это заплатишь!

Решив, что это ему показалось, мальчик продолжил издеваться над голодными птицами. Ведь они были такими милыми и глупыми, такими беззащитными, беспомощными...

Внезапно голуби, издав дикий боевой клич, стали увеличиваться в размерах. Глаза их загорелись безумным ярко-красным огнём, не свойственным живым существам, цвет перьев у некоторых птиц также стал меняться. Яростно взмахивая ставшими огромными крыльями, голуби взмыли в воздух, не переставая, однако, странно вопить.

Подлетев к застывшему на месте от изумления и ужаса беззащитному мальчику, пернатые подхватили его своими горящими уродливыми клювами, а затем взмыли вместе с ним в воздух. Не обращая внимания на отчаянные крики жертвы, голуби с боевым кличем поднимались всё выше и выше, прямо к тёмному небосводу.

— Отпустите меня! — кричал пленник, пытаясь вырваться, но в то же время понимая, что делать это бессмысленно и опасно для жизни.

Вскарабкавшись на спину птицы и крепче схватившись за горящие перья, мальчик закрыл глаза, стараясь не смотреть вниз. Пронизывающие капли дождя неумолимо били ему в лицо, словно пытаясь сбросить несчастную жертву вниз, правую ногу свело мучительной судорогой, но, вскрикивая от боли и ужаса, паренёк пытался держаться.

Голуби взлетали всё выше и выше, и с каждым взмахом их гигантских крыльев температура воздуха понижалась. Теперь, помимо судороги и страха, несчастного мальчика стала мучить холодная дрожь, и он чувствовал, что теряет силы и вот-вот упадёт вниз. Крепче зажмурившись, ребёнок из последних сил вцепился в голубиные перья.

В это время в том дворе, где случилось сие странное происшествие, столпились люди. В изумлении разинув рты и широко раскрыв глаза, они смотрели на то, как свирепая стая неведомых горящих птиц взмывала к окутанному мутными тучами небу, унося с собой беззащитного человеческого ребёнка. Голубь, на спине которого съёжился несчастный мальчик, летел выше всех, беспрестанно взмахивая своими исполинскими крыльями.

Внезапно горящая птица перекувыркнулась в воздухе, и ослепительный свет, исходивший от неё, стремительной молнией озарил сокрытый небосвод, словно пронзая его. Паренёк, которого нёс голубь, из последних сил пытался держаться, однако сделать это ему не удалось. Слеплённый всепоглощающим светом, мальчик молниеносно полетел вниз, и

вскоре его обессиленное тело плашмя упало наземь, обогрив влажную после дождя землю свежей кровью. Последним, что почувствовал бывший юный разбойник, был громкий хруст его костей, сменившийся невыносимой болью, после которой всё навеки померкло в глазах восьмилетнего ребёнка.

Шокированные весьма странным зрелищем люди со всех сторон обступили обмякшее тело мальчика, лежавшего в луже собственной крови, багровые ручьи которой неумолимо растекались по мокрому асфальту. Естественно, «скорая помощь», прибывшая через некоторое время, не смогла спасти ребёнка, ну, а прохожие, отвлекшиеся на погибшего мальчика, не уследили за птицами, которые куда-то резко исчезли, оставив после себя лишь несколько упавших на землю обыкновенных голубиных перьев.

Этой ночью мне ничего не снилось, и потому я совершенно не желала просыпаться, однако из мира безмятежных грёз меня вывел внезапный звонок мобильного телефона. Я подскочила с кровати и, схватив с тумбочки телефон, сонным голосом ответила:

— Алло. Я вас слушаю.

— Лиза, наконец-то я услышала тебя! Ты бы знала, что тут у нас творится! Лизочка, милая, по-моему, я сошла с ума! — в трубке послышался испуганный голос моей мамы, срывавшийся на крик.

— Что случилось?! — встревоженно спросила я.

Глава 6. Новость

— Нет, этого просто не может быть, я точно сумасшедшая!.. — голос моей мамы дрожал, периодически срываясь на крик, и сразу становилось понятно, что она не верила в действительность тех событий, которые собиралась описать.

Мне, дорожившей своей любимой матерью, стало страшно, когда я только услышала её голос. Моё богатое воображение сразу нарисовало различные жуткие картины, на первом плане которых была именно моя мама, мирная жительница маленького городка, всегда обходившая стороной небезопасные территории, но всего лишь один раз не последовавшая своему правилу, понеся плачевные последствия для самой себя.

Сердце моё забилося так же часто, как тогда, когда мне неожиданно позвонил Антон, однако теперь это волнение было совершенно другим, никак не связанным с долгожданной встречей. В отличие от трепетного беспокойства, охватывавшего меня несколько часов тому назад, новое ощущение словно подсказывало мне, что произошло что-то ужасное, и оно, скорее всего, представляло угрозу как мне, так и моим беззащитным родственникам.

Некоторое время я молчала, выслушивая душераздирающие причитания матери и всё глубже погружаясь в собственные думы. Я пыталась мысленно прокрутить события, которые произошли за этот сумасшедший день, чтобы получше всё осмыслить и, возможно, сделать какие-то выводы. Однако в моей голове всё перемешалась, и новый груз информации, который обещал обрушиться на меня в ближайшее время, лишь разбавил бы кашу, образовавшуюся в моих мыслях, но не подтолкнул бы меня к подведению итога.

— Нет, я не могу тебе рассказать это, ты точно примешь меня за ненормальную, в этом даже не стоит сомневаться, — моя мама, хотевшая выговориться, но вместе с тем опасавшаяся чего-то, не решалась в подробностях рассказывать о причине своего странного поведения.

— Рассказывай, — неожиданно для самой себя ответила я, поняв, что больше не в силах терпеть нарастающую интригу. Наверное, именно волнение, терзавшее мою душу, подтолкнуло меня к столь решительным действиям.

— Ну, хорошо, только, прошу тебя, не задавай мне лишних вопросов по этому поводу. Я сама сомневаюсь, что нахожусь в здравом уме. Потому чётких ответов дать тебе уж точно не смогу.

— Рассказывай скорее, — теперь уже и мой голос, наполненный тревогой, заметно дрожал. Меня пугала неизвестность, которая действовала на моё воображение и, раззадоривая его всё сильнее, словно оживляла мои старые кошмары.

— Лиза, в нашем городе происходят очень странные события. Несколько часов тому назад погиб восьмилетний сын нашей соседки, и виновниками его гибели стали, ты не поверишь, голуби! Но не те милые птички, каких мы часто кормим, а голуби, преобразившиеся в каких-то жутких тварей! Эти кошмарные глаза, горящие перья, уродливые клювы...

Услышав слова мамы, я замерла на месте как вкопанная. Осознание нагрнуло на меня, словно гром среди ясного неба. Ведь странности, связанные с голубями, явно происходили и в городе, который я выбрала в качестве своего пристанища в период каникул. Кроме того, кошмарный сон, что приснился мне в машине, судя по всему, был и впрямь связан с какими-то предстоящими событиями.

Мелкая дрожь пробежала по моему телу, и на некоторое время мне показалось, будто, телепортировавшись из тёплой и уютной квартиры Антона, я попала в какую-то дико холодную местность, где царил зима. Однако, к моему счастью, это чувство было всего лишь иллюзией, вызванной нешуточной тревогой.

Я, невольно ставшая участницей каких-то фантастических событий, с трудом верила, что все эти явления всерьёз происходили в нашей реальности. Одна только мысль о мистическом происхождении голубей вызывала невольную усмешку, но с каждой минутой я всё яснее осознавала, что это не чей-то весьма странный анекдот и не мои бредовые фантазии, а истина, встретиться с которой мне предстояло ещё не раз.

— А где эти голуби находятся сейчас? — опасливо спросила я, ненароком поглядывая в окно.

— Я не знаю, после своего нападения они куда-то исчезли. Потом снова появились, некоторое время кружили над городом, периодически опускались и совершали нападения на людей, а затем опять улетели. Но я уверена, что они так просто не оставят нас в покое. Они ещё вернуться...

Некоторое время мы с мамой ещё оставались на связи. Мы молчали. Я пыталась проанализировать всю последнюю информацию, чтобы составить хоть какой-то план дальнейших действий, в то время как мама, по-видимому, ждала от меня комментариев. Когда наконец мы обе поняли, что нам больше нечего сказать друг другу, наш разговор прекратился.

Оставив телефон на прикроватной тумбочке, я поспешила в комнату к Антону, чтобы посоветоваться с ним насчёт последних событий. Однако, не дойдя до нужной двери, я остановилась. Меня внезапно посетили сомнения, что мой друг, достаточно скептически относившийся к странностям, связанным с голубями, воспримет мои слова как речь адекватного человека. Ведь после того, как я, случайно погрузившись в сон, чуть не прошибла головой окно в его машине, отношение Антона ко мне немного поменялось. Возможно, он даже решил, что я сошла с ума, и потому мне совершенно не хотелось ещё больше усугублять ситуацию.

Немного поразмыслив, я приняла адекватное решение и, собравшись его осуществить, с жутко взволнованным видом прошагала в комнату к другу.

Это оказалась достаточно широкая, но тем не менее весьма уютная спальня, обставленная в сдержанных тонах. Стены здесь были обклеены одноцветными синими обоями, отлично гармонировавшими с подобного же оттенка одеялом, водруженным на удобную кровать, что была расположена около правой стены. На прикроватной тумбочке покоился электронный будильник, рядом с которым лежал мобильный телефон, выглядящий весьма незамысловато. На соседней стене висел большой плазменный телевизор, присутствие которого весьма удивило меня, окунувшуюся в атмосферу простоты, что царил в каждом уголке данной квартиры. Вдоль левой от входа стены тянулся деревянный шкаф, обставленный диковинными сувенирами. К шкафчику прилегал стол, на котором, помимо стопки книг, стоял мощный современный компьютер. Кругом были развешаны картины, изображавшие природу, и фотографии, на которых запечатлелись яркие моменты из жизни моего друга.

Сам Антон сидел напротив компьютера и проводил время в увлекательной игре, о сюжете и правилах которой я не знала ровным счётом ничего. Однако в комнату я пришла вовсе не для того, чтобы присоединиться к этому нехитрому занятию. Я хотела побеседовать

с другом, и потому мне пришлось прервать его беззаботное развлечение.

Услышав мой обеспокоенный голос, Антон мгновенно отвлекся от игры и обернулся, чтобы всё внимательно выслушать. Я решила не медлить и сразу же перейти к основной проблеме.

— Антон, прости меня, но... Да, мне очень жаль, но я не могу больше оставаться у тебя. Только что мне позвонила мама и сказала, что едет в больницу. Ей сейчас очень плохо. Я ужасно волнуюсь. Я должна быть рядом с ней. Мне нужно срочно вернуться домой. Надеюсь, ты поймёшь меня.

— Да, конечно, Лиза, твоё решение абсолютно правильное. Жаль, что мы с тобой толком не успели повидаться, но семья ведь важнее. Я буду рад тебя видеть у себя в любой момент, так что обязательно приезжай, когда всё наладится.

— Хорошо, я позвоню тебе, когда смогу приехать.

Конечно, мне жутко не хотелось покинуть эту уютную квартиру, которую я даже не успела как следует изучить. Но так как обстоятельства меня просто вынуждали пойти на подобный шаг, я, получившая понимание Антона, мысленно издала облегчённый вздох. Друг поверил мне, посочувствовал и совершенно не обиделся, а значит, в безумных историях о голубях необходимости не было.

После непродолжительной беседы с Антоном я сразу же собралась и отправилась на вокзал, где приобрела билет на ближайший поезд, отходивший поздней ночью. Когда я вернулась, у меня ещё оставалось достаточно много времени, чтобы сложить все вещи и даже немного пообщаться с другом. Но последнего мне, как ни странно, не хотелось совершенно. Мои мысли были полны беспокойства о невероятных событиях, и ничего, кроме этих новостей, я обсуждать не желала, а потому, поспешно закинув вещи в сумки, я села на диван, стоявший в гостиной, и задумалась.

Сначала Антон устроился рядом и, заключив меня в дружеские объятия, попытался начать беседу. Он хотел подбодрить меня, однако, поняв безуспешность собственных стараний, решил, что в этом деле мне лучшим помощником послужит уединение.

Сама я не могла определить, приносило мне пользу одиночество или нет, но точно знала, что компания Антона, не ведавшего истинных причин моей тревоги, в тот момент была явно не для меня.

Так я просидела около часа. Мои размышления прервал друг, который собирался довезти меня до вокзала. Антон осторожно подошёл и, сообщив о наступлении нужного времени, возвратил меня к суровой реальности. Сделав резкое движение, я покинула удобное место и, отдав сумки другу, вызвавшемуся оказать мне и такую помощь, поспешила к выходу из квартиры.

Но внезапно, одной ногой уже ступив на лестничную площадку, я остановилась на месте как вкопанная. Антон хотел поинтересоваться, в чём крылась причина моего столь странного движения, однако я оборвала его на полуслове, заставив замолчать. Я услышала новость, которую объявляли по телевизору, на высокой громкости включенному в гостиной. Там говорилось о моём городе К и последних событиях, повергших в ужас весь его народ...

— Срочное сообщение. К стал местом невероятных событий, причину которых не может объяснить ни один учёный, — объявил ведущий. — В данный момент шокированные жители могут наблюдать странную картину, а именно голубей, перевоплотившихся в аномальных существ, восставших против человечества. Чудовища кружат над городом, совершая нападения на жителей и уничтожая всё на своём пути. В К объявлен режим

чрезвычайной ситуации. Людей срочно эвакуируют.

— Антон, ты слышал?.. — тихо спросила я, когда ведущий закончил свою речь.

— Да, и теперь я не отпущу тебя одну туда, пока не узнаю подробностей, — решительно произнёс мой друг, осторожно втолкнув меня в квартиру и поспешно закрыв дверь.

Глава 7. Нежданная гостья

Несмотря на мои сопротивления, Антон оставался беспрекословным в своём решении. Он не собирался отпускать меня туда, где творились события, способные понести угрозу моей жизни. Кроме того, он хотел выяснить, что действительно послужило причиной, по которой я, специально приехавшая погостить у друга, внезапно намерилась покинуть его квартиру.

Антон провёл меня в гостиную, где всё ещё был включен большой телевизор, стоявший на шкафчике, полном различных дисков. Он усадил меня на диван и попросил подождать его возвращения, а затем покинул комнату, скрывшись за ажурной аркой.

На этот раз я не стала противиться, так как понимала, что это бессмысленно. На поезд я бы уже, скорее всего, опоздала, а проводить время в неудобных стенах вокзального здания я не желала совершенно. Именно поэтому я, словно покорная школьница, которой учитель велел исполнить какое-то важное поручение, тихо сидела в гостиной и ждала друга, наблюдая за тем, как в соседнем доме беспрестанно зажигались желтоватые огоньки окон, казавшиеся единственными пятнышками света в огромном мире мрака.

Но ожидание моё длилось недолго, так как совсем скоро Антон вернулся, и я, только взглянув на него, сразу обратила внимание, что в руках он сжимал несколько денежных купюр. Приблизившись, он протянул мне деньги.

— Из-за меня пропадёт билет, а за него ты заплатила свои деньги. Так что у меня перед тобой долг. Его я сейчас тебе, собственно, и хочу отдать.

Сначала я хотела возразить, однако потом, подумав, что с Антоном, говорящим подобным тоном, спорить абсолютно бесполезно, молча взяла деньги.

— И всё-таки я должна вернуться к маме: она в ужасной опасности, понимаешь, — произнесла я твёрдым голосом, уже совершенно не беспокоясь о том, что, возможно, принимая такие решения, обижаю друга.

— Да, я понимаю. Но объясни, пожалуйста, всё поподробнее. И зачем ты обманула меня? — в голосе Антона отчётливо слышалось недовольство.

— Обманула я тебя, чтобы ты не принял меня за сумасшедшую. Разве непонятно? Что же, а теперь ты знаешь, что в моём городе происходит какой-то... бред. Не задерживай меня. Мне просто необходимо, подчёркиваю, необходимо вернуться домой! Ведь эти твари могут напасть и на мою маму.

— Если там приходят какие-то странные события — хотя я, конечно, сомневаюсь, что они как-то связаны с голубями, ну да ладно — я не отпущу тебя туда одну.

— Тогда, может, ты поедешь со мной?

— Нет. В данный момент у меня как-то нет желания связываться с какой-то тварью. У меня предостаточно своих дел, и я не намерен бросать их из-за чужого города. Тем более, если там опасно для моей жизни.

Теперь, помимо тревоги, разгоравшейся всё ярче, меня одолевала ярость, основной причиной которой был Антон. Раньше я считала, что характерами мы словно созданы друг для друга, однако теперь с каждым словом, доносившимся из его уст, я всё больше убеждалась в обратном. Теперь мой лучший друг представал передо мной вовсе не тем великодушным человеком, готовым всегда выслушать и прийти на помощь, каким я его всегда считала раньше. Он явно демонстрировал свою эгоистичность и трусость, неумело

пытаясь скрыть это от меня за проявлениями заботы, в которой я совершенно не нуждалась.

В тот момент меня переполняла нешуточная тревога, смешанная с гневом и разочарованием. Я осознавала, что, разглагольствуя с Антоном, попусту тратила время. Ведь голуби, не останавливавшиеся в своём стремлении нанести городу и его жителям как можно больший вред, не ждали. В то время как я прозябала в уютной гостиной, убивая драгоценные минуты, птицы продолжали свою кровавую миссию, уничтожая людей и разрушая городок, сохранявший мирную атмосферу на протяжении многих лет.

Я порывалась высказать Антону всё, что о нём думала, вылив на него своё бурное негодование, но, к счастью, вовремя удержалась. Всё-таки, несмотря на то что моё отвращение к этому человеку неумолимо росло, окончательно портить с ним отношения мне не хотелось.

Между тем сам Антон молчал, по-видимому, ожидая от меня какой-то речи. На его лице тоже было заметно недовольство, вызванное в большей степени тем, что я, объясняя необходимость своего срочного отбытия, посмела сказать неправду.

Некоторое время мы просто стояли на месте, стараясь не глядеть друг на друга. Атмосфера становилась всё более напряжённой. Я нутром чувствовала, что кто-то из нас обязательно должен был вот-вот взорваться, наговорив лишнего, так как и в моей голове, и, вероятно, в мыслях Антона, крутилось множество не самых лестных фразочек.

Между нами уже обещала разгореться крупная ссора, но внезапно произошло то, что смогло отвлечь каждого из нас. Неожиданно во входную дверь кто-то позвонил, и Антон, как хозяин квартиры, был вынужден оставить меня в гостиной одну. Я мысленно поблагодарила незваного гостя, который по неведомой причине решил навестить Антона поздней ночью.

Через некоторое время я услышала звук приближающихся шагов. Хозяин квартиры направлялся к гостиной, и с ним был ещё некто. Немного пройдя по коридору, Антон и гость добрались до нужной комнаты, и, когда они показались в арке, я смогла различить, кем же был тот чудесный человек.

Нежданном гостем оказалась Анна — давняя приятельница Антона, с которой ранее мне довелось однажды встретиться благодаря друзьям. Она как-то приезжала в мой город, чтобы уладить некоторые рабочие дела и заодно пообщаться с товарищами, тогда-то и произошло наше с ней знакомство. Только вот зачем она решила навестить Антона, явно не числившегося среди её лучших друзей, столь поздней ночью, для меня было загадкой.

Увидев Аню, я искренне удивилась и сильнее встревожилась. У меня сразу промелькнула мысль о том, что, возможно, произошла какая-то беда и Анна пришла предупредить нас о чём-то.

Однако лицо гостьи было невозмутимым, что вселяло в меня тусклую надежду на получение положительной информации.

— Я прошу прощения за неожиданное вторжение в позднее время. Но по новостям сегодня объявили такое... Что я не могу пропустить это мимо ушей, — произнесла Аня, обведя взглядом сначала меня, а затем Антона. По-видимому, она уже была осведомлена о дне моего прибытия в квартиру её приятеля.

Поняв, что моя смутная надежда не оправдалась, я подошла к гостье и, пытаясь не выдавать своего жуткого волнения, приготовилась внимательно слушать то, что она собиралась до нас донести.

— К сожалению, события из новостей действительно происходят в городе К. Голуби восстали против людей, и о причине их странного поведения я догадываюсь. Да,

определённо догадываюсь. Но высказывать свои предположения я пока не буду, потому что не особо уверена в их правильности.

— Но... Голуби?.. — Антону эта информация по-прежнему казалась абсурдной, и он, вероятно, не мог даже заставить себя поверить в реальность услышанного.

— Да, голуби — необычные птицы... И у меня есть опасения, что скоро они доберутся и до нашего города. Ведь они имеют по отношению к людям, скорее всего, грандиозные планы.

— Какие у голубей, чёрт возьми, могут быть планы по отношению к людям?! — глаза Антона были широко раскрыты, и в них читалось сразу несколько различных эмоций. Выглядел он при этом весьма забавно.

— Не знаю-не знаю. Но я уверена, что люди даже и не догадываются, кого на самом деле представляют собой эти птицы.

— Кого бы они из себя ни представляли, я должна срочно вернуться домой. Моей маме угрожает опасность, и я не могу всё это просто так оставить, — я не стала тянуть время, достаточное количество которого я и так уже успела потерять, и решила вмешаться в разговор.

— Нет, ты останешься здесь, со мной, я не отпущу тебя одну, — Антон снова начал настаивать на своём.

— Ну почему же одну? Я тоже могу поехать, — предложила Аня.

— Нет, всё равно она никуда не поедет.

— Я имею примерное представление о том, кого на самом деле представляют собой голуби, и даже могу ненадолго отогнать их, когда они находятся в не привычном для нас облики.

— Всё, Аня, мы поедем. Надеюсь, ты будешь не против, если я несколько часов побуду в твоей квартире? Ну, то время, которое останется до поезда. — Мне уже было абсолютно всё равно, отпустит меня Антон или нет, ведь рядом находился ещё один человек, способный оказать мне определённую помощь и выразить своё взаимопонимание. Несмотря на то что с Анной я была знакома плохо, лучшего варианта, чтобы сохранить драгоценное время, я не видела.

— Да, конечно, если хочешь, можешь немного погостить и у меня, — согласилась Аня.

Я взяла все свои сумки, и через некоторое время мы с Аней покинули злосчастную квартиру. Антон сначала пытался нас остановить, однако, осознав всю бессмысленность собственных действий, бросил это неблагодарное дело.

Теперь я предполагала, что вряд ли ещё когда-нибудь вернусь в этот неприметный подъезд, окутанный запахом свежей краски. Ведь я буквально сбежала из дома, в который прибыла по любезному приглашению лучшего друга. Несмотря на то что подобные мысли не переставали крутиться в моей голове, я совершенно не волновалась по поводу своего дальнейшего общения с Антоном, так как голуби, восставшие против людей, представляли для меня гораздо более значимую причину для беспокойства.

Глава 8. Ожидание

Выйдя из дома, в котором жил Антон, мы с Аней очутились на тёмной улице. По той причине, что время было уже позднее, уличные фонари нигде не горели. Объекты, окутанные покрывалом ночи, терялись во мраке и вместе с тем приобретали некую загадочность. Мне, чьи мысли были забиты последними событиями, происходившими в моём городе, от этого становилось жутковато, и потому я не осмеливалась ни на шаг отходить от Анны.

В то же время Аня, как ни странно, выглядела достаточно спокойной. Она неспешно шла, освещая улицу небольшим фонариком, и изредка оглядывалась на меня, чтобы убедиться, что я, погруженная в свои мысли, не сбилась с дороги. И в те моменты, когда наши взгляды встречались, я невольно поражалась невозмутимости своей спутницы. Я не понимала, как в такой жутко напряжённый момент, когда сама я была как на иголках, вообще представлялось возможным сохранять спокойствие.

Некоторое время мы молча шли по узенькой дорожке, расположенной между домом и пышной клумбой, от которой веяло сладковатыми ароматами. Вокруг стояла напряжённая тишина, нарушаемая лишь еле различимыми звуками летней ночи, среди которых имели место быть оживлённые переговоры насекомых, прятавшихся в густых зарослях травы, протяжное пение лягушачьего хора да лёгкий шелест листьев, развевавшихся от ветерка. Над городом властвовала густая тьма, в которой мне, словно маленькому ребёнку, послушавшему на ночь страшную сказку, периодически мерещились зловещие птичьи фигуры. Я внезапно останавливалась, вглядываясь во мрак, и с облегчением вздыхала, понимая, что силуэты, мелькавшие во мгле,

являлись не более, чем плодами моего разыгравшегося воображения.

Преодолев неширокие участки, мы вышли к проезжей части, по которой в столь поздний час практически не разъезжали машины, что и радовало, и немного пугало одновременно. Ведь мне как никогда хотелось видеть людей, заполненные толпами народа улицы, на которых бурно кипела жизнь, многочисленные компании, предпочитающие шумный отдых... Но вместо этого я неспешно прогуливалась по практически безлюдной улочке, в то время как мой город продолжали окружать какие-то омерзительные твари, на нашем языке зовущиеся голубями.

Но вот мы остановились. Аня позвонила своему знакомому водителю, подвёзшему её к дому Антона. Тот ответил достаточно быстро и, даже не став разговаривать с Анной, объявил, что через пять минут будет на месте.

Несмотря на то что время шло с той же скоростью, как и обычно, мне показалось, что произошла целая вечность, когда к нам наконец подъехала чёрная машина, в которой сидел мужчина лет тридцати. Мы поспешно устроились на сидениях автомобиля и отправились в путь.

По дороге ничего необыкновенного нам не встретилось, и я старалась даже не смотреть в окно, чтобы не давать очередную пищу своему воображению. Сидя в тесной машине, я слушала лёгкую музыку, которая звучала по радио, и смотрела в одну точку, коей являлся небольшой сувенир, стоявший около водительского руля. Конечно, в подобные моменты этот вариант был далеко не лучшей идеей для расслабления, но тем не менее позволял мне хоть немного отвлечься от навязчивых мыслей.

Дорога у нас отняла совсем немного времени, однако мне, находившейся в тревожном ожидании, путь показался бесконечным. Я даже ощутила лёгкую радость, когда автомобиль наконец остановился и водитель бодрым голосом сообщил, что мы прибыли к месту назначения.

Поблагодарив Аниного знакомого, помогшего нам в поздний час, мы вышли на небольшую улицу, оказавшуюся более освещённой, нежели та, на которой проживал Антон. Фонари, стоявшие в некоторых местах улочки, меня, несомненно, порадовали, так как я не изъясляла абсолютно никакого желания снова пробираться сквозь пелену тьмы, окутывавшую город.

Мы быстрым шагом преодолели улицу и в скором времени очутились у металлической двери, ведущей в подъезд. Отворив её, Аня пропустила меня вперёд.

В этом подъезде всё было совершенно заурядным, и потому я даже не стала заострять внимание на находившихся в нём объектах. К тому же, мне было совершенно не до этого.

Поднявшись по лестнице, мы добрались до массивной двери, ведущей к квартире Ани. Вставив ключ в металлический замок, Анна поспешно отворила дверь, впустив меня в своё жилище.

Очутившись внутри, я сразу стала осматриваться. Представшая моему взору картина меня определенно порадовала, потому что, как я сразу заметила, в каждом углу квартиры царил идеальный порядок.

Около основной двери можно было заметить небольшую тумбочку молочного цвета, каждую полку которой занимала аккуратно расставленная обувь. Вдоль левой от входа стены тянулся ясеневый шкаф, по-видимому, заполненный одеждой и хозяйственными принадлежностями. А у стены напротив висело внушительных размеров зеркало, украшенное резной рамой.

Аня провела мне небольшую экскурсию по своей квартире, после которой я окончательно убедилась в педантичности, присущей моей знакомой. Ведь всё, что составляло антураж сего уютного жилища, находилось в идеальной чистоте и порядке и, как заметила я, было выдержано в определенном стиле.

По окончании экскурсии мы прошли в гостиную, также отличавшуюся необычайной опрятностью. Усевшись на диване, обитом бежевым бархатом, мы стали ждать утра.

Томительное ожидание тянулось достаточно долгое время. Мы, погруженные в свои мысли, практически не разговаривали, лишь изредка обменивались какими-нибудь односложными фразочками.

Я, не могшая выбросить из головы дурные мысли, всё это время думала о последних событиях, происходивших в моём городе. Просиживая в уютной комнатке Аниной квартиры, мы напрасно теряли время, так как птицы, определенно задававшиеся какой-то целью, останавливаясь, скорее всего, не собирались. По крайней мере, уж что-то, а покорное ожидание нашего прибытия в планы голубей точно не входило. По этой причине я всё отчётливее ощущала волнения, неприятными волнами разливавшееся по моему телу. И я не могла с ним справиться, сколько ни пыталась. Несмотря на то что я пыталась думать о каких-то отстраненных вещах, перед моими глазами всё равно возникали голуби, дружной стайкой кружившие над ухоженными городскими улицами...

Но вот в комнату робко заглянули розоватые рассветные лучи. Проскользнув сквозь полупрозрачные шторы, они суетливо пробежали по гостиной, поплясали на мебели, а затем, немного поиграв переливами, исчезли. Я быстрым шагом подошла к окну, чтобы взглянуть,

не приготовило ли это утро нам каких-нибудь весьма неприятных сюрпризов вроде очаровательных птичек, готовых наброситься на заветные крошки хлеба, которыми их периодически балуют люди.

К счастью, никого не обнаружив, я вздохнула с облегчением. Однако мысли о том, что мой родной город К, возможно, уже полностью находился во власти голубей, не давали мне покоя. По этой причине я с нетерпением ждала, когда в моей руке снова окажется желанный мною билет на поезд. А его, как ни печально, всё не было.

Но вот, взглянув на часы, Анна сообщила мне, что уже можно начинать двигаться. Я вздрогнула от неожиданности. Какое-то ликование резко охватило меня, находившуюся в тревожном ожидании. На некоторое время возникло ощущение, словно заветная мечта, которую я лелеяла на протяжении долгих лет, наконец сбылась.

Но до осуществления моего единственного в тот момент желания оставалось ещё несколько часов. И несмотря на то, что билет нам удалось приобрести без всякого труда, сразу же отправиться в К мы, зависимые от расписания поездов, не имели возможности. Теперь и мне, и Ане вновь предстояло потерять какое-то время, остававшееся до отбытия нашего поезда. Сей факт, несомненно, мне досаждал, но, невзирая на это, я молчала, так как понимала, что жаловаться в подобных ситуациях крайне глупо и бессмысленно, ведь никто не стал бы присылать мне индивидуальный поезд, на котором я смогла бы добраться до города раньше указанного на билете часа.

И теперь мы, не ставшие возвращаться в квартиру, стояли в окружении обшарпанных вокзальных стен, пропитанных затхлостью. Тусклый свет люстры озарял тесное помещение, со стороны путей слышался монотонный шум поездов, звучащий несколько раздражающе. В воздухе смешалось множество различных запахов, среди которых имело место быть и резкое табачное зловоние, и сладкий аромат духов, и терпкий запах кофе, доносившийся из пустого и неуютного кафе, находившегося неподалёку от железнодорожных касс. Вдыхая всё это, я невольно морщилась. Скорее всего, виной тому было именно волнение, немного искажавшее мои видения, ну а может быть, и нечто другое. Я не могла разобраться в чувствах, которые испытывала в столь напряжённый момент.

Единственное, что я четко осознавала, — это то, что компания в виде нескольких мясистых голубей уж точно усугубила бы ситуацию. Впрочем, этих товарищей, по обыкновению с вальяжным видом обхаживающих центральные улицы, как ветром сдуло. Сколько я ни осматривала скромную площадь, расположенную напротив вокзала, никого, кроме людей, спешивших по своим неотложным делам, не замечала. Никаких голубей. Может быть, птицы всё знали, всё слышали, понимали и попросту скрывались, чтобы ненароком не попасться на глаза человеку, умеющему с ними бороться?.. Подобные мысли не давали мне покоя, затмевая прочие думы и заставляя меня погрузиться в себя, уйдя от реальности.

Из мира размышлений меня вывела Анна, по-прежнему сохранявшая спокойствие и потому не перестававшая следить за временем. В нужный момент она осторожно дёрнула меня за руку, отчего я невольно вздрогнула. Но, быстро всё осознав, я поспешила за Аней в сторону поездов.

Мы вышли на платформу и, преодолев некоторое расстояние, достигли массивного вагона, в котором нам предстояло провести весь путь. Прежде чем предъявить билет и некоторые документы, я пристально вгляделась вдаль, в сторону окрестностей, окутанных туманом неизвестности. Туда, петляя, вела железная дорога. И где-то там, среди этой дымки,

находился мой родной город К, в котором, как я надеялась, ещё остался хоть кто-то, помимо голубей...

Глава 9. Пламя над лесом

Отыскать своё купе нам не составило труда, так как оно находилось недалеко от выхода. Картина, которая предстала перед нами, оказалась весьма обыденной, поэтому ни я, ни Анна внимания на ней не заострили. Ведь в четырёх примитивных полках и небольшом столике, расположенном между ними, как известно, нет ничего оригинального. Подобным образом оформляются любые пассажирские поезда, являющиеся важным элементом повседневной жизни современных людей, — и это, в общем-то, трудно представить себе как-то иначе.

Пока никто не претендовал на соседство с нами, поэтому, заняв нижние полки, мы, практически не разговаривавшие за всё время, проведённое вместе, сели друг напротив друга и стали тихо беседовать. Диалог начала Аня, желавшая получше познакомиться со мной. Несмотря на то, что все мои мысли по-прежнему крутились вокруг жутких птиц, я, безрезультатно пытавшаяся отвлечься, сразу же откликнулась, так как, во-первых, была заинтересована в более близком знакомстве с Анной, а, во-вторых, искренне надеялась, что это поможет мне хотя бы несколько минут не думать об этих мерзких голубях.

Аня, не хотевшая упоминать птиц и город К, решила обсудить наши детские годы, полные различных забавных историй и прочих интересных вещей, которые могут произойти только с маленькой и беззаботной ребятнёй, резвящейся на уютных площадках. Она рассказала мне про свою забавную подругу, в соавторстве с которой в семь лет сочиняла милые песенки. Плоды их совместного творчества Аня, обладавшая неплохой памятью, помнила до сих пор. К сожалению, демонстрировать мне она их не стала, невзирая на мои просьбы. Но, в общем-то, я особо и не настаивала, так как, безусловно, не считала это основной темой нашего разговора. Я хотела всего лишь отвлечься, одновременно узнав о своей знакомой немного небезынтересных фактов. И мне это сделать, в принципе, успешно удалось.

Анна оказалась достаточно приятным собеседником, и потому разговор с ней действительно помог мне ненадолго отойти от навязчивых мыслей, одновременно скоротав время.

Так, мило беседуя, мы и не заметили, как поезд тронулся. Станция начала отдаляться, и люди, оставшиеся на ней, стали стремительно уменьшаться в размерах. Я с тревогой глянула в сторону двери, ведущей в наше купе, так как у меня внезапно возникла навязчивая идея, что там кто-то стоял и внимательно наблюдал за каждым моим действием. Но, к счастью, я ошиблась, там никого не было.

Аня замолчала, с интересом глядя на меня. Я хотела ей сказать, чтобы она не смотрела, вызывая у меня неловкость, но не стала. Я просто чуть пододвинулась к окну и, примкнув к нему, стала наблюдать за стремительно проносившимися окрестностями.

Поезд, выехавший за пределы города, мчался мимо какой-то маленькой деревушки, скрытой в густых зарослях деревьев. Домики выглядели невзрачными, местами покорёженными и производили своим видом весьма жалкое впечатление. Людей видно не было, сколько я ни пыталась их обнаружить. Вроде бы и время стояло не такое уж и позднее, и деревенька не выглядела слишком заброшенной, а ни одного человека...

И вот ко мне снова вернулись тревожные мысли, от которых я уже вроде бы избавилась. Снова голуби. Множество голубей, вьющихся над этими угрюмыми домишками и безжалостно уничтожающих несчастных людей, возникло перед моими глазами. С громким

курлыканием они летели на меня. Казалось, ещё немного — и я тоже стану их невинной жертвой. «Курлык, курлык!» — голосили голуби, сметая всё на своём пути, пожирая меня взглядами своих красных, как раскалённые угли, глаз. А я, не в силах ничего сделать, жалобно смотрела на них, в душе осознавая, что мой конец близок.

В реальность меня заставила вернуться резкая боль, неожиданно пронзившая мою голову. Поначалу я не поняла, что её вызвало, однако, почувствовав руку Ани, пытавшейся мне помочь, осознала, что попросту упала с полки, ударившись головой об стол.

— Лиза, с тобой всё нормально? — немного испуганно спросила Аня, не сводя с меня взгляда. Но со мной было всё нормально, и я, не получившая серьёзных увечий, вполне могла подняться самостоятельно.

— Да, со мной всё хорошо, — ответила я, стараясь улыбнуться и не переставая, однако, прокручивать в мыслях образы голубей.

Волнение охватило меня с новой силой, отчего я, сжавшись всем телом, с некоторым испугом смотрела в неизвестную точку, находившуюся где-то за окном. Где именно она располагалась, я не имела понятия, но искренне надеялась, что не на территории, захваченной голубями.

Мне было холодно, несмотря на то что на улице стояло лето. Я очень хотела, чтобы кто-нибудь принёс мне тёплое покрывало, укрыл меня и, прочитав какую-нибудь добрую историю, как в детстве, успокоил. Мелкая дрожь, вызванная тревогой, била всё моё тело, я невольно касалась окна, на котором виднелись многочисленные пятна, но держалась. Панике нельзя было поддаваться ни в коем случае.

— Расскажи мне про голубей, — внезапно попросила я. Мне и самой было непонятно, как эта фраза сорвалась с моих губ, словно её промолвил кто-то другой, управлявший в тот момент моим сознанием.

— Давай я расскажу тебе про них, когда мы приедем? — предложила Аня, несколько удивлённая моей просьбой.

— Нет. Нужно сейчас.

— Ну, если ты так просишь...

Но внезапно, уловив мой взгляд, Анна замаялась. Казалось, её изумило не только моё весьма неадекватное поведение, но и внешний вид. Может, я и впрямь на некоторое время перевоплотилась в кого-то другого, ни капельки не похожего на себя?

Однако, быстро отойдя, Аня начала свой рассказ:

— Это случилось десять лет назад, когда мне было всего тринадцать. Ко мне в класс пришёл новый мальчик, который, если честно, сразу мне не понравился. Он был таким занудой! — говоря это, Анна забавно поморщилась. — И однажды, когда я шла из магазина, он встретился мне, причём не просто так, а с какой-то гадостью в руках. Оказалось, он убил голубя и собирался что-то сделать с его трупом. Я ничего не поняла, мне стало противно, но, кроме того, ещё и интересно. Сначала одноклассник был против того, чтобы я пошла с ним, однако мне удалось настоять на своём, и ему поневоле пришлось согласиться. Тогда-то я и узнала страшную тайну о мистическом происхождении голубей... В общем, голуби — не просто птицы. Они только кажутся милыми созданиями, которые преспокойно расхаживают по городским площадям, клюют зёрнышки и никому не мешают. На самом деле, страшнее голубей, пожалуй, никого не существует...

Закончить свой рассказ Аня не успела. Неожиданно из коридора послышался отчаянный детский вопль, разнёсшийся по всему поезду. Ребёнок кричал где-то совсем рядом, и, судя по

всему, он был серьёзно напуган.

Оставив Анну, я, вновь охваченная тревогой, рывком отворила дверь и выбежала в коридор, в котором уже толпился народ. Узнав, что привлекло их внимание, я замерла, как вкопанная, не в силах даже пошевелиться. Невольный ужас охватил меня, сковав всё тело, а сама я, поддаваясь внезапному испугу, застыла около окна, неотрывно глядя на то, что за ним творилось.

Поезд по-прежнему мчался по железной дороге, отдаляясь от города, в котором жил Антон. И теперь нас со всех сторон окружала лес, охваченный пламенем. Огненные языки вздымались к потухшему небосводу, пронзая тяжёлый воздух, поглощая беззащитные деревья. Казалось, будто они стремились добраться до небес, и, забрав всё в свой клокочущий круговорот, сжечь дотла и облака, и беспечную лазурь, сокрытую густой пеленой туч. Единственными, кого огонь точно бы не тронул, были... голуби. Нет, не те милые глупые птички, каких мы ежедневно встречаем на городских улицах. Это были поистине страшные создания с горящими красными глазами, уродливыми клювами и исполинскими крыльями, которые то поднимались, то опускались, прорезая клочья дыма, — точь-в-точь как в моём сне.

Люди смотрели на птиц, словно заворожённые. На лицах большинства из них застыли гримасы неподдельного страха, что, в общем-то, было вполне оправдано. Некоторые дети плакали, прося родителей, чтобы те как-то убрали этих чудовищ с дороги. Однако взрослые, которые сами не вникали в происходящее, ничего не могли поделать.

А поезд между тем мчался прямо в дымовую завесу. Видимость становилась всё хуже, всепоглощающее пламя окутывало окружающее пространство, превращая его объекты в безжизненные кучки пепла. Казалось, ещё немного — и мы сойдём с рельсов, утонув в этом бушующем океане безумия.

Моё сердце часто билось. Меня не покидало желание рвануть вперёд, побежать, и неважно, куда именно. Я паниковала, но, несмотря на это, не двигалась с места. Какой-то внутренний голос заставлял стоять и, следуя его указаниям, я не смела делать какие-либо движения.

Но вот какой-то ребёнок подошёл ко мне и, по-видимому, ни о чём не подозревая, спросил абсолютно спокойным голосом:

— А что это за птицы? Они плохие?

Я, не соображавшая, что ответить на такой вопрос, предпочла просто промолчать. Мне было совершенно безразлично, узнает дитя, что это за твари или нет. Я даже пошевелиться не могла, а уж вести диалог с кем-либо — тем более.

А люди между тем всё прибывали и, взглянув в окно, или кричали от ужаса, или застывали на месте так же, как и я. Никто не понимал, что происходило. Мы словно попали в фильм ужасов, которые я, по причине собственной впечатлительности, не слишком любила.

Поезд разогнался до максимальной скорости. Объекты, окружавшие нас, начали проноситься неимоверно быстро, отчего происходящее стало выглядеть ещё большим безумием.

Но вот поезд сделал резкий поворот, прорвав дымовую завесу. Теперь мы двигались по мосту, воздвигнутому над небольшой речушкой, петлявшей среди незнакомых мне окрестностей. Голубей больше видно не было, как и пламени, чуть не закрутившего всех нас в свой клокочущий круговорот.

Завидев это, многие вздохнули с облегчением. Теперь нашим жизням, наверное, ничего не угрожало, что и радовало, и настораживало одновременно. Ведь голуби могли еще вернуться, и месть их, безусловно, вполне могла оказаться куда более страшной.

Люди начали расходиться, а я осталась стоять на месте, вглядываясь в туманные дали. Несмотря на то, что панический страх уже отступил, на душе у меня было беспокойно.

Глава 10. Площадь

До города К мы добрались относительно быстро. К счастью, никаких приключений, подобных тому, какое случилось, когда поезд мчался мимо злополучных лесов, больше не происходило.

Время, остававшееся до прибытия на станцию, я провела в купе, сидя за неудобным столиком и слушая музыку, что играла в наушниках. С Аней мы не разговаривали. Да и она сама, казалось, не особо желала вступать в диалог, так как о чём-то усердно думала, видимо, строя какие-то планы.

И вот, по прошествии нескольких часов, уже начали показываться хорошо знакомые окрестности, в которых я сразу же узнала родной город. Вот только теперь он выглядел не таким, как тогда, когда я его покинула. Что-то на его территории определённо изменилось, и это было заметно даже невооружённым глазом.

Преодолев ещё некоторое расстояние, поезд остановился — мы наконец-то прибыли. Люди стали выходить из тесных купе, чтобы полюбоваться на тех отважных храбрецов, решившихся самолично отправиться в логово врага.

Странные взгляды, которыми нас одаривали прочие пассажиры, мне определённо не нравились. Я вообще не любила, когда на меня кто-то косился исподлобья, а тем более так, словно я совершила какое-то ужасное преступление, даже хуже тех, какими забавлялись птицы.

В то время как мы потихоньку выдвигались из тесного коридора поезда, люди, высунувшиеся из купе, с опаской переводили свои взоры то на нас, то на окна, словно пытаясь обнаружить что-то или кого-то. Я бы тоже присоединилась к ним, если бы не прибыла на свою станцию. А так приходилось ждать, пытаясь бороться с жутким интересом, охватывавшим меня всё сильнее.

И вот мы покинули поезд. Перед глазами предстали не понаслышке известные мне платформы, на которых обычно, оживлённо переговариваясь, толпились люди. Однако сейчас они подозрительно пустовали. Не было ни взрослых, проклинавших рабочие будни, ни студентов, радовавшихся началу каникул, ни школьников, ни стариков — просто никого. Несомненно, это выглядело очень странно. Только взглянув на всё это, я ощутила, как по моему телу пробежали неприятные мурашки.

Стояло раннее утро. Небо, покрытое густой пеленой туч, казалось неестественно тёмным. Лишь в некоторых местах виднелись бледные световые полосы, тянувшиеся к линии горизонта. Даже звёзды не догорали — только чуть заметный рожок месяца, спрятавшийся за раскидистыми ветвями деревьев, словно защищавшихся от неведомого врага, тускнел, постепенно утопая в безбрежном океане туч.

От этого зрелища мне стало не по себе. Тело пробрала неприятная дрожь, и на некоторое время у меня возникло глупое желание вернуться к Антону, чтобы не встретиться лицом к лицу с этими гадкими птицами. Но уже было поздно, да и маме грозила неминуемая опасность, так что останавливаться не следовало.

Между тем Аня, шагавшая достаточно уверенно, умудрялась сохранять прежнее спокойствие. На её лице я не заметила ни малейшего проявления тревоги. Казалось, её не пугало даже голубиное восстание, организованное против человечества, и она готова была в любой момент дать отпор этим омерзительным существам, жаждавшим убить как можно

больше людей.

А вот я, в отличие от Анны, заметно нервничала. Напряжение не покидало всё моё тело, заставляя каждую мышцу сжиматься, мои руки слегка тряслись. Я не могла расслабиться, сколько ни пыталась. Мысли о голубях не покидали меня, создавая в воображении жуткие образы, от вида которых даже невпечатлительному человеку стало бы дурно.

Так, незаметно, мы и приблизились к зданию вокзала, отделанному древесиной, стены которого не так давно были выкрашены в красный цвет. Люди так и не появились, и это, несомненно, уже начинало пугать. Единственный человек, встретившийся нам на пути, — неприятного вида мужчина, прибывший в К, по-видимому, с той же целью, что и мы. Но и он, быстрым шагом преодолев вокзальную территорию, в скором времени скрылся, оставив нас наедине друг с другом и зловещей пустотой, поселившейся в каждом уголке этого весьма невзрачного местечка.

Неожиданно Анна остановилась, пристально взглядевшись вдаль. Затем она осторожно взяла мою дрожащую руку, отчего я рефлекторно сжалась. В голове сразу начало мелькать множество мыслей, большая часть из которых только усиливала моё беспокойство.

— Аня, ты что-то видишь? — прошептала я дрожащим голосом.

— В том-то и дело, что ничего. Голубей нет. Наверное, они скрылись, — ответила моя сопутница, продолжая внимательно всматриваться в дали, овеянные утренним туманом.

— Автобусы ещё не ходят, значит, нам придется здесь сидеть ещё часа два, — резонно заметила я, когда Анна, так ничего и не обнаружив, снова двинулась в путь.

— Понимаю. Будем ждать.

Меня, и без того не находившую себе места, это новость совсем не порадовала. Я не хотела ждать, однако осознавала, что заказывать такси в городе, подвергнувшись нападению неведомых монстров, скорее всего, совершенно не имело смысла. Возможно, в К уже и вовсе не осталось людей, так как все они пали под натиском сильнейшего врага или, если повезло, успели покинуть осаждённые окрестности. По этой причине ожидание и вправду казалось единственным выходом.

Войдя в здание вокзала, обставленное довольно скромно, мы остановились, а затем, достигнув местами подранных кресел, расставленных в несколько рядов, ненадолго присели, чтобы отдохнуть от утомительной поездки и подготовиться к чему-то неизвестному, но, наверное, поистине опасному.

Стояла непоколебимая тишина, никто не объявлял о рейсах, а табло, на котором обычно высвечивалось ближайшее время отправления поездов, не горело. Не работали автоматы ни автоматы с едой, ни мелкие магазинчики, ни кафе. Люди также отсутствовали.

Тревога, наполнявшая моё тело, всё больше нарастала. Я ёрзала на сиденье, словно ребёнок, которому вот-вот должны были подарить необычную вещицу, о какой он мечтал всю жизнь, но получал постоянные отказы. Хотя, конечно, то ожидание, в отличие от моего, приносило бы положительные эмоции.

Но вот наконец настал час, когда в нашем городе обычно начинали ходить автобусы. Обнаружив это, я осторожно одёрнула Анну, преспокойно коротавшую время в телефонной игре. Аня сразу же убрала гаджет и, взяв свои вещи, двинулась за мной.

Через некоторое время мы уже стояли на привокзальной площади, один вид которой заставил меня содрогнуться всем телом. Фонтаны, словно статуи неведомых отвратительных существ, возвышались над аккуратно подстриженными клумбами, играющими изобилием цветочных красок. В розоватом свечении рассветных лучей, пробиравшихся сквозь завесу

туч, эти конструкции обретали ещё более злобный вид, навевая воспоминания о старинных легендах, полных невероятных и ужасающих событий.

Посреди площади стояла небольшая церквушка, позолоченные купола которой, словно огромные ножницы, вонзались в блёклое небесное полотно, разрезая его на несколько лоскутков. Объятая предутренним туманом, церковь, в которой, судя по всему, уже давно не шли службы, казалась пристанищем чего-то страшного, не поддающегося разумному объяснению.

Однако самой жуткой в этой картине всё же являлась несколько иная её часть, а именно множество искореженных человеческих трупов, разбросанных по гладкой плитке. У некоторых мертвецов не хватало каких-либо частей тела, которые, впрочем, валялись неподалёку от искалеченных тел, утопавших в кровавых ручьях, растекавшихся по площади. Покойники смотрели своими пустыми глазами в неизвестную точку, находившуюся где-то на померкших небесах, на лицах некоторых из них застыла гримаса ужаса, с которой они, по-видимому, встретили свою мучительную гибель, отчего мне, конечно, сразу стало настолько страшно, что я готова была пуститься в бег. И куда именно — совершенно не имело значения. Главное — не видеть эти изуродованные человеческие останки, усыпавшие площадь, среди которых, возможно, было и тело моей матери.

Моё сердце сжалось и стучало с такой скоростью, будто я только что пробежала марафон, руки дико тряслись, а глаза, широко раскрывшиеся от неопишуемого ужаса, неотрывно взирали в одну точку, находившуюся посреди захваченной территории. Жуткий смрад, окутывавший площадь, проникал в мои лёгкие и, казалось, обвивал их. А перед глазами неустанно возникали образы птиц, чьи горящие глаза испепеляли любого, кто в них только осмелится посмотреть. А ведь это всё были они, те самые мирные существа, вальяжно разгуливающие по окрестностям любого города и с жадностью клюющие брошенные им зёрнышки... Они, милые птички, которых мы всегда подкармливали и которых так наивно считали беззащитными созданиями, не способным даже постоять за себя в битвах с кошками.

Да, кстати, помимо человеческих, на площади имели место быть и кошачьи тела, распластавшиеся по холодной плитке и взиравшие на мир такими же бесцветными глазами. Их, конечно, было значительно меньше, чем людских, однако четвероногим домашним хищникам тоже изрядно досталось от взбунтовавшихся пернатых.

Завидев всё это, я крепко сжала руку Ани и начала что-то невнятно шептать. Я и сама не понимала, какие фразы срывались с моих уст в тот момент, но, наверное, они ясно выражали моё состояние. Паника начала одолевать меня, затмевая все чувства, искажая видения.

— Не паникуй. Всё хорошо, — произнесла Аня всё тем же ровным голосом, в котором, однако, теперь стали заметны нотки тревоги.

— А если то же самое случилось и с моей матерью?..

— Надеюсь, что нет. Конечно, я не уверена, но давай рассчитывать на лучшее. Теперь нам поможет только позитивный настрой. — Анна попыталась улыбнуться.

Глава 11. Прощай, родной дом

Всё пролетело как-то слишком быстро, словно кошмар, совершенно внезапно привидевшийся посреди чересчур тяжёлой ночи. После площади, усеянной окровавленными трупами, что непрестанно возникала перед моими глазами, я ничего не видела, будто впад на время в состояние прострации.

С абсолютно пустым лицом я преодолела эту злосчастную площадь, выбравшись к транспорту, в столь страшное время практически пустовавшему, но всё ещё продолжавшему движение, так как, несмотря ни на что, некоторые люди категорически отказывались покидать свои родимые обиталища. Скоро мы уже, кажется, находились в автобусе. Вот только я словно ничего не видела, погруженная в свои мысли и всё ещё не отпускавшая из своей головы образ площади, к которому моё яркое воображение, ко всему прочему, подрисовывало некоторые весьма жутковатые детали...

Очнулась я, уже оказавшись дома и почувствовав на себе прикосновения знакомых с самого рождения рук. Завидев свою дочь в целом и невредимом состоянии, мама бросилась меня обнимать и прижимать к себе, словно я была сокровищем, какое она ценила превыше всего и ни за что бы ни променяла, как бы отчаянно её ни просили.

— Лиза, наконец-то ты приехала! — её подрагивающий голос вывел меня из некоторого помутнения, после чего я, пришедшая в себя, тоже обняла родную мать, обрадовавшись тому, что она жива и не попала в эту голубиную пляску смерти.

Мама улыбалась, но по одному только её виду становилось понятно, как жутко она напугана. Её губы дрожали, брови были чуть приподняты, а в добром взгляде, которым она меня одаривала, читался панический ужас, подобный тому, что охватывал всех жителей несчастного К, в том числе и меня.

Но, находясь в тёплых объятиях матери, я чувствовала себя немного легче, так как невольно вспоминала свои детские годы, когда, будучи ещё совсем маленьким комочком счастья, нежилась на маминых руках, ощущая себя полностью защищённой. Конечно, это — не более, чем инстинкт, но в таких случаях даже он представлял собой своеобразный спасительный круг.

Аня, явно чувствовавшая себя немного не в своей тарелке, несколько раз извинилась, однако мама, которой было совершенно не до этого, по-видимому, даже не услышала её. Да и повода на то не было, ведь она не просто так ворвалась в её квартиру в целях глупой шутки или ещё чего-нибудь нехорошего, а для того, чтобы спасти нас, оказав нам помощь в спасении от восставших голубей.

Несмотря на то, что я вновь очутилась в родных стенах, страх не покидал меня, а перед моими глазами беспрестанно возникал образ той самой площади и зловещей церкви, окутанной утренним туманом. Не представляя, как от этого избавиться, я пыталась подумать о чём-то приятном, но даже среди таких мыслей внезапно появлялись те самые жуткие очертания, которые пугали меня всё больше и больше, возможно, постепенно сводя с ума.

А мама между тем, разомкнув объятия, поспешила на кухню, чтобы заварить чай, которым по старой привычке собиралась потчевать меня и гостью, которую она, похоже, только заметила. Я была крайне удивлена, почему она, никогда раньше не видевшая Аню, даже не стала спрашивать, кого я привела в дом, хотя особого повода изумляться и не было, ведь теперь её ничего не волновало, кроме голубей, захватывающих город, и наших жизней,

находившихся под крайней угрозой.

Оставшись наедине с Анной, я попыталась выразить ей мысли, что не давали мне покоя, однако не смогла, несмотря на то что обладала достаточным словарным запасом и раньше пользовалась им без всяких проблем. Но теперь слова словно застряли, упорно отказываясь выбираться наружу, отчего мне только и приходилось, что молчать, устремив в точку, расположенную где-то на потолке, свой затуманенный взгляд.

Гостя, пребывавшая в раздумьях, также не желала говорить, чем вызывая неловкое молчание, похожее на то, что возникло между нами, когда мы находились в поезде. Но теперь это затишье казалось мне куда более жутким, ведь тогда мы только приближались к опасности, а сейчас уже вступили на самое поле сражения, куда в любой момент мог явиться страшнейший враг.

К счастью, эту неловкость смогла прервать моя мама, прибывшая с кухни, чтобы сообщить о готовности чая. Завидев её, я чуть ли не бегом ринулась в гостиную, где уже стоял накрытый стол, на котором красовались несколько новых тарелок, заполненных сладостями.

Но только глянув на всю эту красоту, я внезапно ощутила отвращение. У меня не было никакого желания приступить к трапезе, как и у Ани, почти сразу же ответившей вежливым отказом.

— С тобой точно всё хорошо? — взволнованно спросила мама, заметив, как я скривилась, посмотрев на еду.

— Да, — заверила её я и, встав за стола, поспешила покинуть комнату, отправившись в свою спальню.

За то недолгое время, что я провела в отъезде, моя комната совершенно не изменилась, но теперь меня, охваченную леденящим ужасом, не радовало даже это. Без всякого энтузиазма оглядев родные стены, обклеенные тёплыми желтыми обоями, шкаф, ломившийся от разношерстных нарядов, кровать, накрытую пушистым пледом, небольшую тумбочку, уставленную всякой всячиной, и письменный стол с раскиданными по нему канцтоварами, я резко рванула к окну, за которым, как мне показалось, метнулась чья-то длинная тень.

Пристально осмотрев двор и детскую площадку, выглядевшую донельзя опустевшей, а также небесные просторы, окутанные пеленой туч, но так ничего и не обнаружив, я отошла от окна и, устроившись на кровати, предалась размышлениям.

Мне было и страшно, и грустно, моё сердце учащенно билось, а воображение, словно издеваясь, не переставало рисовать перед моими глазами ту самую территорию, на которую таким впечатлительным особам, как я, ни в коем случае нельзя было даже ступать, если они не желали обрести проблемы с нервной системой. А печалилась я потому, что осознавала, какая судьба ожидала мой родной и любимый с детства город в недалёком будущем. Всякому было понятно, что совсем скоро в каждом его уголке будут обитать лишь птицы, наверное, строящие множество поистине жестоких планов по захвату человеческих территорий. И это звучало весьма удручающе, словно приговор, озвученный устами самой судьбы, прибывшей на земли людские в особом облики.

Я, окончательно запутавшаяся в происходящем, пыталась проанализировать, включив все виды мышления, но мои жалкие старания не приносили успеха, как бы я ни стремилась его добиться. Теперь всё зависело лишь от событий, что беспрестанно обрушивались на К, погружая его в безумный круговорот.

От тяжких раздумий, безудержно захвативших меня, я отвлекалась благодаря Анне, зашедшей в мою комнату и объявившей, что пора начать сборы, ведь голуби могли вернуться, а значит, медлить нельзя было ни в коем случае.

Поспешно встав с кровати, я начала собирать вещи, отягощенная осознанием того, что, скорее всего, больше не увижу этот дом. Передо мной стоял весьма трудный выбор, так как вещей следовало брать минимальное количество, но в то же время я не могла заставить себя расстаться с чем-либо из предметов, напоминавших мне о тёплой домашней обстановке или о чудесных моментах, которых в моей жизни уже произошло немало.

Но чемоданов, в которых можно было без всякого труда уместить сразу все вещи, хранящиеся в доме, как известно, не существует. И потому, смирившись, я скрепя сердце всё же рассталась с частью своих сокровищ и в скором времени, закончившая сборы, уже стояла около выхода из дома.

Аня даже удивилась, отчего я собралась так быстро, но ничего спрашивать не стала, лишь одарив меня немного изумлённым взглядом, на который я ответила натянутой улыбкой.

Мы терпеливо дождались, пока моя мама покончила со сборами и, не став попусту терять времени, тут же отправились в путь, что обещал быть не слишком легким, ведь в любой момент мы имели возможность напороться на врага, явно не проводившего время в сладостной дрёме и пустых мечтаниях.

И вот мы уже шли вдоль приветливой улочки, знакомой мне с ранних лет. За то время она мало изменилась, что вызывало у меня ностальгию по тем чудесным временам, когда я, несмышленное дитя, прогуливалась за руку с мамой, наслаждаясь цветами, пестревшими на ухоженных клумбах, любясь деревьями, одетыми в изумрудные наряды, и... кормя голубей. Последнее теперь возникало в моей памяти особо чётко, и, представляя те моменты, я невольно содрогалась.

И всё-таки, несмотря ни на что, как же жутко мне не хотелось покидать этот уютный городок, к каждому уголку которого я успела проникнуться всей душой. С ним было связано столько чудесных воспоминаний, которые теперь, словно кинолента, включенная на высокой скорости, прокручивались в моей голове, заставляя ненадолго уйти от реальности, вновь отправившись туда, пути куда уже не существовало.

Проходя мимо особо любимившихся мест, я даже останавливалась, чтобы последний раз на них взглянуть, и, несмотря на то, что Аня упорно меня торопила, не упускала возможности вновь вспомнить своё детство. Даже в такое, несомненно, напряжённое для всех нас время, когда тревога тесными оковами стискивала наши пока еще целые тела.

Но вот, незаметно, мы и достигли вокзала, на котором теперь, в отличие от утренних часов, толпились люди. Но объяснение тому имелось веское, ведь все они стремились как можно скорее покинуть город, выбранный неведомой нечистью в качестве основной цели своих чёрных деяний.

Мы, преследовавшие аналогичную цель, осторожно пробрались сквозь столпотворение оживлённо переговаривавшихся людей, а затем, преодолев широкий зал вокзального здания, приблизились к кассам, где поспешили приобрести билет на ближайший поезд, отправлявшийся до нужного нам пункта.

Узнав, что билеты ещё имелись в наличии и в большом количестве, я вздохнула с облегчением, так как страх, что таковых не останется, по причине массового ажиотажа, меня не покидал на протяжении всей нашей дороги, какую мы преодолели, чтобы добраться до

этого самого вокзала.

Решив проблему с билетами, мы отправились к залу ожидания, где, сложив вещи стали с напряжением дожидаться нашего рейса.

Чувствуя, как пламя тревоги, горевшей в моём сердце, становилось всё ярче, я нервно теребила рукава своей куртки. Все мои мысли по-прежнему были заняты голубями, и ни о чём другом заставить себя подумать я не могла, как бы отчаянно ни пыталась. Эти птицы, разводившие тучи своими исполинскими крыльями, напрочь отказывались покидать мою голову, отчего мне приходилось мучиться, тщетно пытаясь отогнать нешуточный страх.

Но неожиданно Анна дёрнула меня за руку, отчего я невольно вздрогнула. Воображение тут же нарисовало перед моими глазами ужасающую картину, и у меня возникло навязчивое желание ринуться в сторону поездов и, забравшись на первый попавшийся, неважно, в какую сторону державший путь, поскорее сбежать от кошмаров, вселившихся в каждый уголок этого обречённого города.

— Голуби, — прошептала Анна

Одного только этого слова было достаточно, чтобы внутри меня всё похолодело, а сама я, съёжившаяся, словно маленький ребёнок, чуть не издала панический вопль, выплеснув всё, что накопилось внутри меня, наружу. Но этот способ был не лучшим, так как, несомненно, привлек бы всеобщее внимание, получить которое у всех нас отсутствовало всякое желание.

Глава 12. Нападение

Страх накрепко сковал моё тело, отчего мне показалось, будто на миг я перестала быть самой собой, перевоплотившись в кого-то другого, совсем маленького и незащищенного. Я крепко схватилась за Аню, как ребёнок, жаждущий отыскать спасение у практически случайных людей, не владеющих необходимыми навыками. Но мне уже было плевать на репутацию. Я судорожно держала её руку, моля, чтобы она не отпускала меня, чтобы не позволяла мне ринуться в сторону вокзала, окружённого омерзительными чудищами.

Впрочем, именно это Анна и делала. Сдерживая меня от панических порывов и пытаясь настроить на спокойствие, она неотрывно смотрела на платформу, на которой в отчаянии металась человеческие фигуры. И я бы к ним тоже присоединилась, если бы не Аня. Как же я была ей благодарна в тот момент...

Моя мама стояла на месте, буравя железнодорожную станцию остекленевшим взглядом. Наверное, ей уже было всё равно, какая участь постигнет нас в ближайший момент и с какой тварью нам придется столкнуться. Мать, в отличие от меня, пытавшуюся сконцентрироваться на успокаивающих мыслях, уже смирилась и теперь только ждала нужного часа.

Паника. Страх. Крики. Люди бегали по зданию, не понимая, куда им деться, тщетно пытаясь отыскать спасение, но всё было бесполезно, так как отогнать голубей, фигуры которых вздымались среди тяжёлых чёрных облаков, нависших над городом, не представлялось возможным. А цель их оставалась всё той же, и упорство, с которым они стремились её достичь, не убывало.

Проклиная весь мир и наивно надеясь, что всё это — лишь страшный сон, привидевшийся мне после бурной ночи, я последовала за Аней, внезапно решившей двинуться в путь. Зачем она эта сделала, я не понимала, но уже было всё равно — гибель совсем близко. Свистящее дыхание смерти, её длинные костлявые пальцы, её пронизывающий голос, представленный неземным птичьим воплем, уже доносился в нескольких метрах от нас. Уже совсем рядом. Ещё несколько мгновений — и все мы будем мертвы.

Люди, поддавшиеся панике, носились по тесным вокзальным залам, словно муравьи. Некоторые даже выбивали стёкла, испещряя кожу кровавыми порезами, некоторые, впад в состояние безумия, чуть ли не взбирались на стены, пытаясь хоть там отыскать желанное убежище. Но его не было и на стенах, его не было нигде.

Воздух, казалось, становился всё плотнее. Не видя ничего перед собой, сталкиваясь с дрожащими человеческими телами, мы целенаправленно двигались в сторону, где в тот момент находилась самая сердцевина опасности. Несмотря на мои сопротивления, Аня, задаваясь какой-то целью, не останавливалась, и я не ослушивалась, покорно следуя за ней, в надежде, что, может, хоть она знала, как избежать отвратительной гибели от уродливых голубиных клювов.

Моё сердце отчаянно билось, голова кружилась, глаза, перед которым всё мелькало, практически ничего не видели — за исключением разноцветных тканей, служивших материалом различных видов одежды.

«Мы спасёмся, Лиза, правда, верь. Только верь», — твердила я самой себе.

Вот мне в лицо ударил порыв свежего воздуха, позволивший хоть ненадолго выйти из

временного состояния помутнения. Мы вышли на платформу, практически опустевшую от людей, ясно увидевших приближающуюся опасность.

Народу там и вправду не было, зато имело место быть кое-что похуже, чем разбегающиеся в разные стороны человеческие фигуры. Голуби. Жуткие птицы, кружившие в облаках, разрезавшие небесную твердь своими исполинскими крыльями и беспрестанно клацавшие отвратительными клювами, должно быть, уже не раз ощутившими вкус солёной человеческой крови.

— Прошу, не надо, давай вернёмся, — прошептала я, но Аня, неожиданно предавшаяся размышлениям, меня не услышала. Дрожащая, липкая от пота рука мамы очутилась на моём запястье, и, развернувшись, я увидела её взгляд, заставивший вскрикнуть от ужаса.

Нет, ничего нечеловеческого в её глазах не было — она по-прежнему оставалась собой, всё той же женщиной, которую я знала с самого рождения. Только панический страх, метавшийся в её взгляде, словно передавался невесомыми нитями, врезаясь в душу и заставляя испытывать аналогичные неприятные чувства. И снова этот ком в горле, снова дрожь, одолевающая всё тело, с которой мне уже вроде бы даже удалось немного совладать.

— Мама, мы ведь вернёмся? — спросила я, осознавая, как глупо прозвучали мои слова.

Между тем огромные голубиные фигуры уже были совсем близко. Их тени, рокотавшие на чёрном небосводе, нависли над нашими одинокими фигурками, словно они были королями, а мы — жалкими слугами, приговорёнными к смертной казни в результате неисполнения своих обязанностей

Наверное, люди, спрятавшиеся в безопасное укрытие, в тот момент смотрели на нас, как на сумасшедших, так как мы были единственными, кто осмелился сунуться на захваченную территорию в столь напряжённый момент. Я словно чувствовала на себе эти пронизывающие человеческие взгляды, которые вкупе с голубиными разрывали нервы на несколько мелких лоскутков.

Небо озарилось неземным заревом, вспыхнув множеством огненных всполохов, голубиные крылья в очередной раз сотрясли тяжёлый воздух, сплошь напитавшийся дымом, — и под звуки гортанного боевого клича голуби ринулись в атаку. Они набросились на нас, беззащитных людей, стоявших посреди пустой платформы и совершенно не имевших понятия, куда им податься, чтобы обрести спасение.

Только теперь я осознала, что, последовав за Аней, самолично пошла на самоубийство, так как она, одолеваемая тихой паникой, попросту не соображала, что делала. Съехав с катушек, она начала искать спасение там, где пролегла самая опасная зона и где шанс встретиться лицом со смертью был крайне, просто крайне велик.

Но внезапно я, к своему невероятному удивлению, заметила, что в руках Аня держала какой-то странный камень, видеть который раньше мне не доводилось даже на страницах книг. Неровно отшлифованный, словно отколовшийся от основной материи, он выглядел зловеще и создавал не самые приятные впечатления, но, несмотря на это, вселял в душу смутную надежду на спасение. Ведь его держала наша верная сторонница, а значит, бояться было нечего. Если только Аня нас не предала, перейдя на сторону омерзительных пернатых, парящих среди темных небесных клочьев. Но этого случиться просто не должно было. Мой мозг упорно отказывался верить, что Анна, с таким воодушевлением отправившаяся со мной на помощь маме, вообще была способна на измену. Хотя, кто знает, ведь наше с ней знакомство не отличалась близостью...

Неожиданно произошло то, отчего мои глаза, не ожидавшие увидеть такого, чуть не

полезли на лоб. Камень, который сжимала в руках наша спутница, погрузил платформу в океан ослепительного света, на какой-то миг поглотивший абсолютно всё, том числе и рельсы, и поезда, и голубей, сразу же взмывших к недостижимым высотам. Всё смешалось в едином порыве противоречивого безумия, представленного игрой света и множеством удивлённых восклицаний, от звуков которых хотелось сбежать куда-нибудь подальше и спрятаться, чтобы больше не видеть этого кошмара.

Ослеплённая неведомым свечением, я зажмурилась, прокручивая в мыслях возможные варианты появления у Ани этого чудесного камня. Неужели оружие от тварей, именующихся голубями, всё же существовало? И каким образом оно очутилось у моей знакомой, упорно доказывавшей, что от птиц не спастись и голуби — самые страшные существа на всей планете.

Когда сияющий круговорот остановился, перестав закручивать в себя все окружающие объекты, а мои глаза начали понемногу что-то различать, я сразу же ринулась к Ане, с абсолютно равнодушным выражением лица стоявшей неподалеку от железнодорожных путей и смотревшей на густую пелену туч. Мама, обрадованная исчезновению птиц, осталась стоять на месте. По-видимому, она совершенно не горела желанием узнавать причину, по которой это произошло.

Я же осторожно подкралась к Ане и, коснувшись её руки, тихонько спросила:

— Что это было? Как ты отогнала их?

— Это достаточно долгая история. Я расскажу тебе её в поезде, так как время поджимает. Но голуби ещё вернутся, это я знаю точно. Я их не прогнала окончательно, а тем более — не уничтожила.

— Но... — я замаялась, не зная, что сказать. Множество вопросов разрывало мою голову, жажда вырваться наружу, однако слов, чтобы их выразить, катастрофически не хватало, словно в один миг я лишилась всех речевых навыков.

— Теперь у меня нет часов, печально. Хотя, главное, что жизнь ещё со мной, — по прошествии нескольких минут грустно усмехнулась Аня, глянув на то жалкое подобие браслета, оставшееся от её дорогих часов. Видимо, камень, который она держала именно этой рукой, оказал на них неблагоприятное воздействие.

— Печально... — машинально повторила я, плохо соображая, что говорила. Волны странного спокойствия начали медленно захлестывать все мои чувства, и потому, не сказав больше ни слова, я двинулась к маме, всё ещё стоявшей на прежнем месте и упорно нас ждавшей.

Глава 13. Наблюдения

Добрались мы до города С достаточно быстро, вот только самого важного из того, что я ожидала, не произошло. Анна не рассказала. Абсолютно ничего не говорила о вещах, связанных с камнем, касающихся отгона голубей. Всю дорогу она сидела, апатично глядя на серебристые нити рек, обрамленные изумрудными полями, на тропы, дома, людей, магазины, и о чём-то думала. Ей словно не было никакого дела до меня, жаждущей как можно скорее выяснить хоть какие-то подробности о случившемся.

А вот мама смогла немного расслабиться: любимая книга, которую она в первую очередь закинула в свою походную сумку, пришлась весьма к месту. Спокойная история, что там описывалась, нагнала на мать какое-то ласковое умиротворение, и она с необычной для нашей ситуации безмятежностью поглядывала на окрестности.

А вот со мной всё обстояло гораздо хуже: сколько я ни пыталась расслабиться, сколько ни думала о приятных вещах, перед глазами всё равно возникала жуткая площадь и, конечно, твари, какие могли настигнуть нас в любой момент.

Анна же с каждой минутой вызывала у меня всё большее недоверие: её скрытность буквально раздражала, невольно наводя на дурные мысли. И то равнодушие, с которым она оценивала ситуацию, уже настораживало, весьма настораживало.

— Аня, ты же обещала мне рассказать про камень. Или я что-то не поняла? — не выдержав, обратилась я к сопутнице, но та, одарив нас загадочным взглядом, дала лишь короткий и совершенно неопределённый ответ.

Время пролетело незаметно — и мы, с трудом осознававшие свое везение, уже шли по знакомой платформе. Даже не верилось, что ещё вчера я, не на шутку встревоженная состоянием матери, стояла среди этих однообразных строений и ожидала поезд. Казалось, всё это безумное путешествие, порядком подпорченное птицами, длилось гораздо дольше, гораздо мучительнее.

А в городе С всё было спокойно — слишком спокойно. Прохожие как ни в чём не бывало сновали по улицам, транспорт ходил по расписанию, одинокие коты, не покалеченные голубями, мирно прогуливались среди клумб, гортанным мяуканьем зазывая своих подружек, — как в мирные времена. И всем, казалось, было абсолютно плевать на новости, объявленные по телевизору: их весь этот мнимый апокалипсис не касался, им жилось прекрасно, а значит, и поводы для тревоги отсутствовали.

В скором времени мы уже стояли около не понаслышке знакомого мне дома, окружённого цветущими клумбами. Терпкий аромат по-прежнему витал в горячем воздухе, со всех сторон доносились монотонные машинные гудения, детские крики, брань, шум газонокосилок — все было таким обыкновенным, чересчур обыкновенным.

Впрочем, одна деталь, которая, собственно, больше всего и волновала, почти сразу привлекла моё внимание. Голуби отсутствовали. Совсем. Ни одного не было ни на улицах, ни на крышах, ни на оконных выступах — все как сквозь землю провалились. И сколько бы ни кликали бабушки, по привычке принёсшие угощения, сколько бы ни искали юные разбойники, безмерно любившие их погонять, сколько бы ни изумлялись молодые пары, использовавшие их в качестве символа своей любви, — птички всё не приходили.

Всю дорогу до нашего временного убежища я внимательно рассматривала улочки, силясь отыскать хоть одного голубя, но все бесполезно. Исчезли — и это явно не к добру.

Когда мы, наконец, очутились в стенах квартиры, мама, уставшая от тяжёлой дороги, сразу же отправилась спать, а я, наспех закинув вещи в предоставленную мне комнату, вышла на балкон и принялась увлеченно наблюдать.

Аня словно невзначай поинтересовалась моим состоянием и, убедившись, что все в порядке, кинулась к ноутбуку, чтобы проверить почту. О своем обещании она, похоже, и вовсе забыла, или, что более вероятно, не желала вспоминать. Не хотела рассказывать. Стремилась сохранить столь важную информацию, которая, несомненно, пригодилась бы нам в обороне против тварей, в бесполезной тайне.

Не став больше донимать хозяйку расспросами, я, тесно примкнув к чистейшему балконному стеклу, начала изучение города.

Вид моим глазам открылся не особо интересный: какая-то дорога, длинная, извилистая, переполненная машинами, несколько пышных деревьев, высаженных у обочин, супермаркеты, пестревшие цветными вывесками с изображением неестественно красивых продуктов. У Антона пейзаж открывался гораздо более приятный, радующий глаз, — здесь же всё выглядело скучно. Настолько скучно, что мне через несколько минут захотелось спать — но нет, отлынивать было нельзя, я словно чувствовала. И с трудом преодолевая сонливость, сладко зевая, продолжала наблюдение.

Однако каких-либо признаков присутствия голубей все не было: только парочка людей, решивших порадовать птичек очередным лакомством, но не получивших никаких результатов. Через некоторое время мне, одолеваемой сонливостью, эта странная затея начала порядком надоедать, и, сдавшись, я всё же решила отправиться в кровать.

Спалось мне очень беспокойно, я, наверное, то и дело ворочалась, а пробудившись, даже поначалу удивилась, что вообще жива: уродливые птицы, в каких внезапно превратились голуби, упорно отказывались выходить из головы.

Как выяснилось, было уже раннее утро. Рассветные лучи пробивались сквозь густые кроны деревьев, хаотично бегали по оконному стеклу и, прорываясь сквозь шторы, заливали комнату розоватым сиянием; где-то вдали слышался торжественный слаженный хор каких-то пташек, встречавших очередной рассвет. Всё так мирно, так обыкновенно — словно ничего не происходило, словно всё, с чем мы столкнулись по пути в город К, являлось не более, чем безумным плодом разыгравшегося воображения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Медленно потянувшись, осмотрев комнату затуманенным взглядом, я встала и, охваченная смутной тревогой, первым делом подбежала к окну. Ничего не изменилось. Голубей по-прежнему не было. И даже людей, по причине раннего часа, оказалось немного.

На цыпочках прокралась в гостиную, стараясь не наделать лишнего шума, чтобы ненароком не разбудить спящих.

Аня, уже проснувшаяся, сидела на пресловутом бежевом диване и, опершись локтем о подушку, рассматривала себя в небольшом миниатюрном зеркальце, украшенном резной белой рамой. Её голубые глаза, заинтересованно изучавшие отражение, по-прежнему выражали спокойствие, на пухловатых губах играла чуть заметная улыбка. Она пропустила сквозь пальцы тонкую светло-рыжую прядь и, подняв взгляд, пожелала доброго утра.

Рассеянно поприветствовав хозяйку, я мимолётно глянула в окно, но опять же ничего не обнаружила. Нужно было обследовать улицы, уделяя особое внимание «голубиным» районам, иначе мой план попросту не имел смысла. Вот только где в городе С скапливалась особо много пернатых, пока что оставалось загадкой, узнавать ответ на какую у Ани,

наверное, осведомлённой, почему-то ничуть не хотелось.

Наспех собравшись, я вышла на улицу. В нос тут же ударил вязкий цветочный аромат, разносившийся по укромным закуточкам. Какая-то женщина, одетая в мешковатый синий костюм, возилась с красующимися на клумбах растениями, нахваливая их за стремительное развитие. Воробьи, стайкой скопившиеся вокруг отцветшего куста черемухи, целенаправленно выискивали еду, которой теперь, пожалуй, им обещало достаться гораздо больше обыкновенного: голубей-то след простыл.

Лохматая рыжая собачонка, отпущенная с поводка заботливым хозяином, виляя хвостом, подбежала к клумбе и, бодро залааяв, спугнула нахохлившихся птичек. Меня, почему-то представившую на месте пернатых малышкой голубей, слегка передернуло.

Внимательно осматривая каждый уголок, принюхиваясь к запахам, витавшим на городских улицах, и, конечно, улавливая звуки, я добралась до четырёхэтажного торгового центра с зелёными панельными стенами и гладкой крышей. Магазины ещё не открылись, а потому людей, минующих территорию заведения, оказалось немного — только угрюмые прохожие, с равнодушным выражением лица бежавшие на работу.

Взгляд скользнул на небольшую выровненную площадку, изрисованную нелепыми меловыми картинками. Насколько я помнила, в момент моего прошлого посещения С, сосредоточенного на шопинге, там сновали наглые голуби, пощёлкивавшие по асфальту своими кривыми клювами. Сейчас же — ничего, даже никаких следов их присутствия, что, конечно, уже выходило за рамки всяких подозрений.

Следующим пунктом моего странного исследования стала автобусная остановка, такая же сомнительная; потом, когда я нырнула в первую попавшуюся маршрутку, — ещё и ещё одна. Город проносился за грязным окном, мелькая однообразным переплетением улиц, полных различных пешеходов. Но ни одного голубя на пути не попадалось, как бы внимательно я их ни высматривала.

Только на одной остановке, на которой что-то с апатичным видом наигрывал уличный музыкант, мне бросились в глаза перья. Голубиные перья, хаотично рассыпанные по изрытому асфальту.

Заметив их, я, охваченная смутной тревогой, редко подступившей к горлу, буквально соскочила с места и, растолкав людей, выпрыгнула из транспорта. На меня посмотрели, как на дуру, но это уже не имело значения: перья волновали гораздо больше, нежели пассажиры маршрутки, дальше понёсшейся по серой дороге.

В носу неприятно защекотало от пыли, отчего я невольно поморщилась. Музыкант, продолжавший перебирать пальцами гитарные струны, окинул меня просящим взглядом, словно выискивая в моих карманах желанные монеты. Уловив его намёк, я поспешно отвернулась и, наплевав на все, дрожащими руками подняла с земли перья. Голубиный подарок мягко лёг на ладонь, неприятно защекотав кожу. Некоторое время я тщательно рассматривала каждую его часть, но, как ни странно, ничего подозрительного не обнаружила, словно птички, разгуливавшие здесь, являли собой нечто вполне обычное, совершенно не связанное с жуткими пылающими тварями. Интересно.

Закинув перо в карман куртки, я двинулась вдоль асфальтированной дороги, ведущей к невзрачным низким зданиям, внимательно высматривая признаки пребывания около них местных голубей.

Но все оказалось бесполезным, и единственным, что я получила, кроме пера, были ноющие от долгой ходьбы ноги и окончательно испорченное настроение. Похоже, в

ближайшие дни ожидалось нечто ужасное, ибо уж что-что, а исчезновение голубей едва ли представлялось добрым знаком.

Глава 14. Путешественник

Я продолжала свои упорные исследования, которые теперь уже смело можно было называть бесполезными, так как ни к каким результатам, кроме чрезмерной усталости и перегретости от невыносимо палящих солнечных лучей, они не приводили. Голубей не было. Нигде. Даже в центральных городских парках, заботливые работники и посетители которых по-прежнему посыпали горячую брусчатку сочными крошками, надеясь приманить пернатых разбойников.

В отличие от обеспокоенных любителей голубей, я только радовалась отсутствию этих милых пташек, однако тревога, крепко сковывающая моё существо, с каждым таким обходом «голубиной» местности все возрастала, подступая к горлу неприятным давящим комом.

Аня заинтересованно наблюдала за моими действиями, но ничего не говорила, явно желая остаться в стороне. Она не поделилась и секретом о камне, хотя тогда, на платформе, дала честное обещание посвятить меня в это замудренное дело, но, как ни печально, не сдержала слово.

А вот мама успокоилась. Она была рада, что жуткие птицы, клопочущие уродливыми клювами, остались позади, несмотря на то что немного скучала по родному дому. Все, в чем теперь она нуждалась, сводилось к безопасности и городским условиям, в полной мере полученным ею в Аниной квартире.

Всю идиллию, временно воцарившуюся в нашем укрытии, в один день нарушил таинственный гость, неожиданно появившийся на его пороге. Он предпочёл остаться анонимом, назвавшись просто путешественником. Но стоило мне взглянуть на этого человека, одетого в серый поношенный плащ, местами перетершийся почти до дыр, как я сразу все поняла. Я немного знала его. Помнила нашу встречу, помнила, как он, увлекавшийся орнитологией, с энтузиазмом рассказывал дружеской компании о птицах, не упуская, стоит заметить, и голубей.

Я не ведала, был ли гость орнитологом или просто любителем, изучавшим поведение пернатых, но, разумеется, догадывалась, что в голубях он смыслил.

Впрочем, по внешнему виду путешественник скорее напоминал молодого ученого, работавшего над безмерно важным проектом. Худое, чуть удлинённое лицо, пытливые карие глаза, заинтересованно бегавшие по комнате, чуть крючковатый нос, не портивший, однако, его внешность, и средней толщины губы, играющие лёгкой ухмылкой. Он не был красавцем, но и уродом я бы его не назвала — обыкновенный парень лет двадцати трёх, во взгляде которого без труда читалось любопытство.

— Здравствуй, Аня, — как-то небрежно кинул он, когда хозяйка услужливо пропустила его в свою квартиру, словно специально приготовленную для какого-то значимого исследования, разумеется, не терпевшего никаких отлагательств.

Я в тот момент тихонько притаилась за дверью, отделявшей гостиную от коридора, и, немного опасаясь показываться, напряжённо слушала, стараясь уловить каждую деталь разговора.

— Привет! Ну наконец-то! Я уже заждалась... — бодро откликнулась Аня, приветливо улыбнувшись пришедшему.

Гость поставил у входа большую чёрную сумку, полную пугающих вещей, и, быстрым шагом добравшись до гостиной, приоткрыл дверь. Я тут же отпрянула в сторону, покраснев

от смущения.

Парень заинтересованно посмотрел на меня и, как ни удивительно, назвал моё имя. Не понимая, откуда ему известны такие подробности, я отошла к дивану. На губах появилась глуповатая ухмылка, взгляд впился в лицо гостя, определённо знакомое, но практически ни о чем не говорившее. Я помнила, что он общался с Антоном, что, увлечённый изучением птиц, путешествовал по различным уголкам мира. Помнила его рассказы о дальних странствиях, проходивших по таинственным заморским просторам, в которых лично я мечтала побывать ещё в детстве. Но этого, разумеется, было совсем недостаточно, чтобы сложить о человеке адекватное мнение.

Впрочем, в тот момент меня, робко прижавшуюся к стене, интересовало одно — его научный интерес к пернатым, из-за которого он, скорее всего, и нагрянул в мирную Анину квартирку. Нужно было засыпать его вопросами. Плевать на приличие: он, в отличие от хозяйки, упорно что-то скрывавшей, мог хоть немного посвятить меня в эту тайну, покрытую голубиным пухом.

Гость внимательно изучил комнату; не обнаружив в ней ничего аномального, он осторожно подобрался к окну, заставленному цветочными горшками. Поняв намерения путешественника, Аня сняла растения и скромно встала у шкафа, принявшись заинтересованно наблюдать.

Он пристально оглядел серую улицу, полную унылых прохожих, насупленные многоэтажки, возвышавшиеся в туманной дали, немногочисленные фонари, окружавшие дорогу, и, конечно, детскую площадку, по которой не так давно, отвоевывая друг у друга зерна в великой схватке, крупными стайками сновали голуби.

Не заметив ничего подозрительного, путешественник нахмурился и отступился от окна. Анна тут же поставила все цветы по местам и, отряхнув чуть просыпавшуюся землю, приступила к расспросам.

— Они скоро прилетят сюда, да? — в её голосе отчётливо послышались стальные нотки.

— Полагаю, да, — откликнулся гость, начав кругами ходить по комнате.

— А вы знаете, с чего они это? — не выдержала я, тщетно пытаюсь скрыть напряжение, с каждым мигмом становившееся всё мучительнее.

— Да. — От этих слов по телу пробежал сковывающий морозец. Я широко раскрыла глаза и, сжавшись, словно ребёнок, приготовилась к страшным словам. Он должен сказать. Он не мог скрывать. Это было слишком важно, так как именно от этой информации, наверное, и зависела в тот момент наша смутная судьба. «Ну не медли. Говори».

Впились пальцами в стену, стараясь передать ей, безжизненной и пустой, накаляющееся напряжение. Путешественник молчал, что уже начинало меня, уставшую от скрытности, откровенно раздражать.

— Ну и с чего же? Почему? Они хотят уничтожить нас?

— Да, — гость, словно специально решивший потянуть время, вновь ограничился лаконичным ответом.

Я подозрительно глянула в пытливые глаза парня, сияющие странным, несколько безумным блеском. Он, в свою очередь, о чем-то напряжённо думал, всматриваясь в неясные очертания города, видневшиеся из-за полупрозрачных штор.

Послышались шаги. Я в ужасе повернулась в сторону, откуда донёсся звук, ожидая увидеть там голубя, а может, кого-то и похуже. К счастью, опасения не оправдались, так как

фигура, возникшая на пороге, принадлежала вовсе не жуткой пернатой твари, а всего лишь моей маме, которая до этого момента тихо сидела в своей комнате, но, услышав разговор, не смогла сдержать разгоревшегося любопытства. Она встревоженно косилась на странного гостя, продолжившего расхаживать по просторной комнате.

— Все хорошо, мама, — заверила её я, натянув глупую улыбку. — Мы просто мило беседуем.

— А, я думала, может, что-то случилось. Не буду отвлекать, — решила мама и, расслабившись, прикрыла дверь, покинув гостиную.

— Так что с голубями?

— Те птицы, которых вы видите, — лишь облик, принимаемый ими на человеческих землях, чтобы скрыть истинное лицо.

— А какой же истинный? — холодок вновь пробежал по мне колкими мурашками. Его слова звучали безумно, но для меня, готовой, казалось, поверить в любые бредни, были больше, чем реальностью. Голуби — вовсе не птички, мирно поглощающие мясистые зёрнышки. Они твари. Неведомые существа, притворяющиеся безобидными созданиями, чтобы вызывать доверие у наивных людей, не упускавших очередного шанса побаловать пернатых порцией аппетитных лакомств.

В ответ путешественник в красках описал тех чудовищ, взмахивавших исполинскими крыльями среди небесных клочьев. Это — их истинный облик, который твари, начавшие захват планеты, уже не прятали, ибо в нем их одолевала потусторонняя сила и в нем они способны были вершить страшное, не скрываясь от беззащитных человеческих глаз, переполнявшихся безрассудной паникой от одного только вида уродливых созданий.

— Голуби — это демоны, стоящие на страже самого ада, — внезапно заявил гость, напряжённо выпрямившись, — они — превосходные воины, жаждущие уничтожить человечество, превратив планету в непроходимый ад, а из выживших сделав своих верных рабов, не смеющих ослушиваться приказаний.

Голуби — демоны... Голуби?! Го-о-луби! Открыв рот от неумолимо растущего изумления, я впиалась в гостя неподвижным ошарашенным взглядом. Он должен был сказать ещё что-то. Что-то странное, абсурдное, но, к моему ужасу, абсолютно реальное — я словно чувствовала это всеми клеточками своего трясущегося тела.

Путешественник молчал, наверное, выжидая, пока я, впавшая во временное оцепенение, переварю столь ошарашивающее заявление. Пошатываясь, я добралась до дивана и, рухнув, вновь посмотрела на странного парня, лицо которого, несмотря на удивительную серьёзность, оставалось холодно-невозмутимым.

«Голуби-демоны. Голуби-демоны», — крутилось в голове, словно в пластинке, начавшей заедать в самый неудачный момент.

Ненавижу голубей.

Немного придя в себя, я сдавленным голосом попросила Аню принести стакан воды, и та услужливо направилась на кухню. Гость, в свою очередь, неподвижно замер посреди гостиной, скорее всего, планируя поделиться со мной другой, более шокирующей информацией.

Хозяйка быстро вернулась и, протянув мне блестящий стакан, наполненный холодной жидкостью, встала рядом с путешественником, скрестив руки на груди.

Я сделала несколько жадных глотков, тщетно пытаюсь избавиться от назойливых мыслей, что, словно мухи, вились в, наверное, медленно взрывающейся голове.

— А вы, демонолог, да? — опасливо поинтересовалась я, вцепившись ладонями в бархатистую спинку дивана.

Гость ухмыльнулся, одарив меня смутным взглядом, от которого по коже пробежали невольные мурашки.

— Не совсем. Хотя, не скрываю, в демонах я разбираюсь превосходно. А впрочем, считай, что да. Но больше люблю, когда меня считают простым путешественником, имеющим не совсем обычное увлечение.

— А голуби — самые сильные демоны?

— Одни из самых сильных, способных свершить апокалипсис, которым они сейчас, собственно, и занимаются, — с увлечением, но опять же без паники провозгласил путешественник, вновь начав нарезать круги по комнате.

— Ну зачем так громко? Поосторожней, — вмешалась Аня, похоже, заметившая мой обескураженный взгляд.

Залпом выпив оставшуюся воду, я вопрошающе посмотрела на гостя, уверенно требуя продолжения. Несмотря на невероятный шок, испытываемый мною в тот момент, я ловила себя на неотступной мысли, что хотела знать, что дальше. Желала понять, почему началась эта чертовщина, к чему она приведёт и, самое главное, может ли прекратиться. И почему именно голуби? Почему не какие-нибудь вороны, зловеще каркающие среди мистических кладбищенских просторов, а именно голуби — миловидные пташки, казалось бы, ведущие спокойный и неприметный образ жизни.

— Можно продолжать? — испытующе поинтересовался гость, озарённый каким-то диким, ненормальным воодушевлением, словно психически больной на приеме у докучливого доктора.

— Да, да, можно, — откликнулась я запинаящимся голосом, представляя мрачную картину разрушенного мира, в котором остались только разлагающиеся человеческие трупы, хаотично разбросанные по гнилой земле, и торжествующие голуби, завершившие свою чёрную миссию. Птицы, апокалипсис, демоны — бред какой-то, честное слово! Может, у нас у всех просто крыши немного с фасадов съехали? Впрочем, вряд ли: о голубиных происках, направленных на невинных граждан, объявляли даже по телевизору. Если это и помешательство, то, пожалуй, мирового масштаба, чего по логике просто быть не могло.

— Шестьсот десять лет тому назад во всех уголках мира на мелкие осколки раскололись священные камни, наделённые особым свойством, позволяющим отогнать демонов или причинить им жуткую боль. Этому событию не уделили внимание, так как мало кто знал о силе, наполняющей невзрачные булыжники. А осколки этих камней разлетелись по всему миру. И именно тогда было изречено предсказание, согласно которому через шестьсот лет сильнейшие демоны, с древних времён оккупирующие человеческие земли, восстанут и начнут апокалипсис. Действительно, голуби восстали. Замечу, что все эти кровавые дела, которые они начали совершать, для них не в новинку, просто раньше это было редким развлечением, а после грандиозного восхода стало великой миссией.

— Но как? — не удержалась я. — Раньше ведь ничего подозрительного не происходило.

— Разумеется. Раньше все их проделки списывали на обыденные ситуации вроде аварий или самоубийств. Ведь людям и в голову не пришло бы, что какого-нибудь несчастного подростка, просто хотевшего изящно поманипулировать суицидом, столкнул с крыши голубь. Впрочем, перейдём к делу. Итак, голуби восстали. Начали они с медленных и слаженных действий, не бросающихся в глаза обыкновенным людям. Например, внезапный

подъем тех же самоубийств. Свой истинный облик голуби старались не показывать, но, если кому и случалось его увидеть и он с уверенностью заявлял об этом, двери психлечебниц в очередной раз открывались, приветствуя новых пациентов. Меня, кстати, тоже хотели туда отправить, но не вышло, — путешественник самодовольно усмехнулся. — Так вот, с момента их первого грандиозного восстания прошло десять лет, за время которых мир уже, на самом деле, успел порядком встряхнуться. Теперь голуби явно перешли к более активным мерам, уже даже не скрываясь от людей, которые все равно не смогут им помешать, как ни будут стараться.

— А какой смысл был в убийствах людей до восстания?

— А вот это уже скорее философский вопрос, относящийся не только к демонам... Хотя для стражей убийства — это развлечения, после которых они пополняют ад новыми мучениками, отправляя туда души и следя, чтобы те вдруг не взбунтовались. Кстати, предупреждая лишние вопросы, замечу, что сами голуби бессмертны. Размазанные по асфальту трупы с вывернутыми кишками и вытекшими мозгами — лишь оболочка, которую демоны тут же покидают, чтобы воскреснуть в новой, более сильной и выносливой. Хотя за мертвых оболочки: как свои, так и родственников — они обычно жёстко мстят.

И тут перед моими глазами чётко предстал окровавленный мужчина, раскинувшийся на безмолвном асфальте. Перед тем, как неизвестная сила вышвырнула его на обочину, человек задавил голубя, вальяжно разгуливавшего по проезжей части. Наверное, демон, у которого испортилась земная оболочка, совершил свою кровавую месть, предварительно «очистив» дорогу от жалких остатков раздавленного птичьего тела.

От этого воспоминания меня невольно передернуло. Нервно сглотнув, я поднялась с дивана и, решив больше не пользоваться услужливостью хозяйки, угрюмо поплелась на кухню, чтобы налить ещё один стакан освежающей воды. Ступая по идеально вычищенному полу, покрытому блестящим линолеумом, я старалась ни о чем не думать. Голова гудела от большого количества шокирующей информации.

Добравшись до кухни, я тут же ринулась к небольшому столику, стоявшему около окна, на котором в аккуратный ряд были расставлены заветные бутылки воды. Взгляд невольно скользнул по сверкающему стеклу, и я тут же в ужасе замерла на месте, не в силах пошевелиться. В окно со стороны улицы, окутанной мягким вечерним сумраком, бил шершавым клювом небольшой голубь, распушивший невзрачные перья. Непонятно, что эта тварь хотела, но спокойно наблюдать за её ужимками я, конечно, уже не могла.

Вопль ужаса вырвался из горла, разорвав царившую в квартире тишину.

Глава 15. Камни

Аня и путешественник прибежали на вопль. Они взволнованно глянули на меня, пытаясь понять, чего я так испугалась, но, уловив указывающий жест, сразу же обо всём догадались.

Тварь, стучавшая клювом по прочному стеклу, продолжала своё дело, даже не думая уходить. Наверное, намеревалась забраться в наше, как выяснилось, не слишком-то надёжное укрытие, чтобы уже в квартире совершить очередное кровавое дело, взбудоражив ни о чем не подозревавших жителей города.

Аня стремительно подлетела к окну и, вызволив из кармана джинсов тот же загадочный камень, приготовилась раскрыть дверцу. Но не тут-то было: таинственный гость резко остановил её, отдернув руку хозяйки от подоконника.

Не ожидавшая от путешественника такого выпада, Анна сделала неловкое движение и, взмахнув рукой, случайно коснулась его лица камнем, отчего гость издал странный сдавленный восклик, напоминающий болезненный стон.

Не понимая, в чём дело, я глянула на путешественника и, обнаружив, что с ним произошло, оторопела от очередного изумления. На его худой гладкой щеке появился большой багровый ожог, налитый какой-то неприятной жидкостью, словно гость совершенно случайно ударился о раскалённый предмет. Скривившись от боли, он закрыл повреждённый участок напряжённой ладонью.

— Прости, — виновато прошептала Аня, пряча камень, излучавший чуть заметное сияние.

— Всё хорошо, — с трудом выдавил из себя путешественник, продолжая наблюдать за голубем.

В моей голове же сразу стали мелькать не слишком радостные мысли, связанные с гостем и Аней. Что-то странное было в каждом из них, определённо, и, похоже, они упорно скрывали какую-то мистическую тайну, недоступную пониманию простых смертных вроде меня.

Я попятилась, опасливо глядя на хозяйку и гостя, закрывавшего рукой обожжённую кожу.

— Что это было? — подозрительный взгляд застыл на щеке путешественника, скрытой его жилистой ладонью.

Аня сделала странный жест, словно спрашивая таким образом разрешения у таинственного гостя, на что тот чуть заметно кивнул. В его глазах снова промелькнула странная искорка, заставившая меня невольно поёжиться.

— Это — осколок священного камня, очень ценный и редкий артефакт, — произнесла Аня, вновь вызволяя камень и стараясь отвести его как можно дальше от страдающего путешественника. — Путеше... — она запнулась, окинув гостя мимолётным взглядом, но, не став долго раздумывать, продолжила: — Путешественник приобрёл его на особом аукционе, чтобы с помощью него защищать невинных людей от голубей, отгоняя их священным светом. Но после одного несчастного случая он отдал его мне. Теперь этот камень, можно сказать, — моя вторая жизнь. Ну и защита от голубей, конечно же.

Аня шумно вздохнула, крепко прижав к своей груди осколок священного камня, словно собственного ребёнка.

Я удивлённо покосилась на хозяйку, только что озвучившую абсурдные вещи. Какой-то камень, купленный на аукционе, по сути, являющийся чуть ли не чем-то сродни стекляшки, поддерживал ей жизнь и, похоже, ненадолго отгонял голубей, заставляя их невольно уходить с захватываемых земель. Последнее радовало, но представить себе, как этот камушек мог обеспечивать жизнеспособность человека, я, привыкшая скорее к логическим объяснениям, решительно не могла.

Снова недоумевающе покосилась в сторону чудаков. Происходящее всё больше напоминало безумие, однако я, случайно ставшая частью оно, уже не так волновалась, желая лишь выяснить, как неприметная стекляшка дарила жизнь: помпезное название «священный» говорило не так много, как хотелось знать.

— Ну и что это за камень? — поинтересовалась я, пытаюсь оторвать взгляд от щеки гостя. Его ожог, похоже, всё больше напиться багровой жидкостью.

— Осколок священного камня. Одного из тех, что раскололись шестьсот десять лет тому назад, став первым штрихом к началу голубино апокалипсиса, — повторила Анна.

— А где другие? — Я тут же смутилась, осознав, какую детскую глупость лягнула. Но уже было поздно, так как и Аня, и путешественник, решившие наконец посвятить меня во все подробности, услышали эти слова.

— Неизвестно. Несколько лет мы пытались их искать. Макс... — Аня замялась, однако, поняв, что проговорила, продолжила: — Максим путешествовал, я в свободное время сопровождала его. Мы хотели отыскать хоть некоторые осколки священного камня, полагая, что это может стать неплохим шагом к созданию особенного оружия. Оружия, способного причинять вред демонам. Но к сожалению, так ничего и не отыскали, а со мной ещё и несчастный случай произошёл, — объяснила Анна, начав вертеть в руках заветный осколок.

Теперь я примерно поняла, в чём заключалось дело, но в моей голове по-прежнему не совсем укладывалось, как осколок камня, может, и вправду наделённого каким-то особыми свойствами, мог обеспечивать жизнь. Впрочем, теперь гораздо больше интересовало другое, а именно раздувавшийся ожог на щеке путешественника Максима, явно причинявший ему жуткую боль. Насколько мне было известно, осколки священного камня негативно действовали только на демонов, близко с ними соприкасавшихся. От этих мыслей в голову тут же лезли смутные догадки, звучавшие абсурдно, но в то же время имевшие вполне логичное доказательство.

Кажется, теперь настала очередь раскрываться путешественнику, по виду которого можно было смело сказать, что он того не особо желал.

Когда Аня договорилась, в нашей комнате вновь воцарилось молчание, нарушаемое неприятным скрежетом голубиног клюва о твёрдое стекло. Я бы разразилась вопросами, забыв о правилах приличия, но делать это уже было страшновато: я прекрасно представляла, что могли ещё поведать эти интересные, но жутко чудаковатые люди.

Осознав, наверное, что скрывать что-либо уже бессмысленно, раз почти все карты раскрылись, Максим так же быстро, слово по заранее выученному тексту, выпалил:

— Сейчас я, наверное, ещё больше шокирую тебя, но я родился не человеком и мне, по идее, гораздо больше лет, чем указано в паспорте, — на этих словах гость странно хмыкнул, преодолевая сковывающую боль. — Когда-то я тоже был стражем ада, но сражался против своих, за что меня, собственно, и наказали, на десять лет превратив в человека. За несколько дней до начала своего восстания голуби отправили меня на ваши земли в образе тринадцатилетнего мальчика, лишённого сверхъестественных способностей, но тем не

менее чувствительного к священным камням. Тогда у меня был выбор: либо перейти на сторону стражей ада, либо остаться при своём мнении, но спустя десять лет предаться мучительной казни. В конце августа этого года будет проходить великий суд, на котором мои бывшие сородичи примут судьбоносное решение. Как вы уже, надеюсь, поняли, оно будет явно не в мою сторону.

Я не нашлась, что на это ответить. Сказать, что я была ошарашена — ничего не сказать. Конечно, я догадывалась, что Максим как-то связан с демоническими созданиями, но его голубиное происхождение стало поразительной неожиданностью.

Тут же меня, вспомнившую свой сон в машине, словно пронзило стремительной молнией, внезапно обрушившейся на вскипающую голову: это его голос я слышала, когда очутилась в узком коридоре, затерявшемся в зловещем непроницаемом мраке. Это он говорил мне бежать, так как стражи ада, начавшие стремительное наступление, беспощадны и, разумеется, не сойдут с проторённой тропы.

— Так, значит, есть и хорошие голуби? — на моём языке вертелась нелепица, от изречения которой я не могла себя остановить, сколько ни пыталась. Ну и ладно — этим людям, похоже, не особо важно было, какого уровня вразумительности и адекватности вопросы я задаю, главное — чтобы что-то спрашивала, показывая свою искреннюю заинтересованность.

— Хорошие? — Максим снисходительно улыбнулся. — Нет, это несколько неверное определение. Правильнее будет «мятежные». А хороших голубей нет. Они все твари.

От последних его слов я нервно усмехнулась и невольно попятилась, искренне надеясь, что они были сказаны не совсем всерьёз, так как мысли о неотвратимом предательстве и сдачи нас в голубиные лапы тут же посетили меня, вызвав некоторое недоверие к, хоть и обделенному способностями, но всё-таки демону.

— Да, может быть... — только и сумела выдать я, а затем надолго замолчала, занявшись перевариванием удивительной информации.

Спустя несколько минут мне, окончательно всё осмыслившей, почему-то даже стало немного спокойнее, так как осознала, что с такими ловкими сторонниками, как Максим и Аня, и их оружием, способным ненадолго отогнать птиц, голуби были не так страшны.

Увидев, что я готова к новой дозе шокирующих заявлений, Максим, уже почти не кривившийся от боли, произнёс:

— На Земле есть несколько человек, которые с помощью особых колдовских практик могут общаться с птицами. Большая часть из них — сторонники голубей, идущие против общества. Скорее всего, им известен секрет создания или добычи особого оружия, способного не просто отогнать, а навсегда отправить голубей в ад, с концами убив их на человеческих землях. С одной такой колдуньей я общаюсь, и у нас даже неплохо выходит найти общий язык, несмотря на её нелюдимость. Именно она сказала мне, что искать камни бессмысленно, потому что, даже если собрать их, ничего сделать нельзя. Не обещаю, что получится, но я постараюсь сделать все возможное, чтобы выведать эту тайну.

— Будем верить, что у тебя получится, — откликнулась я, как ни удивительно, обрадованная столь приятному известию.

Кажется, теперь в этой борьбе, не имевшей особого смысла, и вправду все надежды возлагались исключительно на Макса, общавшегося с некой ведьмой... Осколок камня, оружие, повреждения голубиной оболочки — все эти методы в сущности выглядели настолько бесполезными, что не хотелось даже к ним прибегать. Теперь я, словно

болельщик, наблюдавший поражение любимой команды, упорно заставляла себя верить, что Максим непременно справится и совсем скоро наша планета очистится от голубей, однако реалистское подсознание категорически отрицало столь простодушные внушения.

Глава 16. Голубиный вихрь

3 года назад

Стоял обыкновенный день, ничем не выделявшийся из бесконечной несущейся череды. По холодному черному небу, казалось, впитавшему в себя весь мрак мира, грузно плыли включенные тучи. Дул порывистый ветер, раскачивая беззащитные ветви деревьев, наклонившиеся к испещрённой рытвинами земле.

На детской площадке, как ни странно, не пустовавшей даже в такое ненастье, резвились малыши, оживлённо споря, кому в следующей игре предстоит занять не слишком интересную роль ведущего.

Но не ребята были главными нарушителями хмурого спокойствия, воцарившегося над городскими окрестностями. Все внимание немногочисленных прохожих, возникавших на размытых дождями дорожках, обращалось в сторону изящной девушки с развевающимися светло-рыжими волосами, убегавшей от обыкновенного голубя. Птица гналась за беззащитной жертвой, зловеще клацая клювом и раздвигая тяжёлый воздух невзрачными серыми крыльями.

Девушка стремительно убегала, огибая замысловато переплетающиеся улицы. Явно ощущая нехватку воздуха, она тяжело дышала, но не останавливалась ни на секунду, наверное, надеясь улизнуть от необычного преследователя или, может, спеша выполнить какое-то важное дело.

Этой странной девушкой, которая до нападения спокойно обследовала улочки родного города, высматривая подозрительные объекты, была Анна Лунеева. В свободное от учебы время Анна вместе с давним приятелем занималась необычной деятельностью, совершая короткие путешествия, ища осколки священных камней, разбившихся более шестисот лет тому назад, и отгоняя от невинных людей демонов. Жестоких демонов, притворяющихся безобидным пташками, на простом языке зовущимися голубями.

Одна из таких демонических птиц накинута на Аню в небольшом сквере, расположенном неподалёку от хрустального озера, опутанного густым цветочным ароматом.

Девушка неспешно разгуливала вдоль улицы, внимательно вглядываясь в, казалось бы, вполне обыденные окрестности, как на неё внезапно напали. Птица начала преследовать Аню, очевидно жажда отыскать с её помощью предателя, с которым та неплохо общалась. Голубь не бросался на жертву, а лишь летел за ней следом, не отставая ни на метр.

Анне действительно только и оставалось, что бежать к своему напарнику по голубиному делу — тому самому предателю — но, стоит заметить, неплохо вооруженному. Ведь у человека, которого упорно искали голуби, имелось оружие, способное с лёгкостью их отогнать, — стоило лишь выставить его вперёд, наблюдая за вспыхивающей материей. Демона ждало что-то вроде ловушки.

Несмотря на нехватку воздуха, Аня уверенно продолжала бег, ощущая, как подступает к горлу неприятный ком и как покидают её тело последние силы. В голове пульсировало, окрестности, окутанные туманом, проносились перед глазами с необычайной скоростью, но девушка не останавливалась.

Когда Анна ступила на узенькую парковую дорожку, петлявшую среди раскидистых древесных силуэтов, голубь вонзил клюв в незащищенную плоть. Кровь тонкой струйкой вытекла из раны, образовавшейся на шее девушки. Ощувив боль, она резко затормозила,

споткнувшись о корявый сук. Голубь, до этого времени просто преследовавший беглянку, начал клеваться, медленно разрывая её кожу, стараясь постепенно добраться до глаз.

Но Аня не испугалась. Судорожно глотая воздух, кривясь от пробирающей боли, она ловко вывернулась из голубиной хватки и, когда птица немного опустилась, стремясь продолжить битву, кинула в неё тяжёлым камнем, что первый попался под руку.

— Только притронься ко мне, тварь! — процедила она сквозь зубы, отходя к колючим зарослям шиповника. Все мышцы словно сжались в тугую пружину. Напряжение возрастало.

Голубь, попавший прямо под удар, ничком рухнул на сырую землю, беспомощно раскинув крылья. Последнее, что услышала от него Аня, был потусторонний шёпот, отчётливо произнесший: «Ты знаешь, где предатель!»

Девушка ведала, что за этим последует, а потому сразу же вновь ринулась в бегство, стараясь найти кратчайший путь. Внутренний морозец неприятно колот тело, но уделять ему внимание, покоряясь страху, решительно не было времени. Анна осознавала, что голубь вернётся. Совсем скоро.

Внезапно что-то зарокотало в густеющем небе, и смертоносное пламя, пущенное неведомым существом, захватило пустеющий парк, начав заживо скручивать покосившиеся деревья. Но не деревца были целью твари, устроившей демонический пожар, и главной жертвой, разумеется, тоже стали вовсе не они, и без того порядком покалеченные.

Пламя обвило девушку. Диким зверем накинулось на неё, закружив в бушующем вихре, заживо выжигая незащищенное тело. Обезумев от боли, она пыталась выбраться, но тщетно, ибо месть существа, обдавшего её губительным огнём, была сильнее. Лёгкие Анны обугливались. Она, ужа даже не пытавшаяся выбраться, заклёбывалась собственными внутренностями.

Неожиданно яркий, животворящий свет озарил горящую местность, погасив пламя и отогнав омерзительных созданий. Какие-то круги, означавшие, наверное, переход от мира живых к загробью, бурно заплясали перед глазами девушки, корчившейся в мучительных судорогах.

Приятное тепло разлилось по телу Ани, утихомирив боль, и все резко прекратилось, словно сон, привидевшийся посреди ночи. Она открыла глаза и, вдохнув полной грудью, с любопытством осмотрела угрюмую местность, представленную многочисленными корявыми деревьями, утопавшими в зеленовато-желтом море травяных зарослей.

Оглядев неровные переплетения, девушка, никогда не любившая корявости, по привычке поморщилась.

Кто-то осторожно взял её руку, и Аня увидела Максима Сконины, одарившего её заинтересованным и, наверное, несколько холодным взглядом. Он хранил спокойствие, как и всегда, однако судьба девушки, охваченной голубиным пламенем, явно была ему небезразлична.

— Не убирай камень. Иначе умрешь, — обрывисто наказал он, стряхивая с лица Ани, испачканного пеплом, какие-то лепестки.

— Что? — выдавила из себя девушка, недоумевая, что произошло. Она нащупала в своих пальцах небольшой предмет, от которого, казалось, струилось приятное тепло, и начала строить абстрактные предположения в замутнённом разуме.

Попыталась встать, однако тут же была остановлена той же рукой, облаченной в крепкую кожаную перчатку.

— Подожди, — остановил её Максим, осторожно потянувшимся к камню.

— Да ч-что п-происходит? — запинаясь, спросила Аня, в глубине души надеясь, что все это — лишь сон.

— Ты горела в демоническом пламени, почти погибла, но я успел спасти тебя, отогнав голубей и положив в твою ладонь священный камень. Теперь он будет поддерживать твою жизнеспособность. Носи его всегда с собой, потому что без него ты начнёшь задыхаться и, скорее всего, не выживешь, так как огонь прожег твои лёгкие, — серьёзно пояснил Макс.

Леденящий холод словно сжал кости Анны. Она не совсем поняла, что произошло, но слова парня отчетливо отпечатались в её сознании, несмотря на то, что, по идее, являлись сущим бредом. Однако выяснять, не преувеличивал ли Максим, любящий порой выдавать шокирующие заявления, не было сил.

— Отлично, теперь я буду немного другой, — вяло отреагировала Аня, удивительно быстро смирившаяся с ужасающим известием. Теперь девушке казалось, что у неё не хватало не только сил, но и чувств, и эмоций. Не было желания припасть к земле, сокрушенно разрыдаться, обхватить за шею Макса, взиравшего на неё пытливым демоническим взглядом. Аня просто смирилась, осознав, что в условиях, в которых она очутилась благодаря опрометчивому порыву, другой выход отсутствовал.

— Действительно, — с невесёлой усмешкой произнёс Максим, своим видом пытаясь показать участие. Не совсем успешно, конечно, так как, по причине его демонической сущности, у этого парня, наверное, и вовсе отсутствовала способность к состраданию, но весьма забавно. Ещё раз взглянув в его озадаченное лицо, Аня слабо улыбнулась.

— Но я по-прежнему буду помогать тебе с поисками оружия против голубей, — заверила Аня, стараясь не обращать внимание на пыльную дорожку, на которой лежала.

— Кто бы сомневался, — Максим многозначительно усмехнулся. — Но не забывай о камне, а иначе помощи от тебя будет немного.

Странную историю, однако, поведала мне Аня, ныне не способная жить без этого чудо-камня, внешне не выглядевшего чем-то особенным. Не ожидала я, что эта штука и вправду обладает такими свойствами, но хозяйка, похоже, говорила правду. И все из-за голубей, с которыми она так неосторожно попыталась вступить в битву, обернувшуюся печальными последствиями.

Разум, упорно твердивший, что вся эта история — обыкновенный бред человека, помешавшегося на мистике, отказывался верить в действительность происшедших с Аней событий, но сама я, конечно, уже осознавала, что моя знакомая действительно впуталась в такую переделку, из которой не смогла выйти сухой.

Я бы задала вопросы, чтобы узнать некоторые подробности столь странной авантюры, но на ум ничего не приходило, а потому, немного переварив информацию, совсем замолчала, с тревогой уставившись в окно. Голубь все ещё пытался залететь в квартиру, упорно постукивая клювом по несколько расколовшемуся стеклу.

Глава 17. Непогода

Как оказалось, голубь ломился в окно не просто так. Опасения, которые появились у нас ещё на пути в С, сбылись. Птицы добрались и до этого города и теперь целенаправленно вершили своё чёрное дело.

Началось все с появления всклокоченной заряженной тучи, грузно нависшей над городком. Зловещий туман мутной пеленой застелил невзрачные строения, окунув их в кисейное море. Казалось, даже лужи вмиг высохли и стали частичками этого загадочного безмолвия. Испугавшись подозрительной тишины, люди попрятались в свои уютные норки и наглухо закрыли все замки. Похоже, наивно считали, что это поможет им в борьбе с порождениями ада.

Тяжело дыша, я прильнула лицом к кухонному окну, наблюдая за разрастающейся непогодой. Ничего не происходило. На миг все словно застыло, сделав время вязким, словно мёд, поглотив жизнь, оставив лишь гнетущую тишину. Нервы шалили. Хотелось сделать что-то безрассудное: возможно, даже выбежать на улицу и наклепать кошмарных тварей.

Но я держалась и только переводила взгляд то на ужасающую картину, то на спокойные, уже немало повидавшие лица Ани и Максима, то на тисовый кухонный шкафчик, доверху забитый отчеканенными тарелками.

Макс осторожно перебирал оружие, тщательно уложенное в холщовую чёрную сумку. Чуть прищурившись, он серьёзно осматривал каждую металлическую часть.

Разумеется, оружие нам бы никоим образом не помогло против птиц. Возможно, оно бы и вовсе усложнило ситуацию, но хотя бы для вида им следовало запастись. К тому же Макс пояснил, что среди людей могли быть голубиные рабы. Обезумевшие от страха, они слушались лишь приказаний повелителей и без всяких колебаний могли наброситься, пустив в ход орудие.

Корявые ветви деревьев словно вытянулись, подавшись к хмурому небу. Неприятный от окна пробежал по моей коже, и я невольно вздрогнула. Вспышка. Я стремительно отскочила, заворожённо глядя на то, как в раскроенном небосводе возникают огромные птичьи фигуры, окутанные демоническим пламенем, несущие хаос и разрушение.

Узнать этих существ мне не составило труда, но ощущения от новой встречи с ними не притупились ни на каплю. Что-то леденящее стиснуло грудь изнутри. Глаза невольно расширились, уперев взгляд в одну точку, набухавшую огненно-красным заревом начинающегося сражения, словно заранее наливавшуюся кровью будущих невинных жертв. «Пусть это будет неправдой!» — крутилось в голове.

Раздался гулкий грохот. Казалось, если бы не плотные стекла, мы бы непременно оглохли. Заметалась паника, зазвучали пронзительные крики. Мне тоже хотелось вопить, сметая все вокруг, но, окружённая надёжными людьми, я держалась, ограничиваясь рефлекторными нелепыми жестами и несуразными переминанием с ноги на ногу.

Макс приготовил необходимое оружие и приказал нам некоторое время сидеть в укрытии, выжидая нужного момента: сразу кидаться в бой, по его мнению, было глупостью.

Мы не стали перечить, несмотря на то, что мне не терпелось поскорее сделать что-нибудь безбашенное, выпустив напряжение. Уже не имело значения, чем мне обойдутся эти проделки, главное — хоть как-то действовать, а не сидеть в четырёх стенах, наблюдая за беспределом, попусту мучаясь в неведении. Но послушаться Макса не следовало. Он знал

это дело гораздо лучше, чем Аня, а уж тем более — чем я, впервые собиравшаяся вступить в схватку с — о ужас! — голубями. Нелепо-то как — я сама про себя поражалась. Сказали бы мне это раньше, я бы, наверное, намеренно сдалась психиатрам. Но теперь в местных больницах было мало толку: все они, как и весь город, стремительно содрогались под натиском необычного врага.

Огненный дождь полился с густо черного неба алыми всполохами, закручивая деревья, и под аккомпанемент этого тихого зловещего треска, доносившегося из-за окна, кто-то начал отчаянно ломиться в главную дверь.

Я содрогнулась. Крепко прижавшись к стене, стала судорожно представлять, кто мог заявиться к нам в столь накалённый момент. Неужели голуби?.. Или те самые рабы, которых упомянул Макс? А впрочем, это могли быть обыкновенные соседи: вряд ли такое зрелище оставило кого-то равнодушным. «Пусть это будут соседи», — шептала я, крепко сжимая пальцы, напряжённо вслушиваясь в лёгкую Анину поступь.

Максим, оставшийся на месте, не пытался успокоить меня или поддержать, а лишь увлечённо наблюдал за разгорающимся действием, выжидая нужного часа.

Раздались новые шаги и чей-то срывающийся голос, несущий нелепицу. Услышав его, я сразу поняла, что тон мне знаком, правда, кому он принадлежал, было не разобрать.

Дверь, чуть прикрытая, отоварилась, и в арке, разделявшей коридор и кухню, появилась фигура... Антона. От скептического равнодушия, как и от глупой обиды, не осталось следа. В его голубых глазах плескался панический страх, смешанный с нескрываемой болью, каштановые волосы растрепались, став взъерошенными, а губы подозрительно искривились, словно ещё немного — и он окончательно сошёл бы с ума. Антона била дрожь. Он тяжело дышал и, похоже, еле держался на ногах, крепко вцепившись в глухой дверной проем и окидывая комнату затуманенным взглядом.

— Чертовы голуби! — с трудом выдавил он после напряжённой паузы. — Ненавижу их! Они убили мою мать! Убили... Сбросили с высоты. Голуби! Го-о-о-луби! Гореть им в аду!

— Они там уже не раз горели, — иронически заметил Макс, в очередной раз проверяя оружие.

Антон ничего не ответил и лишь с ужасом начал наблюдать за приятелем, вряд ли осознавая свои действия.

Мы устроились в гостиной, по которой уже нарезала круги моя мама, тоже увидевшая голубей. Чуть менее бледная, чем Антон, она металась, не зная, что делать дальше. Похоже, положение казалось ей безвыходным.

Антон сел на диван и, сделав несколько глубоких вдохов, попытался успокоиться. Но не вышло. Страх и осознание потери явно давили на него, упорно не желая отпустить.

Я расположилась рядом с другом и, прижавшись к нему, заключила его в крепкие объятия. Он ответил взаимностью. И то время, пока мы так сидели, словно отдалившись от безумной круговерти, нам, казалось, было необычайно спокойно.

— Так к-кто они — эти голуби? — запинаясь, спросил Антон, когда к нему вновь вернулся дар речи.

— Стражи ада, — с тем же холодно-невозмутимыми, заинтересованным и немного сумасшедшим выражением лица откликнулся Макс.

— Кто?! — от неожиданности Антон отпустил меня, впившись в друга ошарашенным взглядом.

— Стражи Ада, — бросил Макс, искоса поглядывая на тварей, паривших над

городом. — Демоны, охраняющие адские вратаи слывущие превосходными воинами. Очень сильные создания, жаждущие захватить человеческие земли, уничтожив их обитателей и сделав из выживших жалких рабов, — отчеканил Макс.

— Серьёзно? — Антон, будучи не в состоянии для адекватной беседы, отреагировал глупым вопросом.

— Абсолютно.

Далее Макс и Аня рассказали все, чем до этого поделились со мной. Анна, беспокоившаяся за состояние гостя, старалась говорить осторожно, местами даже ограничиваясь намеками, но Максим разъяснял все, повергая друга в глубочайший шок.

— Хватит! Он с ума так сойдёт! — не выдержала я, заметив, что Антону, немного успокоившемуся, снова становится худо.

Мама же, тоже все слышавшая, даже не удивилась, а судорожно схватила с полки икону и, прижав её к себе, удалилась в спальню. Она крепко заперла дверь и никого к себе не впускала. Читала молитвы, наивно полагая, что сможет таким образом защитить себя от ужасных созданий, каких совсем недавно равнодушно кликала голубями.

Антон, немного придя в себя, поспешил покинуть наше укрытие. Он сказал, что, наверное, ещё вернётся. Особо он выделил слово «наверное» — меня даже заметно передернуло. Я хотела догнать друга, стремительно захлопнувшего входную дверь, но быстро одумалась. Макс решил приступить к действиям.

Парень раздал нам оружие, получив которое я, никогда ранее его не использовавшая, начала закидывать Максима вопросами. Тот поспешно мне все разъяснил, серьёзно предупредив, чтобы, если я к нему и прибежала, то только в крайних случаях, когда это уже становится неминуемым. Против голубей обыденный пистолет все равно бы не помог, а вселять лишнюю панику в сердца редких людей, беспорядочно метавшихся по пустым обожженным улицам, решительно не следовало.

Я внимательно выслушала Макса и мимолётно взглянула в окно, через которое все ещё отчетливо виднелись кружившие в отяжелевшем воздухе птичьи силуэты. Сделала глубокий вдох, стараясь набраться лёгкие побольше воздуха. Может, ещё не поздно куда-нибудь сбежать, укрыться в безопасном местечке, спрятаться в тёпленький уголок и сидеть там, словно ребёнок, пока опасность сама не минует, отступив в небытие? Может, не нужна эта абсурдная битва, этот неэстетичный грязный пистолет, трясшийся в моих холодных руках, это укрытие, на деле являвшееся чем-то вроде штаб-квартиры демонологов?

Впрочем, нет. Отступать поздно. Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, нас все равно бы настигли птицы, которым откровенно плевать на человеческие чувства и проблемы. Ситуация с каждой секундой становилась все более безвыходной, а значит, единственное, что оставалось, — действовать. Как можно скорее.

По просьбе Ани я осторожно прокралась в комнату мамы, с мутным ужасом в глазах продолжавшей молитвы. Она сидела за ясеневым письменным столом, заваленным журналами, в упор глядя на старую, чуть выцветшую икону, и лепетала святые слова. Увидев меня, мама нервно вздрогнула; пошатнувшись, чуть не упала со стула. Во взгляде её, наспех кинутым в мою сторону, ясно прочитался укор: ей явно не понравилось, что её отчаянную, искреннюю молитву прервали.

— Мама, — робко прошептала я, приблизившись к матери, упорно не выпускавшей из рук икону. — Мы идём помогать людям в... сражении с голубями. — Я нервно кашлянула, осознав, какую околёсицу смолола.

— Что?! — мама снова дернулась, в ужасе уставившись на меня. Бледность на её лице проступила заметней.

Сделав над собой нешуточное усилие, я повторила злосчастные слова, в конце добавив, чтобы мать оставалась дома, высовываясь из его стен только в крайнем случае.

Удивительно, но она даже не стала особо противиться. Лишь бросила несколько невнятных фраз и, осознав их бессмысленность, согласилась.

Издав протяжный вздох, я покинула комнату, при этом стараясь ни о чем не думать. Мама же, оставшаяся в одиночестве, похоже, вновь принялась за свои наивные молитвы.

Мы с Аней и Максом поспешно схватили оружие, выметнулись из дома, промчались по тихому подъезду, распахнули входную дверь и, вдохнув накалившийся спертый воздух, выскочили на улицу.

Опустевшая площадка со взрытым отсыревшим песком, клумбы, усеянные завядшими цветами, и пустые, абсолютно пустые, безлюдные дорожки предстали нашим глазам. Не было ни машин, что всегда нарушали наше спокойствие протяжными гудками, ни людей, ни бездомных животных — только огромные, пылающие клокочущим огнём птицы вздымали своими крыльями среди выжженных небесных полей, наполняя обитель света нескончаемым мраком.

Глава 18. Неудавшийся клич

На самом деле, с первого взгляда создавалось впечатление, будто знакомые окрестности не изменились. Невзрачные дороги протягивались серыми кривоватыми линиями вдоль клумб, садов, дворов и пустеющих скверов; детские площадки пестрели свежескрашенными горками, каруселями и песочницами, от которых исходил резкий запах. словно в обычный день. Практически не отличающийся от себе подобных.

Но стоило поднять голову, как всякие мысли об обыденных незамысловатых буднях улетучивались, исчезая в небытии. Голуби. Их было много. Они взмахивали массивными пламенеющими крыльями, раздвигая небо, подрывая потускневшие облака. И явно не собирались останавливаться — похоже, битва и вправду становилась неизбежной. От последних мыслей что-то неприятно тянуло, покалывало, холодило грудь.

В зданиях тускло мигал свет, странный, загадочный, от одного вида которого также становилось немного не по себе: невольно возникала ассоциация с птицами, парящими в небе.

Между тем обойдя приевшиеся мне окрестности, мы выбрались к небольшому супермаркету, украшенному яркими вывесками с изображением сочных продуктов. Людей здесь оказалось больше. Все они бились от неминуемого ужаса, глядя на то, что неумолимо разгоралось среди клубящихся и сталкивающихся облаков.

Голуби не опускались — лишь кружили над городом, отражаясь зловещими черными тенями на отсыревшем асфальте. Видя эти громадные силуэты, взмахивавшие массивными крыльями, люди буквально бросались бежать без оглядки, не зная, куда, стремясь лишь скрыться подальше от страшных порождений мрака. Разумеется, никто не наступал на тени. Если кто-то по случайности и касался места, где мелькали жуткие очертания, то тут же с криками отскакивал в сторону, прижимаясь к чему попало: будь то люди, опутанные тем же истерическими страхом, здания, ловящие судорожные отблески, или деревья, что не успели обуглиться от первого порыва демонического пламени.

Машин, обыкновенно стоящих неподалёку от магазина, словно след простыл. Теперь там были только тени, постепенно разрастающиеся, и жители С, управляемые безудержной паникой.

— Они чего-то ждут, — заметил Макс, с хмурым прищуром рассматривая оккупированное небо.

— Может, мы рано? — робко предположила я, упорно стараясь сохранять спокойствие: когда ты добровольно решился поучаствовать в сражении против жутких монстров, разрушающих город, о панике следовало вовсе забыть.

— Нет, мы вовремя. Они скоро начнут активное наступление, я чувствую это, — возразил Макс, крепче сжимая блестящую рукоятку пистолета.

Анна осторожно попыталась успокоить людей, беспорядочно хлопавших пластмассовой магазинной дверцей, но ничего не выходило. Никто не желал её даже слушать. Наверное, всем казалось, что произошло великое сумасшествие, в котором Аня, не предавшаяся одурманивающему страху, была чуть ли не главным зачинщиком.

Дверь в очередной раз хлопнула, что-то протяжно звякнуло, к нашим ногам прилетели чьи-то истоптанные туфли — и в нос ударил запах гари. Я поморщилась, рефлекторно выставив оружие. Плевать, что я им практически не умела пользоваться, что в нем особо не

было смысла — так я чувствовала себя хоть немного безопаснее.

Грохот стал громче, обратившись пронзительным лязгом. Со всех сторон вновь донеслись душераздирающие вопли. Люди отчаянно толкались около магазинной двери, пиная друг друга, срывая одежду и обувь, жаждая прокрасться в мнимое безопасное укрытие. Из-за прозрачных оконных стёкол было отчётливо видно, как сыпались с однообразных серых полок продукты, случайно сметаемые паникерами.

Суровый бородатый охранник, одетый в рабочую форму, пытался остановить беспорядок, выгоняя всполошённых «покупателей» на улицу, но тщетно. Никто не уходил. Все с безрассудным рвением возвращались в помещение, выбивая дверные стекла и разбрасывая товар.

А голубиная тень меж тем спустилась к злополучной стоянке, явив свой ужасающий облик. Я нервно толкнула Аню, пытаясь ей намекнуть, что пора доставать камень. Но она словно не слышала. Я решительно не понимала, в чем дело, однако Анна молчала, выставив вперёд оружие и неотрывно глядя на опускающийся пламенеющий силуэт.

Со стороны проезжей части, казавшейся удивительно пустой, донёлся визг полицейских сирен. Три машины, расчерченные синими полосами, двигались к месту скопления толпы, продолжавшей губительную хватку. Мы, не выпуская из рук оружие, осторожно отошли за стену здания, за которой тоже скопились люди, чтобы не быть столь заметными.

— Доставай камень! — воскликнула я, отметив, как неестественно тонко прозвучал мой голос. Страх снова был сильнее. Он сжимал меня изнутри, сковывая движения, вовлекая в стремительную борьбу с самой собой.

— Ещё не время. Голубь слишком близко к своим сородичам, а их много, и на них в таком скоплении камень на подействует, — откликнулась Аня, осторожно выглядывая из-за не слишком надежного укрытия.

— Может, попробуешь сейчас? — Свободной рукой я нервно теребила ворот своей куртки, словно успокоительную подушку.

Когда птица совсем приблизилась к земле, Аня вытянула вперёд камень, тут же вспыхнувший необыкновенным светом. Макс, которого эти всплески всегда обжигали, резко отпрянул, закрыв лицо руками, отвернувшись от ослепительных лучей.

И действительно, голубь исчез. Но чудовища, что парили в облепленном чернотой небе, остались. Аня оказалась права: на них, наступавших в таком количестве, свет не действовал.

— Что мы будем делать?! — ужаснулась я.

— Помогать чем сможем — что ещё? У нас есть только камень, а у них и этого нет, — резонно заметила Аня, когда сияние померкло и Максим, открывший лицо, вновь к нам присоединился. — Сейчас мы пойдём по улицам города. Не теряйся.

Мы поспешно отсеклись от толпы и двинулись вдоль улицы, вглядываясь в смутные контуры зловещих теней.

Теперь я окончательно осознала, что все вокруг поменялось. Серый город с невзрачными зданиями и хмурыми улочками, пестрящими обыкновенными прохожими, обратился каким-то пристанищем зла, жаждущим поглотить души невинных. Мне почудилось, что даже деревья подозрительно покосились, обернувшись чудовищными силуэтами, замаскированными под хрупкую листву. Светофоры, установленные по обочинам, будто вытянулись, готовясь вонзиться в парящие птичьи тела, а из-за разноцветных штор, плотно закрывавших окна, кто-то словно украдкой выглядывал. Наблюдая за каждым нашим движением.

Может быть, где-то там, в уютной квартире, пропитанной сладковатыми запахами, спрятался неудержимый тиран, специально пустивший в С голубей? Впрочем, вряд ли: птицы явно были созданиями самостоятельными, и власти себе, скорее всего, выбирали всем своим народом. Этакая голубиная демократия...

Погрузившись в странные мысли, я немного успокоилась, настроив себя на решительную битву. Менять что-то было уже поздно.

Отвлёклась я тогда, когда неподалёку от какого-то заброшенного здания, затерянного в высоких травяных зарослях, кто-то резко дотронулся до моего плеча. Вздвогнув, обернулась и, к удивлению, увидела Антона, выглядевшего подавленным, но уже не паниковавшего.

Мы не поняли, как он нас нашёл, хотя в таком маленьком городке, как С, сделать это не представляло особого труда, но, похоже, он тоже собирался сражаться. Парень был вооружён. В его хмуром взгляде металась огоньки ярости, подталкивавшие его к ожесточенным действиям.

— Я отомщу этим тварям, — решительно произнёс Антон, осторожно показав нам небольшой короткоствольный пистолет, заряженный обыкновенными пулями. Макс, явно осознавший, как наивно вёл себя друг, собираясь использовать земное оружие против стражей ада, невесело усмехнулся, но Антона в команду принял.

Сделав многозначительный жест, Максим повёл нас в густые травяные заросли, зловеще подрагивавшие на летнем ветру. Идти было неприятно, и я не совсем понимала, зачем вообще нужна была эта вылазка, однако Макс, наверное, знал, что делает. Ему мы доверяли. Хоть он когда-то и был демоном, принять его в ряды сторонников не составляло труда.

Трава неприятно колола кожу, жидкая земля чавкала под ногами, нос чесался от резких запахов, но мы не останавливались. Уверенно бороздя змеистую узенькую тропку.

Вскоре мы добрались к маленькому домику, покорёженному от времени. Деревянные стены, набухшие от влаги, покрывшиеся трещинами и жирной плесенью, разбитые окна, усыпанные грудями стёкол, перекошенная крыша и частично выломанная дверь, еле державшаяся на петле, — зрелище предстало печальное.

Вывернув на тропку, ведущую к входу, Макс остановился. Его стальной взгляд пробежал по зарослям, монотонно колыхавшимся от ветреных порывов, а затем резко впился в гнетущее небо. Парень на миг застыл, неотрывно наблюдая за голубиным полётом.

— Зачем мы это делаем? — не понял Антон, недоумевающе покосившись на друга.

— Здесь нет людей. Я хочу попытаться заманить сюда небольшое количество голубей, чтобы Аня смогла их отогнать, — пояснил Макс. — Они придут. Обязательно придут, потому что мой земной срок на исходе.

— Хм... Неплохая идея, — одобрила Аня, повертев камень в напряжённой ладони.

Человеческие крики уже потерялись вдаль, долетая до нас лишь смутными отзвуками. Не шумели машины, не бились стекла, не лязгал металл — только зловеще шелестела трава, лоя гигантские тени.

Макс напряжённо выпрямился. Я испуганно сжалась, представляя, что, может, его клич пройдёт неудачно — и на нас нападёт целая армия голубей, отозвавшихся на зов своего сородича. В это верить не хотелось, но оно могло произойти. В любой момент — хоть Максим и добивался нашей мнимой безопасности.

Мы замерли, переводя обеспокоенные взгляды то на друг друга, то на небо, кишевшее птицами, то на Макса, готовившегося к чрезвычайно важному моменту.

Какое-то птичье перо мягко приземлилось мне на плечо, отчего я дернулась, ощутив

накатывавшую волну леденящей тревоги. Осторожно схватила «подарок» дрожащими пальцами, изучила его смутные контуры, но ничего жуткого, к своему облегчению, не обнаружила. Перо не горело, не шипело демоническим фонтаном — наверное, оно принадлежало обыкновенной птице, пролетавшей мимо заброшенной хижины.

А может, это была какая-нибудь тварь, прилетавшая, чтобы обглаживать трупы, сплошь переполнявшие тот тухлявый дом? Или, возможно, неведомая птица, как и голуби, убивала, потроша ослабленные тела, наслаждаясь привкусом свежей крови?

Воображение снова заиграло, страшные картинки завертелись перед глазами, словно кинолента, хотя, казалось бы, хуже уже некуда: враг был как никогда близко.

Но внезапно что-то завибрировало, и Макс, уже собравшийся издать заветный клич, отвлёкся. Порывшись в складках плаща, он выудил старенький мобильный телефон, снабжённый потертыми кнопками.

На треснутом экране высветилось что-то, отчего глаза Макса, выражавшие холодное спокойствие, заметно расширились — то ли от удивления, то ли от восторга. Он внимательно изучил нечто и, мрачно нахмутив брови, произнёс:

— У меня есть к вам серьёзный разговор. Особенно он касается тебя, Аня.

Глава 19. Внезапное решение

Аня и Максим отошли в сторону, а я осталась наедине с Антоном. Он не особо вникал во всю эту суету. Его поведение имело вполне вескую причину: всё-таки совсем недавно он потерял свою мать, родную, любимую, дорогую. Но всё равно мне становилось как-то неловко. На ум сразу невольно приходила наша неудавшаяся встреча в его квартире, когда я, не пожелав ничего слушать, сломя голову ринулась вместе с Аней в город К, оставив его раньше времени да ещё и обманув.

В глазах Антона смешалось множество чувств. С одной стороны, он испытывал явное недоумение, смешанное с искренним шоком, с другой — тоску, а с третьей — что-то, что не мог понять мой посторонний взгляд, как бы я ни старалась.

Мы молчали, несколько растерянно стоя на всё той же тропе, окружённой колючими зарослями, колышущимися от прохладных порывов трепещущего ветра. В доме что-то шелестело, навевало на меня жутковатые мысли. Однако нахождение рядом с Антоном, пусть даже таким шокированным, немного успокаивало. Я знала, что уж кто-то, а он, жаждущий отомстить голубям, ни за что не оставит меня наедине с чудовищами.

Я попыталась завести беседу, но разговор не удался, оборвавшись на паре слов, не несущих в себе особого смысла. Мы просто поинтересовались о состоянии друг друга, зачем-то дав несправедливые положительные ответы. Даже как-то не по себе стало: мне казалось, что наши отношения, обычно отличавшиеся теплотой, были гораздо более близкими, но, наверное, ошиблась, а может, просто в неподходящее время навязалась на душевный диалог. Всё-таки я склонялась к последнему, так как делиться мыслями и рассуждениями, когда над головами парят одни из самых сильных демонов, страждущих смести людей с лица планеты, — не самый лучший вариант, несмотря на некоторую заминку в действиях нашей компании.

К счастью, неловкую паузу, возникшую между мной и Антоном, прервали Аня и Максим, вывернувшие из-за угла дома, за которым вели свои секретные разговоры. Какая-то мрачная тень словно окружила Анну, наполнила её глаза глубокой печалью, сделала движения неловкими, запинаящимися. Словно то, что поведал Максим, оказалось поистине страшным или разочаровывающим. Я снова напряглась, поддавшись холодному тревожному чувству, с которым уже было даже совладали. Может, ведьма, о которой говорил Макс, предала его? Или страшный суд, какой нашему другу уж точно не удастся выиграть, ожидается в ближайшее время?

Как только Макс и Аня приблизились, я, крепко сжав руки в кулаки, взволнованно поинтересовалась, что у них произошло.

— Эльвира, та колдунья, о которой я говорил, сообщила, что может помочь нам освободить город от голубей и открыть метод, способный изгнать их в ад, но взамен требует осколок священного камня. Без него Аня вряд ли протянет долго. Какие-то капельки жизни, оставшиеся от камня, ещё будут некоторое время поддерживать её, но совсем незначительный промежуток времени.

— И ты доверяешь этой ведьме?! — меня поразило такое наивное отношение к словам таинственной колдуньи, как говорил Макс, отдалившейся от общества и принявшей сторону голубей. Ну да, скажет она, как их уничтожить, — скорее всего, просто заведёт в ловушку, к тому же, погубив Аню, зависящую от камня. Несмотря на то, что дама эта была мне

незнакомая, я прекрасно осознала: вряд ли сделка приведёт к чему-то хорошему. Поэтому совершенно не вникала, зачем Макс и Аня решили в неё вляпаться. Всё-таки странные они...

— Да, — хладнокровно откликнулся Макс. — Она не станет врать, я её хорошо знаю.

— Уверен? — наверное, мои глаза в тот момент забавно округлились. Но нужно было во что бы то ни стало отговорить друзей от столь опрометчивого решения — это я точно знала, так как иначе беды, подкрадывающейся с новой стороны, не миновать.

— Да.

— А вот я — нет, — я сощурилась, судорожно пытаюсь придумать аргументы, которые заставили бы этих людей задуматься над тем, что же они творят. — Ты же сам говорил, что она на стороне голубей. Неужели она станет их уничтожать?

— Она не станет, но метод, способный это сделать, сообщит, — эта уверенности вкупе с безумной искрой, метавшейся в глазах демона, настораживала настолько, что даже заставляла усомниться в стороне Макса. Который, к тому же, без особого беспокойства говорил о своей неминуемой казни. Может, он и вправду замышлял что-то дурное?

— Я лично с ней не знакома, но свою жизнь уже не слишком-то ценю, поэтому доверю её Макс, раз такое дело, — заявила Аня, начав вертеть в руке камень, с которым ей совсем скоро предстояло познакомиться.

Я попыталась возразить, но это уже не имело смысла: Макс и Аня, прошедшие серьёзный разговор, всё решили, а потому пытаться изменить их мнение было действительно поздно. Оставалось только принять его, каким бы странным и безумным оно ни было, чего делать, на самом деле, жутко не хотелось.

— Я ещё немного поживу, — с усмешкой заверила Аня меня, ожидавшую, что, отдав камень, она тут же ничком упадёт на землю и уже никогда не встанет, навеки предавшись небытию. — Во мне ещё осталась энергия камня, и жить я буду до тех пор, пока она не истощится.

Но мне было совсем не смешно. И волновало меня в тот момент скорее не то, что наша знакомая, по собственной неосторожности вынужденная существовать за счёт какого-то камушка, проживёт ещё совсем немного, а подозрительная ведьма, которой Макс доверял, словно маленький мальчик. Добрая тётя, сиюминутная помощь, ласковые слова! Как же ей не поверить: она ведь настолько благожелательная, что просто сводит с ума собственной мягкосердечностью и открытостью. Да, может, она прислуживает демонам, страшным, разрушительным. Но она ведь добрая тётя, ей нужно верить!

Неожиданно мне представилось, как, погостив у этой Эльвиры, Максим вернётся, но уже не в одиночестве, а с дружной компанией птичек. Дополнительным подкреплением для великой голубиной армии. Неужели он желает погибнуть, предавшись жестокой казни от своих кровожадных сородичей? Неужели он, коварный демон, не одумается в последний момент, решив пойти на всевозможные ухищрения, только бы спасти свои драгоценную шкурку? Непонятно. Если бы у меня было время, я бы непременно поломала голову над столь сложной задачей, взвесив все «за» и «против», но такового не имелось, и потому, признав своё досадное поражение в этом бессмысленном споре, я молча отдалась от Макса и Ани, собиравшихся провести манипуляции с камнем, и замерла рядом с Антоном, во взгляде которого теперь несложно было заметить неприятное изумление.

— Пожелай нам удачи, — с явно натянутой улыбкой проговорила Анна, дрожащими руками протягивая Максиму заветный камень, всё ещё источавший чуть заметное мистическое сияние.

— Может, не надо? — умоляюще прошептала я, однако никто не услышал этого детского лепета, сказанного в порыве внезапного отчаяния.

Что-то холодное вновь сдавило мою грудь. Я опустила голову, упершись взглядом в неровный ухаб, испещрённый муравейниками. Насекомые оживлённо сновали вдоль своих владениях, неся в свои хоромы сочные травинки или жирных гусениц, наверное, чтобы щедро накормить прожорливых родственников. В моей голове промелькнула странная мысль, что, наверное, им, ничего не ведавшим о голубином происхождении, не так уж и плохо жилось среди этих глуховатых зарослей, куда крайне редко ступала нога человека, попросту не желавшего тратить своё драгоценное время на изучение столь невзрачного, облезлого и неэстетичного участка. Они трудились, суетились, занимались строительством домиков. Но по сравнению с теми, кто подвергся нападению демонических птиц, казались такими беззаботными. Им не грозил ад, апокалипсис, огромный зловонный клюв, разбрызгивающий во все стороны бурные кровавые фонтаны — только естественный отбор, в котором, в общем-то, не было ничего экстраординарного.

Кто-то сравнивает людей с муравьями, а мир — с муравейником, находящимся в неустанной суете, но в тот момент я, с необычным интересом наблюдавшая за резвыми насекомыми, с этим бы совсем не согласилась. Может, мы и обитаем в таком муравейнике, но совсем другом, более опасном и оживленном. Безостановочном и безрассудном.

Погружённая в странные мысли, я и не заметила, как, сказав всем нам несколько напутственных слов, Максим поспешно скрылся. Унеся с собой и чудесный камень, без которого теперь мы остались совершенно беззащитными против целой армии голубей, всё ещё лавировавшей над паникующим городом и раздвигавшей облака пылающими адскими крыльями.

Глава 20. Запах жареного

Максим ушёл, забрав и камень, а мы с Аней и Максимом отправились на «прогулку» по городу, внимательно наблюдая за действиями голубей. Отогнать птиц мы уже не могли, но следить их действиями — вполне.

Впрочем, пока что голуби, продолжавшие нарезать круги в чернеющем поднебесье, медлили, чего-то упорно выжидая. Рабов же также не наблюдалось: редкие прохожие, проходившие мимо нас, выглядели вполне адекватными, только безумно напуганными.

Огибая городские улочки, я старалась держаться поближе к Антону. Стоит заметить, что вид его уже был лучше — удивительно. Если бы голуби убили мою мать, я бы заперлась в комнате и, наплевав на все впала в глубокую депрессию. Но у моего друга, похоже, с этим все обстояло по-другому.

Хотя лицо его, все ещё не совсем вникавшего в голубиную эпопею, по-прежнему выражало нечто неопределённое: возможно, ему казалось, что все эти события, шокирующие даже скептиков, были не более, чем глупым ночным кошмаром. Ведь именно так думала я сначала, когда окунулась в них с головой...

Глядя на нынешнего Антона, словно перевоплотившегося в несколько другого человека, я невольно вспоминала, как удивлённо он посмотрел на меня, когда я спросила, не замечал ли он ничего странного в поведении обожаемых нами голубей. «Птицы и птицы», — сказал он тогда, особо не вникая в суть моего вопроса. Интересно, что бы он ответил сейчас, если бы у него спросили нечто подобное?

Обогнув тесноватую улочку, на которой находилось то самое трухлявое здание, мы выбрались на небольшую площадь, покрытую новой брусчаткой. Плитки прилегали друг к другу настолько ровно, что глаз, рассматривая их, буквально не мог не порадоваться. Особенно они произвели впечатление на Аню, всегда питавшую какую-то особую тягу ко всему точеному и аккуратному.

И тут же в глаза бросилась одна странная вещь, заставившая всех нас напрячься. Птицы, все время нашего передвижения мельтешившие в небе, резко исчезли, обрушив на землю несколько голубиных перьев, которыми, собственно, была сплошь усыпана эта ровная площадка.

Аня нахмурилась, начав пристально осматривать окружающие окрестности, Антон приготовил оружие, а я просто замерла на месте, устремив взгляд в погасшее небо, исчерченное странными рыжеватыми полосами. Хмурые клочья напитывались огненными цветом, отчего создавалось ощущение, будто там происходило какое-то необычайное природное явление.

Это выглядело действительно красиво, и эстет, живший внутри меня, начал тихонько ликовать, согревая меня приятными лучами. Но тревога оказалась сильнее, и потому спустя несколько минут я уже не любовалась, а с подозрением и испугом наблюдала за этим рыжим заревом, захватывавшим поредевшее разрозненное небо. Тяжесть оружия немного успокаивала, невольно придавая уверенности. Мнимой и ошибочной. Потому что что-то страшное, непобедимое двигалось на нас, приближаясь увесистыми шагами, озаряя насуспенное небо пламенным сиянием.

— Кажется, это затишье перед грозой, — заметил Антон, осматривая оружие.

— И что будем делать? — занервничала я, начав переминается с ноги на ногу. —

Может, спрячемся? — Последние слова явно были лишними, так как уж что-то, а прятаться после того, что случилось с ними благодаря чудо-птичкам, Аня и Антон не собирались. А одной мне уходить в «укрытие», немногим преувеличившее по безопасности эту площадь, совершенно не хотелось.

— Не лучшее решение, — не одобрила Анна, наверное, про себя обозвав меня трусихой, сдавшейся в самый решающий момент.

— Да, это я так... — растерянно произнесла я, смущенно пряча взгляд.

— Хотя тебе, наверное, и вправду лучше было бы спрятаться. Все-таки ты плохо подготовлена к этой битве. Это мне уже нечего терять.

— Нет. Я буду с вами. — Я даже сама поразилась, как твёрдо прозвучал мой тон, когда я, минуту тому назад мечтавшая сбежать, все же окончательно решила участвовать.

Аня не стала возражать, а Антон был не в том состоянии. Теперь, когда голуби исчезли, его лицо исказилось тихой яростью, которую он неумело старался скрывать. От вида друга, обычно не злившегося настолько жестко, мне стало даже немного не по себе, так как без труда становилось понятно, что этот мирный человек, никогда не рвавшийся в безрассудный бой, жаждал мести. Причём жаждал отчаянно, словно, если он её не свершит, станет полнейшим ничтожеством или навеки погрузится в непроходимую тоску.

Конечно, я тоже птичек не жаловала, но не настолько, как Антон, во взгляде которого была не просто сталь, ранее не свойственная ему, а ненависть, с какой обычно упоминают о самых жестоких и кровавых врагах. Его брови были опущены и чуть сведены, губы гневно сжаты, а глаза пылали той самой живой злобой, от которой хотелось спрятаться, скрывшись за первым попавшимся деревом.

Но наблюдать за Антоном, как и за пламенем, исчерчивавшим небо, пришлось недолго, так как, не успели мы и отойти площадь, как откуда-то вновь донеслось бурлящее клокотание, смешавшееся со звуками потустороннего клича.

Вновь затрещали языки демонического пламени, стремительно приближаясь у мирной земле, вновь расставили свои мощные ветви деревья, тщетно пытаясь защититься от разрушительного удара, и вновь со всех сторон стали смутно доноситься отчаянные крики, вызванные появлением мистических сил. Они вернулись. Голуби, обвитые пламенем, вновь облепили свинцовый небосвод, все с тем же неуёмным рвением размахивая своими исполинским крыльями. Только теперь, в отличие от своего первого появления над С, они не просто летали, запугивая людей своим видом и сжигая деревья, а периодически отпускались, схватывая невинных жертв и унося в мутные небесные чертоги, захваченные нечистой силой.

С этой площади, находившейся на возвышении, можно было отчетливо наблюдать, как стремительно приближались к земле огромные тени, выскивая беззащитных людей своими пылающими глазами.

Мы тут же ринулись бежать с площади, направившись к месту самого бурного сражения — широкому двору около какого-то шестиэтажного панельного офисного здания с гладкой крышей и бело-зелеными стенами. Теперь строение было охвачено огнём, стремительно распространившимся по коридорам и закручивавшим в себя все, что только попадалось ему на пути, независимо от того, живое оно было или нет. Казалось, вскипали даже окна, в которых отражались бурлящие пламенные языки.

А голуби между тем хватали людей, в панике выметавшихся из здания или просто подходивших, чтобы понаблюдать за столь эпатажным сражением.

Мы тихонько притаились за большой клумбой, расположенной на аллее неподалёку от

пострадавшего строения. И стали внимательно наблюдать за действиями голубей, при этом следя, как бы самим не стать их несчастными жертвами.

Мне, ощутившей мерзкий запах, разнесшийся по всей окружённой территории, увидевшей кровь, окропившую землю, услышавшей пронизывающий голубиный клич, становилось дурно. Кажется, снова начиналась паника, только уже сильнее той, что была около магазина, на вокзале и на площади. Сейчас все эти картины, поразившие меня ужасом и жестокостью, словно слились воедино, образовав абсурдное полотно, пропитанное чёрными, оранжевыми и багровыми красками. Полотно, нещадно режущие душу и приводящее разум в неумное отчаяние, справиться с которым невозможно, как ни старайся.

Люди бегали по площадке, пытаясь найти укрытие от нахлынувшего безумия, но не успевали добежать даже до ближайших деревьев. Оказывались в цепких голубиных лапах. Которые подхватывали жертв и уносили за собой к тяжёлым облакам.

Я закрыла глаза, крепко сжав руки друзей и судорожно пытаюсь подавить тошноту. Холод опутывал меня изнутри, глаза слезились от дыма, ладони дрожали, уже не в силах удерживать бесполезное оружие. Пистолет я случайно выпустила, даже не заметив, как и когда это произошло, и теперь, похоже, была совсем беззащитна перед этими пылающими исполинам.

Но уходить поздно. К тому же я, воодушевленная историями Максима и Ани, сама напросилась на столь захватывающее приключение, от которого сама же и страдала. А это было только начало...

Не выдержав накала, Антон внезапно выбежал из укрытия и, проигнорировав оклики Анны, стал беспорядочно стрелять по голубям. К счастью, птицы, занятые беспомощными жертвами, не уделили ему особого внимания. Пули не вредили. Поэтому Антон мало отличался от тех людей, что в панике метались по злосчастной площадке, создавая беспорядки. Они могли до него добраться, могли схватить, могли унести за собой в небо, но с такой же вероятностью, как и до любого находившегося рядом человека, в том и до нас с Аней.

Анна не стала останавливать Антона, а тихонько застыла, внимательно следя за каждым его действиями и настоятельно наказав мне ни в коем случае не высовываться, если не приблизится опасность. Но в последнем не было особого смысла: чуть ли не до смерти перепуганная, я и без того не собиралась присоединиться к Антону, являя себя уродливым пылающим сознанием.

И все бы так и продолжалось, если бы неожиданно Аня не дернула меня, приказав срочно убегать. Опутываемая паническим страхом, я вовремя не услышала её указание и тут же поплатилась: чья-то грязная холодная рука крепко схватила меня, потащила за собой.

Уже ничего не видя, я закричала во все горло, упираясь от неприятных толчков, но это не помогло. Кажется, Аня выстрелила, однако не попала в цель, даже не навредив неизвестному. Какие-то люди, преодолевая всякие мои попытки вырваться, куда-то поволокли меня, разрывавшую горло отчаянными криками и просьбами о помощи...

Глава 21. Рабство

Что произойдёт с человеком, попавшим в плен к ярым сторонникам и безумным фанатам таких прелестных птичек, как голуби? Что он будет делать? Что чувствовать? Сможет ли выжить, найдёт ли способ обмануть своих новых хозяев? Вывернется ли из их цепкой хватки, выбежит ли на свежий воздух, вдохнёт ли аромат пресвятой свободы?

Раньше я никогда над этим не задумывалась. Иначе в лучшем случае поразились бы собственной чужаковатости, а в худшем — принялась бы за активные поиски психиатра, который решил бы столь важные и злободневные задачи.

Но теперь, когда голуби, порабощающие людей, перестали быть редкостью, вопрос напрямую меня касался. Потому что меня поймали люди, поклонявшиеся голубям и добровольно выполнявшие их приказы, кажется, начиная от банальных бытовых просьб и заканчивая парадоксальными поручениями.

Сначала мы сочли их рабам, но это оказалось не так. Не рабы, не пленники, не слуги — добровольцы. Которые по собственному желанию исполняли голубиные капризы.

А вот мне, похоже, предстояла именно участь жалкой рабыни, вынужденной под угрозой мучительных пыток и кровавой гибели осуществлять непонятные поручения.

Подавляя сопротивление, они крепко связали меня и куда-то потащили за собой, стараясь причинить как можно больше боли. Я не теряла надежду и пыталась бороться. Я вырывалась и царапалась, звала и кричала, но окружающим было не до меня. Они в панике метались по улицам, не смея смотреть на небо, моля о пощаде и помощи. Окружённые, обречённые, измученные.

А Аня, наверное, просто не уследила за этими гадами или тоже подверглась нападению кого-то из адской армии. Или предала — этому я тоже бы уже не удивилась.

Завязав мне глаза, «добровольцы» долго тащили меня по, наверное, глухим местам города, пропитанным гнилостными запахами. Мерзко. Отвратительно. Долго.

Под конец мне стало казаться, что, может, они и вовсе собирались уйти за пределы города, укрывшись в каких-нибудь жутких трущобах, затерянных в беспробудной тиши и мраке.

Я неустанно морщилась, мысленно считая секунды, чтобы хоть немного успокоиться и сократить мерзкую дорогу. На середине пути что-то начало меня неприятно скручивать. Холодная липкая рука, словно игравшая со мной изнутри, принося омерзительные ощущения. Рука гнева и ярости, рука отвращения и ненависти.

Я ждала, когда всё закончится, но оно продолжалось, долго, томительно, нудно. Упорно и беспрестанно.

Тем не менее я, кажется, уже не боялась — паника как-то резко отступила, навевая на меня сомнительное спокойствие. Моё дыхание постепенно восстанавливалось, сердце билось не так часто, дрожь утихала. Только невидимая рука резвилась где-то внутри меня, играя со всеми соками.

Время обратилось резиной, длинной, тягучей, упругой. Время остановилось и замерло, тихонько издеваясь надо мной и моим положением. Кажется, оно хотело моей боли и ужаса, жаждало страха и паники и упорно не понимало, почему их не было. Ничего не было. Кроме ярости и отвращения, которого оно уже испробовало достаточно.

Но резина перестала тянуться и потеряла упругость. Кто-то резко рванул мою голову,

стягивая с глаз ненавистную тряпку. Пыль тут же попала мне в нос, и я громко чихнула, похоже, вызвав отвращение у самого ухоженного из странной компании. Он посторонился, и я смогла разглядеть местечко, в котором оказалась.

Заброшенный дом, немного превосходивший строение, где мы расстались с Максом, по размерам и ухоженности. Деревянное одноэтажное строение с перекошенной металлической крышей и, как ни удивительно, довольно приличной с виду дверью, оснащённой ручкой. Со всех сторон его окружали травы, густые, высокие, колышущиеся. Грязные и высохшие.

Вся тропинка, ведущая ко входу, была истоптана многочисленными грубыми подошвами: похоже, там состоялись целые собрания. Деревья, возвышавшиеся над крышей, густо поросли мхом. Глаза. Завидев эти деревья, я почему-то сразу представила чьи-то глаза, внимательные, наблюдательные.

Я пристально вгляделась в переплетения коры, но тут же крепко поморщилась, потому что в нос ударил запах затхлости, смешанный с гнилью. Мерзкий и тошнотворный, он проникал в дыхательные пути и словно пытался вселиться в каждый их уголок.

Четыре рослых мужчины, стоявших неподалеку, вновь схватили меня и направились в сторону входа. Я уже не сопротивлялась, а просто покорно двинулась за своими новыми хозяевами, как бы мерзко это ни звучало.

Мужчины рывком отворили старую скрипучую дверь, пролезли внутрь помещения, втолкнули меня и двинулись по коридору, окутанному въевшимися в стены запахами затхлостей и химии. Кажется, они там что-то варили. Лекарства? Яды? Наркотики? В темноте, скрадывавшей каждый уголок пространства, было трудно что-то понять; оставалось только предполагать. Глядеть на плавающие по стене пятна света и предполагать, упорно, старательно, терпеливо.

Единственное, что я сразу поняла, — в этом доме было много пыли. Ужасно много. Почему-то я сразу подумала, что первым делом я её вытру, что я вычищу дом. Глупо и наивно. Я была бы просто счастлива, если бы все мое «рабство» заключалось в мытье полов и подметании пыли, если бы им просто нужна была прислуга по хозяйству. Скорее всего, они хотели самого настоящего раба, угнетённого, несчастного. Прислуживающего голубям.

Я не желала прислуживать ни людям, ни, тем более, голубям. Не хотела выполнять абстрактные поручения, выходящие за рамки бредовости. Наше общество независимое, мы обладаем правами и свободами, мы способны осуществлять желаемое, а рабство и всё, что с ним связано, уже давно осталось в прошлом, обратившись воспоминаниями на страницах книг и сухими историческими фактами.

Но не было ни выхода, ни спасения. Меня снова потянули, и я ступила на пол, оказавшийся вязким, словно кусок мёда, — прямо как в моём сне, который я увидела, случайно задремав от скуки в тёплой и уютной машине. Но это был не тот зловещий коридор. Здесь не высились рядой каменные стены, не отражалось гулкое эхо, звучавшее из бесплотного пространства, не встряхивал стены рокот, давивший на нервы и напрягавший слух. Только комната, вылепленная из загнившего дерева. На мое счастье, без птичек и пламени, без кличей и клокота. Я надеялась, что голуби сюда и вовсе не заходили, так им, обитающим на воле, кек минимум не полагалось проникать в помещения.

Впрочем, у великих стражей Ада вряд ли были какие-то ограничения: они — могущественные создания, сметающие с лица земли человечество, блещущие мощью и «величием». Сильнейшие демоны. Безбашенные твари, не ведающие ни правил, ни законов.

И всё же я искренне надеялась, что до этого дома птицы не доберутся.

Между тем один из людей поджёг фитиль свечки, прикрепленной входной двери, и по тесной комнате расплзлись чуть желтоватые лучи света. Комната стала яркой и чёткой, наполнилась границами и очертаниями.

Как ни странно, ничего примечательного я не увидела: два старых облезлых шкафа, испещрённых трещинами, небольшая кровать, обложенная кусками грязи, рваные прожженные портьеры, перевёрнутый стол и стулья, унылым кругом стоявшие посреди помещения. Оглядев эту печальную картину, я тихонько вздохнула. Тяжко и отвратительно. Мерзко и неприятно.

Тщетно пытаясь сопротивляться, я двинулась дальше за всё теми же мужчинами, направлявшимися в соседнюю комнату из однообразной мрачной анфилады.

Там на таких же стульях расселось целое собрание, состоявшее из весьма странных личностей, часть из которых, как я сразу заметила, зачем-то натянула на себя маски голубей. Ужасно глупые и нелепые маски! Если бы я беззаботно прогуливалась, наслаждаясь приятными мыслями и радующей глаз обстановкой, вряд ли сдержала бы усмешку, взглянув на столь неординарный маскарад. Но теперь мне было не до смеха. Стараясь сохранять равнодушно-угрюмое выражение лица и не смотреть на голубе-людей, я замерла на месте, ожидая указаний.

На этот раз меня привязали к шкафу, неподалёку от которого сидела странная компания. Мужчины туго затянули верёвки, обменялись ругательствами и, заняв пустовавшие места, начали о чём-то тихонько переговариваться, кажется, стараясь сделать так, чтобы я не уловила ни одного слова.

Но мне уже было всё равно. Чтобы скоротать время, я бессмысленно смотрела на паутину, протянувшуюся от шкафа до стула, за которым сидел какой-то худощавый «человеко-голубь». Нити тонкой сеточкой врезались в мебель, придавая ей ещё более неприятный вид. Неприятный и тоскливый. Тоска одолевала меня, тоска мучила и угнетала. Холодное чувство, сжимавшее изнутри, всё не унималось, особенно напоминая о себе тогда, когда мой взгляд невольно встречался с голубе-человеком.

— Мы привели новенькую, которая скоро пополнит их ряды, — донеслось до меня, тесно примкнувшей к шершавой стенке шкафа.

— А девчонка-то миленькая, — от этих слов меня, тут же представившую весьма непристойные вещи, откровенно покорило. Миленькая девчонка? Новенькая?

Я не та, за кого меня принимают, кем хотят сделать. Я не пополню их круг. Я не стану покорно выполнять каждое их бредовое указание, выходящее за всякие рамки.

Вновь захотелось сделать отчаянный рывок, разорвать верёвки, высвободиться и, подбежав к этому уроду, ударить по его нахальному лицу. Насладиться хрустом костей. Увидеть боль и страдание, мольбы и панику. Но, к сожалению, если кому-то и удалось бы такое сделать, то точно не мне, крепко привязанной к шкафу, обездвиженной и лишенной всякого оружия. Как же я жалела о том, что не сберегла пистолет, который почему-то казался мне совершенно пустой и ненужной вещицей. Однако менять что-либо уже было поздно.

Самый толстый, с сальными пальцами и грязью под ногтями, принялся что-то выводить в воздухе своими пухлыми руками, знакомя своих коллег с каким-то планом. Человек с длинным крючковатым носом и копной спутанных чёрных волос залился противным смехом. По моей коже толпами пробежали мурашки.

Снова попыталась вырваться, как-то распутав злосчастные верёвки, но опять же тщетно, потому что путы не поддавались, только крепче смыкаясь на моей хрупкой руке и пережимая вены. Я ненавидела всё и всех, я хотела крушить и убивать. Меня бесила собственная немощность и бессилие. Но ещё хуже мне становилось от той мысли, что все эти испытания — лишь начало, а дальше меня, скорее всего, поджидало нечто ещё более омерзительное, нежели сидение с завязанными руками на пыльном полу в окружении компании ненормальных типов, поклонявшихся голубям.

Переговоры закончились, смех стих, и отвратные руки вновь вцепились в мою кожу, причиняя боль. Меня тут же загнали в соседнее помещение, сплошь пропитанное запахом падали. Ощувив его, я поморщилась и принялась с азартом и ненавистью осматриваться.

Единственной мебелью здесь оказались большие фарфоровые чаши, грязные, грубые, заскорузлые. Они нелепо возвышались посреди комнаты, создавая удручающее впечатление и, кажется, разнося по стенам омерзительный запах.

Скривившись, пытаюсь справиться с тошнотой, я, подталкиваемая всё тем же мерзким типом, подобралась к сосуду и взглянула внутрь. Взглянула и тут же отвернулась, силясь подавить рвотный позыв. Ваза оказалась доверху наполнена окровавленными скользкими частями, оставшимися от голубиных вместилищ. Кишки, мозги, крылья — всё это плавало там, словно в супе, приготовленном кровожадным любителем сырого разлагающегося мяса. В мутном свете, исходявшем от маленьких свечей, что висели над злосчастными вазами, эта картина обретала особенно мерзкий оттенок.

— Чисти! — грубо приказал кто-то, толкнув меня лицом в эту плавающую гадость. К счастью, я, оказавшаяся в опасной близости с разлагающейся дрянью, успела вовремя вывернуться, не окунувшись в голубиные остатки.

— Что? — недоумевающее спросила я, не понимая, что мне следовало чистить. Хотя если бы у меня была воля, я бы вычистила здесь всё, навела идеальный порядок. И в первую очередь вывела бы не грязь, а людей, устраивавших нелепые сборища.

— Чисти вазу, вымывай всю требуху из остатков голубиных оболочек и раскладывай ее по комнате. Ясно?

— Почти, — пролепетала я, упорно стараясь не кривиться. Несмотря ни на что, всех этих сомнительных типов, имевших на меня смутные планы, я определенно побаивалась, в результате чего не осмеливалась послушиваться их указаний.

— Что непонятно?

— Как я должна всё это делать?

— Руками. Своими драгоценными белыми руками. Забудь о своём прошлом. Теперь твой господа — это мы и стражи ада. — Мужчина криво ухмыльнулся, важно подняв свой массивный подбородок.

— Но, по-моему, руками здесь я не так уж и много сделаю...

— Захочешь — сделаешь. Хватит разговоров. Приступай.

Он несколькими ловкими движениями проверил мои карманы, чтобы убедиться, не осталось ли в них никаких ценных вещей. Но его приятели все вытащили и забрали, все украли и вычистили. Поняв это, он глупо хмыкнул и, резко развернувшись, направился в основную комнату.

А я стала копошиться в «солянке», булькавшей в фарфоровой вазе. Голые руки тут же увязли в скользкой холодной жидкости, расплзшейся по ладоням; отвращение возросло, но, стараясь не думать о том, что находилось в сосуде, я занялась работой.

Мне показалось, будто эта гадость забулькала где-то в моём горле. Во рту появился мерзкий привкус, словно я действительно глотнула частичку жуткого месива. Разумеется, это были всего лишь внушения, навеянные жутким отвращением, но впечатления вряд ли особо притуплялись.

Вот мои руки были уже по локоть в этой крови, смешанной с прочими внутренними голубиными жидкостями; трупный запах всё глубже проникал в мои лёгкие, опутывал их невидимой пеленой. Приступы тянущей тошноты скручивали меня и замедляли работу. Но я, желающая поскорее управиться с отвратительным делом, старалась не отвлекаться на внутренние ощущения.

Что-то склизкое и холодное, в тусклом свете приобретающее тёмно-бордовый оттенок, — наверное, голубиные кишки — обвилось вокруг моей ладони и упорно не желало отцепляться, как бы я ни пыталась стряхнуть его обратно в вязкую муть. Жутко хотелось закричать, позвать на помощь, но это было бессмысленно. Абсолютно бессмысленно. Единственное, что я могла делать, — это с усердием вынимать из котла требуху и тереть её руками, очищая от грязи и излишков.

Я почему-то вспомнила, как дома чистила рыбу, также вынимая из неё потроха, но по сравнению с голубиными сюрпризами тот процесс был приятным и беззаботным занятием, дарующим душевную гармонию.

И зачем этим людям вообще нужны остатки беспомощных тел, проживших свой век? Для опытов? Для варев? Для ритуалов? Может, они ставили эксперименты, может, пытались воскресить прежнюю оболочку, чтобы она снова служила сотворившему её демону? Или хотели что-то слепить из кусочков птичьих трупов, успевших порядком разложиться?

Гадость обвивала мои руки, скручивалась, забивалась под одежду и ногти. Множество мыслей роилось в голове, но, занятая работой, я не уделяла им внимания. Как будто мне было плавать, на все плевать. Кроме очередного поручения, ожидавшегося в ближайшем будущем, подорванной гордости и отвращения, плескавшегося во мне липкими, холодными волнами. Мерзость.

Глава 22. Собачка

Став покорной рабыней голубей и их человеческих сторонников, безропотно выполняющей любые приказы, я словно погрузилась в какую-то другую реальность, отдалённую от всего, что происходило в тот момент в обезумевшем мире, что закручивало его в безудержную кровавую пляску. Меня превратили в кого-то вроде питомца. Вроде покорной собачки, не смеющей ослушиваться своих жестких хозяев, которые за неповиновение могли лишить аппетитного куска. Мне это совсем не нравилось. Я судорожно думала, как можно незаметно улизнуть из гадкого местечка, своим видом ней вызывавшего ничего, кроме тошноты, но, что бы ни предполагала, всё бесполезно. Хозяева тщательно наблюдали за пленниками, следили чуть ли не за каждым их движением, вследствие чего любые мои планы оканчивались грандиозными провалами.

Самих узников в этих гнилых стенах было не так много, как я себе представляла. Но все они выглядели настолько замученными, что, казалось, ещё чуть-чуть — и достигнет их смертный час, скрутив немощные тела в беспорядочных судорогах. Я не общалась с ними, лишь изредка со скучающим видом наблюдая, как усердно старались эти несчастные, и прокручивая навязчивую мысль, что, наверное, скоро меня ждёт похожая судьба.

Поручения, которые мне давали, обычно не отличались сложностью, но были настолько отвратительными, что хотелось скорее умереть, тихонько вскрыв вены где-нибудь в уголке, чем даже браться за их выполнение. Но инстинкт самосохранения был сильнее. Он не давал мне окончательно приуныть. Он подталкивал меня к работе, какой бы мерзкой и нежелательной она ни была. Голубиные ли внутренности или уголки, облюбованные мышами, или другое подобное дело, от которого я невольно морщилась, — всё равно приходилось делать, так как умирать совсем не хотелось.

Настроение моё меж тем с каждым днём становилось всё более мрачным. Мне хотелось только, выглядывая из-за шторы, бессмысленно наблюдать за колышущимися травяными зарослями, теща наивные надежды, что в них внезапно возникнет чудесный спаситель. Но редкими фигурами, которые там появлялись, были вовсе не отважные герои, прибывшие спасти заточенную принцессу, а очередные участники странного объединения, явившиеся на собрание. Замечая их, я обычно отворачивалась, поскорее задвигая портьеры: смотреть на эти отвратительные лица не было никакого желания. Хотя если бы они закрутились в безумной голубиной пляске, сломав все кости, я бы только обрадовалась.

Время казалось таким же вязким, как пол в первой комнате, в котором я частенько застревала. Прошло всего два дня, но у меня, погрузившейся в непроходимую тоску, создавалось впечатление, будто минула вечность. Казалось, этому отвратительному приключению никогда не наступит конец, я так и буду возиться в грязи, периодически слушая бредовые речи своих «хозяев», строивших какие-то грязные планы. Казалось, всё уже кончено — выхода нет.

Всё смог изменить один день, ознаменовавшийся появлением в доме странного вооружённого человека, облачённого в длинный чёрный плащ с капюшоном. Во время проведения одного из собраний он пробрался в дом и, ворвавшись в комнату, где велись обсуждения, начал обстрел. Голубиные сторонники не ожидали нападения. Они тут же всполошились, соскочили с мест и ринулись к облезлому деревянному шкафу, к какому два дня назад привязали меня. Я, тихонько стоявшая в уголке, тут же застыла, не смея

пошевелиться, с морозцем на коже представляя, какое кровавое зрелище ожидалось в ближайший момент.

Уж по чему-чему, а по распотрашённым человеческим телам, истекающим кровью, я совершенно не соскучилась. Конечно, этих уродов было ничуть не жаль, но судьба незнакомца, столь отважно ворвавшегося в жуткий дом, определённо тревожила. Уродов было много, а этот человек, несмотря на вооружение, собирался бороться в одиночку. Поступал крайне опрометчиво.

Как же мне хотелось остановить незнакомца от безумного поступка, сказав, чтобы он бросил оружие и ринулся бежать, пока хозяева не принялись его активно обстреливать со всех углов. Но я была всего лишь рабыней, лишённой права действовать. Всего лишь жалким питомцем, вынужденным смиренно стоять в уголке. Поэтому мне только и оставалось, что наблюдать, невольно ёжась от не слишком приятных представлений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но неизвестный, словно прочитав мои мысли, резко опустил оружие. Воспользовавшись всеобщим замешательством, он подбежал ко мне и, схватив за руки, потащил по направлению к выходу. Я совершенно не ведала, кто он и что пытается со мной сделать, но, за отсутствием выбора, покорно последовала за ним, стараясь не оборачиваться и не смотреть на разъярённую компанию.

— Так и знал, что без их вмешательства это дело не обойдётся, — неожиданно произнёс знакомый мне голос, в котором я теперь уже без труда узнала Максима.

— Кто они? — спросила я, судорожно вцепившись в руку своего спасителя.

— Потом расскажу. Сейчас нам нужно как можно скорее уходить.

Тревога одолевала меня, скручивала мысли и сдавливала тело. Теперь я боялась даже Макса. Словно он был таким же врагом, словно также выступал на стороне своих бывших сородичей. Нет. Я не должна была спорить, я просто не могла ни спорить, ни сопротивляться! Я должна идти, покорно преодолевая ненавистные коридоры следом за Максом и приближаясь к заветному выходу.

Между тем сзади слышались оглушительные выстрелы, звуки которых тут же смешались с тяжёлыми шагами, направлявшимся в нашу сторону. Голубиные сторонники, не на шутку разъярённые, начали погоню, жаждая пробить нам всё, куда только попадёт свистящие пули, насладившись монотонным капаньем падающей на пол крови.

Вот скрипнула дверь, мы ступили на пол, напоминавший кусок мёда, и тут же увязли в нём, сильно замедлившись. «Быстрее, прошу!» — шёпотом молила я, подталкивая Макса, пытавшаяся выбраться из густой липкой кисеи.

Компания, следовавшая за нами, была уже близка. Их мутные фигуры уже вырисовывались в полутьме предыдущей комнаты, а грохот выстрелов с каждой секундой становился всё громче.

Рывок, скрип двери — и свобода. Святая, долгожданная свобода, по которой я так соскучилась за эти два дня! Мы всё-таки сумели выбраться, резким движением отворив дверь и вырвавшись на скользкую, размытую недавним дождём тропу.

Я хотела было разразиться благодарностями, начав восхвалять Макса за проявленное им недюжинное геройство, однако тот, всё ещё остававшийся напряжённым, меня остановил, жестом напомнив, что мы ещё не совсем выбрались из гадкого местечка и что за нами всё ещё гнались безумцы, вооружённые огнестрельными пистолетами.

Я побежала настолько быстро, насколько могла. Кажется, в один миг я стала и

спортсменкой, и бегуньей, и марафонщицей, несмотря на то что раньше никогда не занималась спортом. Последнее не помешало, совсем не помешало, как и ужасная усталость, как и скользкая дорога.

Преодолев злосчастную дорожку, отделявшую свободу от неволи, и отворив скрипучую гнилую калитку, мы вырвались в какой-то лесок, пестревший корявыми, неухоженными деревьями.

Взглянув на эту мрачную картину, я сразу же вспомнила рассказ Ани о её судьбоносной оплошности, благодаря которой ей теперь приходилось жить за счет камня. То ли от голода, то ли от страха у меня засосало под ложечкой, и я ещё крепче вцепилась в руку спасителя, казавшегося теперь единственной надежной опорой.

А на небе, остававшемся пасмурным, меж тем всё теми же грузными клочьями вздымались вязкие тучи, готовые в любой момент разразиться пронзительным громом и ослепительными змееобразными вспышками молний. Дул прохладный ветер, развевая мои спутанные волосы. Деревья зловеще скрипели, бросая на сырую землю жуткие перекошенные тени и нагнетая и без того напряженную атмосферу.

Максу, который, несмотря на накал, сохранял флегматичное спокойствие, явно не было дела до вида окружающей природы, а вот мне смотреть на всё это, предаваясь очередному порыву паники, совершенно не хотелось. В тот момент я даже пожалела, что не умею управлять погодой — иначе бы сразу смела эти мерзкие тучи, открыв спрятанную за их пеленой ясную голубизну.

Обогнув раскидистые заросли и пройдя несколько серых улочек, утонувших в хмуром однообразии, мы незаметно достигли города, по условиям которого я, уставшая от грязи и гнилостных запахов, жутко соскучилась.

Выстрелов, леденящих кровь, уже не было слышно, что, конечно, радовало: те мерзкие люди отстали, не сумев догнать нас с Максимом и вернуть меня к себе в рабство. Конечно, последнее они могли сделать позже, но, получившая печальный опыт, я не собиралась даже допускать ничего подобного. Теперь я решила, что всегда буду носить с собой оружие, внимательно следить за тем, что творится вокруг нас и, конечно, ни на шаг не отставать от друзей, вместе с которыми была не столь беззащитна.

Подумав об орудии, я тут же невольно взглянула на небо, облепленное яростными фырчащими тучами. Ни голубей, ни полос, расползающихся неестественно ярким огненным багрянцем, на нем не было. Кажется, первая волна птичьего наступления закончилась, и в городе, лишившегося значительной части жителей, вновь воцарилось непоколебимое спокойствие, нарушаемое лишь протяжными звуками непогоды. Нет, это было определенно недоброе спокойствие. Скорее нечто вроде кладбищенской тиши, которая в любой момент могла огласиться звуками чьих-то судорожных рыданий.

— Куда мы теперь пойдём? — испытующе спросила я, когда Макс отпустил мою руку, показав этим, что мы уже в относительной безопасности.

— В Анину квартиру. У меня есть серьёзный разговор.

— Э. А она ещё жива? — Я глупо вздёрнула брови, осознав смысл этого вопроса.

— Жива, — угрюмо откликнулся Максим, чем несколько удивил меня, ожидавшую услышать от него очередную колкую иронию. Впрочем, по нему было видно, что переделка, из которой мы только что выбрались, сильно его утомила, отчего его невозмутимое спокойствие обратилось безразличием.

— А что с этой Эльвирой? Что с камнем? — начала было я, но тут же замолчала, решив,

что лучшим местом для обсуждения таких вопросов будет не грязная городская улочка, на которой периодически возникали фигуры испуганных прохожих, а квартира, наполненная подходящей атмосферой.

— Всё прошло почти удачно.

Глава 23. Жертва и палач

Оказавшись в квартире, мы почти с порога начали разговор. Макс решил не тянуть, сразу предупредив, что тему затронет важную и что поделится неожиданной новостью.

Аня, выглядевшая жутко помятой и уставшей, пропустила нас в гостиную, где уже сидел Антон, наблюдая за происходившим на улице. Я мельком оглянулась и устроилась рядом с ним. Мы образовали своеобразный круг, в середину которого с серьёзным видом встал Максим. Напряжённо выпрямившись, он заговорил:

— Недавно я отдал камень Эльвире. Она мне открыла секрет, связанный с местом, который люди обычно называют Предьядем — чем-то между Землёй и Адом. — Он сделал небольшую паузу, дав нам немного осмыслить информацию; Аня печально опустила голову, как будто предугадывая нечто страшное. Впрочем, участь ее действительно ждала невеселая: сил, подаренных камнем, становилось все меньше, а значит, все ближе подбиралось злое неминувшее.

— Так, значит, Предьяде, — со скептическим выражением лица произнёс Антон, покрутив в руках карандаш и заставив меня невольно улыбнуться. Кажется, он стал прежним — это радовало, особенно если учесть, что ему пришлось пережить всего несколько дней тому назад.

— Именно. Предьяде — место, в одном из участков которого можно найти оружие против голубей. Никто не знает, как оно там оказалось и кто вообще его сделал, но ходят слухи, что все прошло не без вмешательства человека. Однако это уже не столь важно. Само оружие — абстрактной формы ствол, заряженный пулями, против которых стражи ада уязвимы. Если в голубя попадёт такая пуля, его оболочка погибнет, а сам он отправится в Ад и больше оттуда не вернётся. Полагаю, у вас сразу появилась мысль, как можно уничтожить всех голубей ограниченным количеством пуль. Всех их истребить действительно невозможно. Тем не менее, несмотря на то что жизнь в голубином обществе основывается на решениях народа, у них есть главари. Выделяющиеся особо крупным размером и орлиным изгибом клюва. Если уничтожить главарей, есть вероятность, что все голуби отступят, навсегда отправившись домой, в Ад.

— А сама она была в этом Предьяде? — с сомнением спросил Антон, похоже, так же, как и я, не слишком доверявший таинственной Эльвире.

— Нет. Но знает, как туда попасть и как оттуда выбраться. Вернуться из тех краев можно с помощью заклинания — его осуществит Эльвира, если просто её позвать, находясь в Предьяде, чётко представляя место, из которого было осуществлено в него перемещение. Она способна слышать звуки Предьядя. А вот попасть сложнее. Нужны две жертвы, причём одна из них — просто жертва, а вторая — жертва и палач. Сначала вторая жертва должна убить первую, таким образом окружив себя чёрной аурой порока. Далее вторая жертва обязана дать тем, кто собирается отправиться в Предьяде, расчленив себя на столько кусков, сколько желающих, и плюс ещё на один, что уже математика.

— Ты предлагаешь нам стать жертвами и палачами?

— Жертвами вам быть необязательно, а вот палачами придётся, если хотите помочь мне в избавлении мира от голубей. Кстати, я с вами пойти не смогу. Точнее, я туда отправлюсь, только не с вами, потому что, во-первых, меня сразу найдут. А, во-вторых, скоро в главной крепости Предьядя состоится суд, на котором определится моя дальнейшая судьба, — на

нем я, скорее всего, и буду в момент ваших походов. Да, скажу сразу: Предьядье читает человеческие мысли, Предьядье видит людей насквозь, ощущает их.

— Значит, ты предлагаешь нам стать убийцами?! — я подскочила с места, возмущённо покосившись на Макса. Убивать невинных — это точно не по моему призванию. Я не стану лишать жизни людей. Это просто бред какой-то!

Горячая волна гнева всколыхнулась в моей груди, и у меня возникло желание вновь попытаться убедить друзей, что с этим человеком, точнее, демоном связываться не стоило. Он был ненадежным и собирался безропотно прикончить двух невинных, якобы для того чтобы отправиться в Предьядье. Надо же — ересь какая.

— Да, это придётся сделать, если вы, конечно, хотите мне помочь. Придётся пожертвовать двумя людьми — по-другому никак. Да, кстати, этого мало, чтобы проникнуть в Предьядье. Нужно ещё представить его, чтобы труп расчленённой жертвы стал порталом.

— Представить? Мы же даже не знаем, как оно примерно выглядит. — Антон задумчиво сощурился, смутно поглядев на Макса.

— У меня есть несколько похожих фотографий. И даже примерная карта, которую я начертил собственной рукой и на которой специально для вас сделал некоторые пометки. Например, координаты дерева, в дупле коего запрятано оружие. — Оглядев наши ошарашенные лица, Макс добавил: — Да-да, не удивляйтесь. Оно действительно хранится внутри дупла, — и полез в карман своего плаща.

Наверное, в другой ситуации это прозвучало бы даже смешно — с долей черного юмора. Речь шла об убийстве людей, а он обещал показать какие-то фотографии с изображением красивой местности. Будто пытался вдохновить нас на это чёрное дело...

Послышался тихий шелест бумаги, Максим выволил из кармана потрёпанную бумажную карту, а затем — фотографию с рваными краями. Антон, наблюдавший за приятелем с любопытством и подозрением, прищурился. Аня повернула голову в сторону, словно и вовсе не собираясь участвовать в этом деле. Я бы тоже с удовольствием не участвовала, если бы не наивная вера в нашу команду «борцов с голубями». Она-то и подталкивала на то, чтобы пойти на этот кошмар, проигнорировав голос разума и совести.

На фотографии же оказалось изображение величественной мрачной крепости, напоминавшей средневековый замок. Её купола возвышались над обширными лесными массивами, издали как антивражеские сооружения или лабиринты. Где-то внизу узкими серыми пятнами темнели тропы, терявшиеся среди неровных и однообразных деревьев. А неба и вовсе не было видно — как будто его там заменяли башни, что сжимали пространство. Это было неправильно, совсем неправильно. Это портило впечатление от фотографии, красивой, но, похоже, сделанной и обработанной не слишком умелым фотографом.

«А где такое фото было сделано?», — мысленно спросила я, с удивлением оглядывая странные контуры. Однако от вопроса вслух воздержалась: ответ сам пришёл в голову, не заставив себя долго ждать. Скорее всего, это был обыкновенный Фотошоп.

— Смотрите внимательнее. Вам следует запомнить каждую деталь, — настоятельно порекомендовал Максим, выставив вперёд руку, что сжимала фотографию.

— А жертва и палач по совместительству тоже должна что-то запоминать? — внезапно заинтересовалась Аня, вновь развернувшись.

Макс явно уловил намёк, но не подал виду — лишь произнёс спокойным тоном, глянув на Анну исподлобья:

— Да, но об этом чуть позже.

— Позже? А зачем медлить? Я собираюсь стать жертвой, — открыто завила она, поднявшись с места и выпрямившись.

— Я не удивлён. — Макс равнодушно ухмыльнулся, Антон начал шёпотом уговаривать Аню, чтобы она опомнилась. Может, ей и осталось недолго, но смерть, о которой говорил Максим, была не самой приятной или почётной. Но Аня ничего не слушала. Похоже, она чётко определилась — уговоры были лишними.

— Что ж, если желаешь стать жертвой, я не буду препятствовать. Ведь это твоё решение, — серьёзно проговорил Макс. — Да, запоминать картину тебе нужно, как и представлять Предьядье в моменты убийства и самопожертвования. Жертве же, которую выберешь ты, не нужно ничего — только лишиться жизни от твоих рук.

— Отлично. Когда начнём?

— Мне кажется, не стоит сейчас срываться с места и начинать... — заметил Антон.

«Неужели снова трусит и хочет тихо сбежать, сославшись на важные дела?» — промелькнуло в моей голове.

— Будем чего-то ждать? — Аня недовольно подняла бровь.

— Следует более детально продумать план.

Я, ожидавшая другого ответа, с недоумением покосилась на Антона. Ещё недавно он всеми силами пытался избежать столкновения с голубями, а теперь сам жаждал и рвался в бой. Не страшился даже убийства хорошо знакомого человека. И говорил с нездоровым блеском в глазах, словно желая осуществить давнюю кровавую мечту.

Впрочем, с последним я, наверное, ошибалась: Антон никогда не был жестоким, и вряд ли даже последние события могли пробудить в нем кровожадность — я просто слишком устала и плохо соображала, но упорно анализировала наш разговор.

— А если голуби вернуться?

— Этого, конечно, допускать не стоит. Но и сразу бросаться, ничего продумав, — тоже.

— Ты в какой-то степени прав, — поддержал Макс, жестом спросив, все ли рассмотрели фотографию. Оказалось, в карточке никто больше не нуждался. Оставалось только изучить карту — и можно было отправляться в путь, тяжёлый, страшный, далёкий.

Макс свернул фото и убрал в карман плаща, а Аня нахмурилась, посмотрев на то, что творилось за вычищенным стеклом. Я тихонько постучала пальцами по деревянному столу, стараясь избавиться от напряжения. В голове снова промелькнула неутешительная мысль, что скоро мне придётся убить. Это не радовало, совсем не радовало. Обычно меня вообще пугал вид крови, а здесь предстоял не просто вид — все было гораздо хуже. А эти башни, окаймленные лесом, только нагнетались атмосфере: от их вида хотелось невольно содрогнуться. Поскорей бы все это закончилось, поскорей бы голуби покинули наш мир, отправившись в небытие...

Глава 24. Кровавые капли

Подготовка к важной миссии заняла у нас неделю. Первые дни мы провели с Максом, собирая необходимые вещи, изучая карту. А затем он покинул нас. Прощаясь, мы даже не подумали, что больше никогда его не увидим. Осознали уже тогда, когда он находился далеко от Аниной квартиры и, возможно, города С.

Но было поздно: мы уже не могли с ним как следует проститься, навеки проститься. Возможно, демону это и вовсе не требовалось: судя по всему, он никогда не любил тёплых объятий, поцелуев и нежных слов. Но нам от мыслей о том, что товарищ скоро погибнет, пав под голубиными ударами, становилось неловко — возникали опасения, что мы проводили его совсем не по-дружески.

Однако их пришлось быстро оставить: спустя несколько дней небо вновь зардело густо-алым заревом, и на нем начали появляться птичьи фигуры, окружённые пламенем.

Осознав, что пора действовать, мы запаслись оружием и поспешно покинули безопасное укрытие. Мама, ни о чем не подозревавшая, долго недоумевала, куда мы снова собирались, но уже даже не пыталась нас остановить. Как и в прошлый раз, она дала мне несколько советов и предупреждений, а затем просто смирилась, решив, что другого выхода все равно нет.

Мы добрались до того заброшенного здания, около которого Макс получил сообщение от Эльвиры, и остановились. Принялись ожидать опрометчивых прохожих, могших случайно появиться неподалёку: нападать в людной местности, несмотря на всеобщую панику, не следовало. Это бы только ухудшило положение и посеяло лишние страхи в сердцах людей.

Мы молча замерли в раскидистом сплетении теней, мрачно понурив головы. Никому не хотелось кидаться на мирных жителей, убивать, размазывать кровь — дикость. Мы все считали себя адекватными, но теперь об этом приходилось забыть.

Однако я, кажется, была неспособна. Борясь с опутывающей паникой, я вцепилась во влажную древесную кору и начала, словно кошка, драть её ногтями. Шершавая поверхность неприятно царапала кожу, но мне было все равно: так я почему-то чувствовала себя легче.

Тем не менее самой напряжённой из нас, как ни странно, выглядела Аня. Того спокойствия, что всегда сопровождало её, уже не было — кажется, она тоже чуть не паниковала. Она упорно старалась скрывать свою тревогу, но неудачно: её глаза блестели, в них металась искорка подступающего безрассудства. Оружие Аня доставать не решалась, словно чего-то всерьёз опасаясь. Она спрятала всё в чёрную сумку, которая ей досталась от Макса, и старалась не бросать туда даже мимолетных взглядов, пряча мешок в высоких травяных зарослях.

Где-то в ветвях протяжно чирикала мелкая птица, словно зазывая зловещие голубиные фигуры. Горящие крылья рассекали воздух, на отдаленных улицах кто-то душераздирающе кричал. Атмосфера стремительно накалялась.

Мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать щебетание, треск пламени, вопли, но не было возможности. Любой момент мог стать ключевым. В любую секунду мы могли сорваться с места и, думая лишь о Предьяде, накинуться на неповинную жертву.

И вот — настал этот момент. Напряжение сковало мои руки, ещё глубже впившиеся в шершавый древесный ствол. Я закрыла глаза, чтобы не видеть этого. Сердце предательски часто забилося, тело отчаянно задрожало, а перед глазами предстал лишь один до жути

яркий образ. Образ Предьядя. Та самая картинка, которую показал нам Макс незадолго до своего последнего отбытия. Ах, ну поскорее бы это закончилось!

Страшный миг настал тогда, когда неподалёку от зарослей появилась одинокая испуганная фигура. Какая-то пожилая женщина, закутанная в излишне теплую куртку, нёсшая в руках целлофановый пакет с продуктами. Непонятно, как она нашла работающие магазины в столь страшный момент, но нас это не слишком волновало. Увидев женщину, Аня, кажется, осознала, что уже некуда тянуть — нужно действовать. Это стало понятно по неуверенному жесту, который она сделала в сторону злосчастного пакета.

Она не решалась — я чувствовала это. Её руки дрожали, она немного поджала губы, сию секунду скрывая страх. А жертва равномерно приближалась, ни о чем не подозревая. Она осторожно раздвигала ветви, и ее шаги становились все громче, отдаваясь зловещим эхом. Голуби продолжали полет. Мелкая птица, сидевшая на ветке, чуть повернула голову в нашу сторону и защебетала ещё громче.

«Решайся!» — мысленно подбадривала я, но Аня, конечно, не слышала.

Башни Предьядя проявились на коре нечёткими образами, словно начав возникать из каких-то далёких и неведомых глубин. Лес вмиг стал другим, совсем другим — высоким, мрачным, опутанным вязкой кисеей неизвестности. Корявые пальцы провели по моему плечу, отчего я вздрогнула, невольно попятившись. Нет, это не пальцы — всего лишь ветвь, колышавшаяся от дуновений ветра.

Антон взял меня за руку, пытаясь успокоить, а Аня решилась... Схватив нож, она резко сорвалась с места. Стремительным движением подбежала к женщине и, воспользовавшись замешательством жертвы, воткнула нож ей в горло.

Женщина слегка покачнулась и, не успев издать даже звука, рухнула наземь, истекая ручьями крови. Белая куртка вмиг стала красной. Из горла послышались какие-то хрипящие, свистящие звуки, от которых все внутри меня словно сократилось в упругую пружину. Я крепче прижалась к Антону, стараясь не думать ни о чем, кроме Предьядя.

Судорожное предсмертное бульканье, отдаленный треск пламени, вопли — все словно смешалось, слившись в единую картину кровавого безумия. Только птица, важно восседавшая на ветке, спокойно чирикала. Кажется, ей не было абсолютно никакого дела до людей.

Когда мы, наконец, приблизились к Ане, она выглядела ужасно бледной. Словно ещё немного — и она сама упала бы рядом с поверженной жертвой, задавшись кровавыми всхлипываниями. Её глаза потускнели, на лице засела странная тень, губы были сжаты в тонкую полоску. Она молчала, похоже, опасаясь что-то произносить. Но мы не нуждались в словах: мы и так все прекрасно понимали.

Я уже видела жуткие башни, выраставшие из мглы. И лес, и тропы, и мрак. Вечный мрак, обитающий в каждом уголке загадочного места. Тот самый, что отделял человеческие земли от владений нечистых.

Жестом приказав нам действовать, Аня распласталась на колючей траве. Её бессмысленный взгляд скользнул в сторону толстобочных туч. Волосы безжизненно рассыпались. Пальцы набрали маленькую охапку земли и крепко сжали её: наверное, это как-то помогало ей расслабиться, а может, скоротать время. Анна уже явно поняла, что ей пришёл конец. Хотя страх все ещё метался в её глубоких голубых глазах.

Мы достали ножи и осторожно подобрались к жертве, готовясь сотворить неминуемое. Предьяде, Предьяде, только Предьяде — ничего больше. Никаких сторонних мыслей —

иначе все будет провалено, иначе ни в чем не повинная женщина погибнет действительно напрасно.

«Жаль эту женщину», — на миг подумалось мне, ощутившей какой-то неприятный осадок в душе.

Однако эти мысли тут же заменили другие, более тяжёлые и мучительные. На меня нагрянуло полноценное осознание того, что я планировала сделать совершенно безропотно, как банальную детскую шалость. Я должна была поучаствовать в расчленении живого человека. Это звучало дико, страшно и безысходно — и я почему-то внезапно решила, что так не будет. Если это и сделает кто-то, то точно не я, точно не на моих глазах. Мне не нужно Предьядзе, не нужна война с чертовыми голубями, не нужно безумие — я хочу сидеть в уютной квартире, радуясь относительной безопасности.

Антон уже поднёс лезвие к шее Ани, готовясь нанести сокрушительный удар. Но я отпрянула. И начала тихо отступать назад, делая небольшие шаги и боясь остановиться. Почему-то в моем друге мне внезапно почудился кровожадный маньяк, который искал очередную жертву, и внутренний голос приказал бежать. Как можно скорее.

Паника крепкими тисками сжимала горло, я тяжело дышала, сердце снова билось с невероятной скоростью, отдаваясь в голове звонкой пульсацией. Кажется, я медленно сходила с ума. Кажется, мне пора было действительно обратиться в психиатрическую больницу...

Голуби, голуби, голуби! Тук-тук, тук-тук! Курлы-ы-к! Курлык!

Я не видела ничего, кроме руки, осторожно взявшей меня, но не потащившей к жертве. Голос Антона принялся ласково уговаривать, но мне не хотелось слушать — мне хотелось только бежать, как можно дальше. Ноги неприятно ныли, отчаянно желая унести меня от запятнанного кровью места, где только что произошло и вот-вот должно было произойти безжалостное убийство.

— Нет. Нет и ещё раз нет, — срывающимся голосом произнесла я, не видя ничего перед своими глазами. — Ни за что.

Оружия в руках уже не было: я его невольно выпустила, ощутив мощный панический порыв. Теперь я стала беззащитной, снова беззащитной, как тогда, когда меня сделали рабыней. Но мне уже до этого не было откровенно никакого дела. Бежать! Срочно бежать!

— Я... Я тоже не хочу, но мы д-должны это сделать, — с запинками пролепетал Антон. — Конечно, я это могу сделать сам, но тогда ты останешься совсем одна, в окружении голубей. В городе сейчас не менее опасно.

Но я упиралась, не собираясь совершать деяние ни при каких обстоятельствах. В моей груди вновь всколыхнулась волна гнева, правда, не настолько заметная, как страх, всепоглощающий, ослепляющий, затмевающий разум. «Пусть делает сам. Мне плевать. Я в этом не участвую», — говорил мне внутренний голос.

Неожиданно в сгущающемся тумане послышался голос, принадлежавший Ане.

— Скорее! Он рядом! — закричала она.

Я обернулась и тут же судорожно вскрикнула, вцепившись в Антона. К нам, грациозно лавируя полыхающими крыльями, щёлкая кривым уродливым клювом, опускался огромный голубь. Горящие глаза, мерзкий запах и жар. Кажется, голубиный главарь... Он был рядом, совсем рядом.

Забыв обо всем, я глубоко вздохнула, чётко представила фотографию и двинулась за Антоном.

Рука сама подняла валявшийся в траве нож и несколько раз глубоко-глубоко вонзила его в живую плоть. Свежая кровь потекла по ладони, обжигая кожу, но, ослеплённая безрассудной паникой, я уже не обращала на это внимание. Не знала я и то, какой части тела лишила свою жертву, наверное, тут же беспорядочно задёргавшуюся в безумной предсмертной агонии. Кажется, кровь брызнула мне в лицо. Попала на губы, чуть капнула в рот...

Я рефлекторно обтерла кровь и, поддаваясь прежнему порыву безрассудства, как можно чётче представила Предьядьё. Башни с треугольными вершинами, серая обветшавшая каменная кладка, многочисленные окна, обрамлённые наличниками, массивные двери, арки, колонны. Широкий лес с корявыми черными, словно обуглившимися, деревьями. Тоненькие тропы, пересекающие заросшие массивы. Мрак.

И вот, когда изображение, казалось, стало особенно ярким, все поползло перед моими глазами. Звуки остались где-то позади, обратившись смутными обрывками.

Глава 25. Это привкус ада?

Когда перемещение сквозь пространство закончилось, я обнаружила, что стояла в какой-то клейкой почве. Ноги частично увязли, джинсы были неизбежно испорчены. Что-то чмякало под подошвами, но я не могла заставить себя посмотреть, что именно.

Мне было слишком страшно. Страх наливал мою голову пусть неосвязаемой, но такой же тягучей холодной жидкостью. Я ничего не видела, кроме мрака, — возможно, и вовсе ослепла. В голове что-то отчаянно пульсировало, а по рукам горячими струйками стекала кровь. Кажется, я невольно превратилась в маньяка...

Последняя мысль навязчиво крутилась в голове, заставляя меня в ужасе содрогаться. Поверить, что я только что убила человека, с которым, к тому же, неплохо общалась, было невозможно. Разум упорно отрицал назойливые слова, мысли смешивались в кашу. Таковую же вязкую и склизкую, как и почва под ногами.

Немного придя в себя, я распахнула глаза и осмотрелась. От вида окрестностей, простиравшихся вокруг, что-то заныло в моей груди. Недавние воспоминания начали обретать пугающую чёткость.

Чьи-то невидимые зубы словно впились в моё горло, заставив сердце биться в поистине безумном темпе. Теперь я окончательно поняла, что все это случилось со мной не в кошмарном сне — наяву. И в совершенно адекватном состоянии.

Я не была пьяна ничем, кроме паники, не курила, но почти спокойно убила живую душу. И плевать, что в это дело был вмешан дьявольский голубь! Да, своим появлением он заставил меня убить, но разве это было оправдание? Разве это как-то могло объяснить мой на редкость гадкий поступок?! Нет.

Голос совести, резко пробудившийся в голове, казалось, начал разрывать меня на части. Ощущая, как горят щеки, я стояла на месте, не в силах сдвинуться. Время не ждало, но до этого мне не было дела. Я совершила страшное, я преступница, я тварь! Я оставила на себе чёрное клеймо, которое уже ничем не стереть и не свести.

Я нервно сглотнула, уставившись затуманенным взглядом на грубое переплетение ветвей. Во рту появился неприятный солоновато-горький привкус — наверное, таков вкус крови, когда её действительно много, подумалось мне. А может, это привкус ада?

Тёплая ладонь Антона, почему-то не запачканная кровью, коснулась моей руки. Я подняла голову и посмотрела в его серьёзные глаза. Он был хмур и задумчив, но, похоже, уже ничего не боялся. Может, и мне следовало перестать?..

Неровные тени, ниспадавшие с деревьев, плясали по его лицу. Рассматривая их, я рефлекторно поёжилась. Во флюоресцентном белом свете, который исходил из самого пространства, они казались особенно жуткими.

— Мы в аду? — тихонько спросила я, тщетно пытаясь подавить зябкую дрожь. Меня морозило, словно от высокой температуры. Но это была не болезнь — я точно знала. По крайней мере, не физическая.

— Ну, почти... — многозначительно протянул Антон, начав левой рукой непринуждённо играть с моими волосами.

Зашелестела бумага, и в руках парня появился мятый лист с картой и координатами пресловутого дерева. И всё-таки, кому только могло прийти в голову — прятать оружие в дупле?!

Мелкий почерк Макса в световых всплесках резанул мне глаза, вновь навеяв пугающие мысли. Это Максим сподвиг меня на убийство. Это он — главный виновник моей душевной боли!

— Дорога неблизкая, — безрадостно заметил Антон.

Он свернул бумажку и ещё ближе подобрался ко мне. Его взгляд скользнул по моему телу, и, не понимая, почему, я невольно улыбнулась. Хотя внутри мне было совсем не до улыбок.

— Не бойся. Самое страшное мы уже, можно сказать, прошли. — Он обнял меня, пытаясь успокоить.

Кажется, хватка зубов, грызших меня изнутри, начала ослабевать. Меня по-прежнему трясло, мне было необъяснимо холодно, но теперь все тревожные мысли затмило другое желание. Удивительное желание!

На какой-то миг я словно забыла о тропах, рассекающих зловещий лес на несколько частей, и о башнях-копьях, и о тумане, и о голубях. Я подумала о доме, который в тот момент не просто находился в другом городе — скорее всего, в другой реальности. И стало легче.

Погрузившись в себя, я не заметила, как наши объятия стали крепче. Руки Антона мягко коснулись моего лица, наши взгляды снова встретились, замерли, утонули друг в друге — и что-то внутри меня затрепетало. Тягучий страх отступил, а на смену ему пришло другое, приятное и, пожалуй, сладостное чувство. Уютное тепло мягкими волнами захлестнуло боль и ужас.

Небольшой рывок — и наши губы соприкоснулись в чувственном поцелуе. Забытьё стало сладостным и уже не давило на меня — наоборот, появилась воздушная легкость, словно я внезапно оторвалась от земли и полетела в неизведанные дали. Впрочем, дали и вправду были неизведанными — по крайней мере, с Антоном.

Какой-то терпкий, пьянящий привкус вскружил голову, и меня посетила странная мысль. «Это привкус ада?» — задался вопросом внутренний голос, когда, ощущая все тот же манящий трепет, я немного отстранилась от Антона.

— А это было здорово! — воскликнула я, глядя в сияющие глаза друга. Даже несмотря на грядущие испытания, он беззаботно улыбался. Улыбалась и я, словно глупая школьница, которой учитель предложил тайно встречаться.

Не улыбалось только Предъядье. Оно хмурилось и смотрело на нас многочисленными глазами-башнями, застеленными, но не ослеплёнными пеленой тумана. Карта, которую Антон вновь развернул, тихонько шелестела. Почва чмякала, чавкала и приглушённо булькала...

Глава 26. Ни пташек, ни крошек, ни скамеечки

Странный запах напаявал прелый воздух, что-то негромко поскрипывало, гармонируя в такт с монотонным шелестом бумаги. Густые, словно сотканые из неровного кружева тени плясали на отсыревшей почве. Лес простирался впереди и казался бесконечным; где-то в клубящемся тумане проступали остроконечные вершины башен, увенчанных зловещими куполами. Когда я смотрела на фото, у меня создавалось впечатление, будто в этом месте башни заменяли небо. Сливались в неровный узор, создавали зрительный обман. Казалось, что они — высшая точка; неба нет — вместо него только увесистые купола и вершины высоких деревьев.

Я немного ошиблась: неба в Предьядье действительно не было, зато туман не только расползлся по земле, а буквально стискивал пространство, смещая его и сжимая, словно на карте или проекции. Неровно. Раздражающе. Я думала, что ещё немного — и у меня начнутся галлюцинации. Или уже начались: уж очень кривой, корявой, неестественной казалась местность.

Антон же спокойно продвигался вперёд, следуя за подобием карты. Более того, он как-то ориентировался в тумане! Если бы у нас было время, я бы непременно попыталась выяснить, как у него так получается. Но часы не останавливали своего хода даже в Предьядье, стремительно уносясь вперёд, оставляя позади секунды и мгновения. Поэтому я покорно шагала за спутником, полагаясь на его умение разбираться с местностью. С этим у него должно было быть всё в порядке: раньше он никогда не подводил. По крайней мере, в обычном мире.

Прислушиваясь к монотонному чавканью почвы, я сохраняла спокойствие и сама удивлялась, как мне это удавалось: только что не знала, куда себя деть, чтобы справиться с затуманивающей разум паникой, а теперь была почти невозмутима. И абсолютно готова к испытаниям, даже если в них пришлось бы биться с голубями в их демоническом облики.

Сердце стучало ровно, руки не дрожали, голова не клонилась от тревожного внутреннего звона. Только глаза побаливали от странных форм окружающих предметов и где-то в груди порой вспыхивала чуть заметная искорка негодования.

Преодолев некоторую часть леса — по правде говоря, я плохо понимала, какую — мы вышли к небольшой роще, застеленной всё тем же туманом. Корявые деревья неровным полукругом выстроились около клочка размякшей земли и периодически странно подрагивали, несмотря на то что ни о каком ветре в глуши и речи быть не могло. Если он там и существовал, то только вызванный неестественный путём — например, голубиными крыльями, рассекавшими вязкий воздух. Впрочем, думать об этом решительно не было времени. Наше внимание привлёк странный звук, напоминающий шелест перьев, и посторонние мысли пришлось отбросить. Я кинула мимолётный взгляд в сторону куполов и, заметив смутные силуэты, в напряжении замерла на месте. Голуби — быстро догадалась я, а затем сделала жест Антону, пытаясь намекнуть, чтобы он спрятал листик с координатами куда-нибудь подальше. Пташкам совсем не следовало знать о нашем присутствии в их обители, а тем более — о цели, с которой мы в неё нагрянули. Заветной бумажки им тоже видеть было нежелательно.

Уловив мои намёки, он забросил листы в карман. Я слегка улыбнулась и хотела подобраться к другу немного ближе, но тут же замерла: в этом месте, напоминавшем рощу,

почва была особенно вязкой. Она походила на склизкую переваренную кашу, на тягучую массу, в которой в быту утопала посуда. Или беспощадную к путникам болотную топь. Точно! Топь. Именно топь, безжалостную и гнилую.

Антон крепко схватил мою руку, пытаясь выволить меня из болота, но и сам увяз. Наверное, мы смотрелись забавно и, будь это игрой, заливались бы беззаботным смехом. Однако с развлечениями это не имело ничего общего.

Земля под ногами расходилась и вдавливалась, обращаясь болотом; деревья кренили свои ветви, корявые, дуплистые. Что-то двигалось и подступало со стороны башен. Странное приближалось, неведомое подкрадывалось к нам. Но я не боялась. Я ничего не боялась, словно находилась не в Предьядье, а дома, словно всё, что происходило вокруг, было только сном. Сном. Сном! А может, это — и вправду сон? Может, нет никакого Предьядья, нет демонических голубей, сметающих и порабощающих человечество? Есть только милые курлыкающие птички и хлебные крошки. Есть мир, солнце, жара, есть скамеечка, потонувшая в прохладной древесной тени, на которой я, уставшая от тяжёлого дня, решила немного передохнуть и задремала. И увидела бред, странный, абсурдный.

Почва вновь зачавкала и забурлила, принявшись особо интенсивно утягивать нас в адскую чернь. Антон крепко держал мою руку, пытаясь выволить меня из топкой жижи, но, кажется, тщетно. Потому что вряд ли из неё имелось спасения. Потому что позади багрянцем пылала кровь, а впереди зиял ад, неведомый, неизученный. Только ад. Ад, охраняемый вооружённым полчищем голубей-демонов, что принялись уже изгонять из своих владений нежелательных гостей.

Нет! Не будет милых пташек, не будет скамеечки, затерянной в тени, не будет солнца и крошек, потому что это не сон, а явь, потому что мы действительно совершили непоправимое деяние и очутились почти в аду. Проникли в обитель страха и ужаса с фосфоритными куполами, венчающими громоздкие башни, и зыбучими топями.

Топь утягивала наши тела и разумы, топь звала нас, заманивала к воротам. Наверное, она хотела пропустить нас, но не к деревьям, не к знаку и оружию, не к таинственному замку, схваченному голубиным пламенем, а в ад. Только в ад. Больше никуда. Кажется, мы должны были погибнуть, захлебнувшись болотной жижей и очутившись в аду. Осознание нагрнуло на меня внезапно, резко, стремительно.

Все преступники, обделённые властью и именем, попадают только в ад. Предьядье — для демонов и элиты. А люди уходят. Людям нет ни места, ни дороги, ни пути. Только врата, поскрипывающие невидимыми петлями, плавающие в голубином пламени.

Болото было почти по горло. Антон уже не держал меня, потому что не мог физически, ибо захвачен был топью, обитавшей на каждом маленьком участке жуткого места.

А тропы вились змеями, закрученными, зловещими. Зазывали и утягивали нас, схватывая, поглощая, погружая. Уже сдавшись, я застыла на месте, послушавшись адскую силу, почти смирившись с тем, что скоро меня не будет, скоро я окажусь в аду...

Нет, буду. Оптимистическое упорство внезапно нахлынуло на меня, заставив вырываться, резко, отчаянно. Подтолкнуло бороться за каждую секунду жизни — как своей, так и друга, уже предавшегося тягостному унынию. Наверное, он боялся или не понимал. Или покорился чарам Предьядья — что было неудивительно, совсем неудивительно. Его глаза угасли, яростный азарт исчез, бесчеловечная маска сковала скулы и губы. Он не двигался, не сопротивлялся булькавшему болоту. Топь давила и утягивала, подбираясь к лицу, пытаясь забраться в дыхательные пути. Жажда погубить и унести в ад.

Отвратительное болото! Отвратительное место! Отвратительный запах и атмосфера.

Но я знала, что должна выбраться, я была как нельзя точно уверена, что мы спасёмся, мы не попадем ад. Мы вернёмся домой. Причём успешно выполнив тяжёлую миссию.

Я судорожно принялась строить план, но мои мысли внезапно прервал хриплый голос, адский, потусторонний. Он доносился со стороны замка. Он был удивительно громким, словно говорящий использовал рупор или какой-то магический усилитель голоса. Голос будто разрывал пространство, разрезая его и размежевая, образуя в земле трещину, стремительно затягивавшуюся болотной жижей.

Речи заманивали нас в болото, покорно сопровождали ко дну. Особенно Антона. Впрочем, вряд ли на него действовал голос — скорее чары Предьядье, наводящие невыносимую тоску и уныние. Он был печален и бледен, он не хотел выбираться, и какой-то миг мне даже подумалось, что он жаждал утонуть, сдавшись перед болотной топью и демоническим гневом.

— И да свершится великий суд над жалкими предателями! Над наивными, беспомощными дилетантами, не сумевшими оправдать своё великое призвание. И да развернется адское чрево, поглотив в себя остатки их окровавленный перьев. И да погаснут навеки пылающие очи их. И да падут их беззащитные головы в пучину преисподней!

Откуда-то донеслись странные звуки, напомнившие мне звон колоколов. Колокола. Церковные колокола! Неожиданно меня словно осенило: я вспомнила слова Максима о том, что Предьядье читает наши мысли, Предьядье видит нас насквозь, Предьядье ощущает нас. Значит, оно могло понимать наши мысли. А церкви обычно отпугивали демонов. Не голубей, конечно, но различных омерзительных тварей, вспенивающих адский котёл.

А ведь эта топь — тоже почти адская тварь, причем, наверное, не такая сильная, как демоны-голуби. А это значит, что её можно было отпугнуть.

Расслабившись, я принялась представлять прекрасное поле, усеянное изумрудной зеленью, яркие солнечные лучи, блестящие, играющие, пляшущие вдоль полян и несуществующих цветочных изгородей. Озаряющие мирную землю. Поле и цветы. Густо пахнущие цветы и травы, окаймляющие небольшую церквушку с выбеленными стенами, ослепительно-золотыми куполами и мастерски выделанными вычурными витражами. Мир и добро. Свет и святость. Любовь и защита. Я крепко сжала руку Антона, представляя образы как можно ярче и красочнее, стараясь проработать каждую деталь, каждую границу, каждый контур. Похоже, рождалась надежда.

«Вы не победите, вы никогда не победите, адские твари!»

А зловещий звон замка с неистощимой мощностью разрежал воздух; голос, гипнотизирующий разум, стремительно наполнял наши головы. Мы не понимали, что означали те речи, но невольно желали им следовать и подчиняться, покоряться и слушаться. Это был язык демонов? Голос мрака? Шёпот адских созданий, окружающих пресловутые врата?

Неожиданно почва задергалась, словно что-то живое, наделенное душой. Душа. Неужели у этого места была какая-то душа? А впрочем, возможно: душа чёрная, изувеченная, исковерканная, испепелённая голубиным пламенем. Возможно, это душа имелась, и теперь она мучилась, не способная выдерживать на себе положительной энергии.

Впрочем, она не голодала. Она ощущала и негативные эмоции Антона, что питали её, поддерживали, давали ей силу. Что позволяли ей сражаться с моими добрыми надеждами и намерениями, ловко обороняясь от невидимых световых потоков.

Кажется, Предьядье всё отчаяннее схватывало энергию Антона, выедавая радость и силы, засевая холод и уныние. Похоже, он становился слабее: когда мы только пришли, он был совсем другим, стремительным, деятельным, гонимым жадной яростного возмездия. А теперь стал унылым и флегматичным. Растерянным, угрюмым и подавленным. И явно не хотел ничего, кроме как стоять на месте, бессмысленно вглядываясь в километры тумана.

А может, часть негативных эмоций, которые испытывала я, осознавая убийство, вместе с поцелуем передалась и ему? Бред. Глупость. А возможно, что и нет. Может быть, оно и было так: это ведь Предьядье, место, отделяющее землю и ад; жуткие края, питающиеся эмоциями и талантливо играющие на человеческих страданиях.

Игра, всего лишь игра. Милая, словно детская шалость, безвинная и беззаботная игра. Игра с чувствами и эмоциями, мыслями и намерениями, игра с человеком, как с марионеткой, пляшущей на тонкой веревочке, с жалкой куклой, вынужденной идти на поводу у каких-то птиц, пусть и располагающих демоническими крыльями. Нелепица! Безумие!

Я глубоко вздохнула, продолжая сильную личную битву. Думать о хорошем. Думать о чём-нибудь светлом и радостном, добром и беззаботном, светлом, веселом, наивном. Думать о спасении. Надеяться на скорейший выход и освобождения мира от голубиногo пламени, губящего ни в чём не повинных жителей...

— Думай о хорошем! — громко завопила я, стараясь перекричать окружающие звуки, громкие, пронзительные, режущие. — Антон, не думай о плохой! Не думай о том, где мы, что нас ждёт впереди. Ни о чём не думай. Только представь что-нибудь светлое вроде неба, дома, мамы... — но на последних словах я осеклась: едва ли мысли о матери принесли бы ему удовольствие. Скорее всего, он всё ещё страдал и мучился, тосковал и горюнился. Вряд ли окончательно оправившись от тяжкой потери, боли и скорби.

Его матери с нами не было, относительно давно не было. Потому что её убили голуби. Потому что она стала несчастной жертвой пламенеющих птичьих крыльев, с нещадной силой обрушившихся на её незащитную голову. Кормом. Добычей, не успевшей спастись.

Она стала, но её сын не станет — я старалась предвидеть это, тщательно, упорно, затруднительно. Пыталась верить, что мы спасемся, мы уйдём, выберемся, добыв оружие. Закончив наше дело. Я должна была в это верить!

А о матери Антона, так нелепо погибшей, наверное, думать не следовало. Потому что она уже находилась в мире далеком и неизведанном, сумрачном и безвыходном. Не стоило о ней вспоминать, расковыривая раны: она осталась в прошлом, далеком, красивом. Или всё-таки стоило?.. К счастью, мне этого было не понять.

От моих слов выражение лица друга переменилось, подернувшись тоской и грустью, однако совсем не теми, что навевало Предьядье. Он стал живее. Бледность окрасилась, в глазах заиграли тусклые огоньки. Кажется, его былой азарт начинал понемногу возвращаться — это радовало!

Глядя на Антона, я теперь чётко осознавала, что он ещё не умер, что он находился со мной. Он был рядом. Близко. Не в аду.

Предьядье наслаждалось болью и жадно заглатывало её, Предьядье чувствовало весь негатив, но, судя по всему, больше не ослабляло моего спутника. Не наполнялось опасностями. Не пыталось уничтожить нас, утопив в болоте или испепелив в голубином пламени.

— Думай о хорошем, думай о хорошем! — продолжала срывать я.

Тем не менее почва зловеще булькала и чмокала, а воздух вздрагивал от лязгающего звона таинственных колоколов, аккомпанировавших адскому голосу. Который зачитывал какой-то приговор. Неверное, смертный приговор, оглашавшийся на великом суде наказуемым, не пожелавшим переменить свою сторону в течение десяти лет человеческой жизни.

Великий суд начался, великий суд осуществлялся. Толпы воинственных демонов заседали под стенами каменных дворцовых сводов, увеча и мучая собственных сородичей. Демонов-голубей. Голубей-судей и палачей, голубей-вершителей, голубей-мучителей. Созданий, от одних мыслей о которых моя кожа невольно покрывалась мелкими мурашками.

Там, в этой мерзкой башне, в тот момент находился и наш друг Максим. Несмотря на то что я ничего не видела, я точно знала что он там, что он среди них — среди наказуемых и предателей, воспротивившихся воле ада. И, наверное, демоны уже готовы были опалить пламенем его перья, разорвать на части его клюв и голову, разбрызгать кровь по пространству. Свершить заключительный штрих расправы.

— Думай о хорошем.

Неожиданно лицо Антона озарилось новой искоркой жизни. Его глаза, яростно заблестев, широко распахнулись, замершие уголки губ подернулись. Кажется, внутри него закипала какая-то сила! Которая боролась с чёрной магией Предьядья. Которая отрицала обманчивые внушения, которая защищала от коварных демонических помыслов. Он боролся, он сражался, он оборонялся — почему-то я чувствовала это. Ясно ощущала каждой клеточкой тела.

Тем не менее во взгляде Антона читались удивление и растерянность; подобравшись немного ближе, он крепко сжал мою руку. Настолько крепко, что мне стало больно. Я хотела выяснить, в чем дело, и попросить, чтобы он немного ослабил хватку, но, уловив замороженный взгляд, почему-то сразу обо всём догадалась.

— Ты — источник моих позитивных мыслей, — лаконично произнёс Антон, словно озвучив мои предположения вслух. Правда произнес не совсем позитивно — но это имело обоснованные оправдания. В его состоянии вряд ли возможно было радоваться каждому дню и мгновению, каждой секунде и моменту. Он все ещё оставался удручённым, подавленным, измученным. Он всё ещё окончательно не справился с эффектами чёрной магии.

А я, оказывается, была источником светлых мыслей и надежд, защитой и оружием, маяком и попутчиком. Я могла спасти от грусти и апатии. Направить на нужный путь, избавить от тяготящей тоски. И даже помочь в страшной борьбе с силами ада, врывающимися в сознания.

Однако голос моего друга по-прежнему оставался равнодушным, незаинтересованным, безучастным — это не могло не волновать. Подсознательно я ужасно боялась, что он не сможет справиться, что в итоге поддастся силам ада. От каждой такой мысли что-то словно схватывало меня изнутри, скручивало, морозило. Предьядье. Конечно же, оно боролось, оно стремилось ухватиться за каждую тревожную мысль, как за спасительную соломинку. Кажется, ему не хватало сил и энергии, ему не доставляло пропитания. Светлых мыслей было слишком много. Светлые мысли боролись с демоническими силами, заставляя их истерично дёргаться. И искать спасение. Любое спасение! Поэтому нельзя было предаваться тревоге и панике ни в коем случае — даже если бы Антон принялся глубже погружаться в гнилостное чрево Предьядья.

Следовало думать о благих целях и надеждах, следовало представлять, что вскоре наша

планета навеки очистится от голубей. Мечтать и верить. Сражаться и не вставать вперёд.

Неожиданно по всей окружающей площади рассеялся свет, яркий, спасительный, животворящий. Рассекающий и вдавливающий почву, борющийся с потусторонними силами. Мы сотворили чудесное сияние, мы вызволили мощное оружие из глубин собственных разумов. Огонь позитивных мыслей и надежд, фыркнув, зажёгся; свет искренний идей и мыслей озарил земли ненависти.

Почва застыла и затвердела, образовав витую дорогу, что вела к нужному лесу. Если верить карте, нам оставалось совсем немного — мы должны были справиться, обязаны выполнить это. Несколько шагов. Несколько движений. Несколько незначительных мгновений, если только, конечно, дальнейшая дорога не приготовила нам ненужных препятствий.

Удивительно, но мы остались чистыми, незапятнанными, невыпачканными: почва не повредила и не очернила нас, не помутила и опорочила. Теперь ничего не было. Мы выглядели свободными, сосредоточенными, спокойными. А впереди раскидывался витыми тропами путь, зазывая и заманивая, беззвучно нащёптывая, что осталось совсем немного, совсем чуть-чуть. Препятствий не встречалось; все ярче вырисовывался туманный лес, пронизанный тенями и запахами. Окутанный загадками и тайнами.

Кроме того, почва смыла с нас следы убийства. Вычистила. Отдала грешной топи, придавленной нашими приятными мыслями и эмоциями. А мы смогли, мы сумели, мы сделали это — препятствие растворилось позади, первый шаг был выполнен. Теперь предстоял второй — добраться до дерева, стремительно, уверенно, без лишних приключений и испытаний.

Легко ли это? Просто ли? Быстро ли? Вряд ли. Судя по всему, добраться до леса не составляло труда — просто двигаться вперёд, не оглядываясь, не оборачиваясь, не отступаясь. Просто идти, следуя целям и намерениям. Упорно сверяясь с картой. Надеюсь на лучшее человеческое будущее.

Но голос! Адский голос, сотрясавший пространство, с неподдельным азартом оглашавший смертные приговоры. Он мешал и сбивал с пути, беззвучно подсказывая неверную дорогу. Пытался остановить нас. Жаждал вернуть назад, в адскую гущу, в болото, в топь. Голос и звон колоколов. Ужасный гипнотический звон, из-за которого мы шли очень медленно, покачиваясь, словно пьяные — опьяненные чарами Предьядьи.

Однако путь оказался недолгим, лёгким, беспрепятственным — удивительно! Дорога изящно обогнула корни и бугрища, дорога привела нас к дереву. Спустя несколько относительно спокойных минут мы уже коснулись его коры, испещрённой рытвинами и царапинами, высушенной до основания. Заветная кора. Чудесное дерево. Остатки таинственного сока, поблескивающие неестественными пятнами. И дупло. Небольшое дупло, внутри которого компактно лежал сундук, наполненный чем-то неизвестным, загадочным. Станным и заманчивым. Таинственным и притягательным.

Пытаясь добраться до сундука, я коснулась коры дерева, но сразу же отпрянула, потому что оно принялось распространяться, копироваться, множиться. Всё снова стремилось запутать и сбить с пути. Предьядьи оборонялось, не пропуская нас, глупых случайных путников, а потусторонний голос всё громче звучал из неизвестных глубин, заставляя невольно содрогаться.

Нельзя было стоять на месте, следовало действовать. Как можно скорее действовать: деревья становилось больше, трухлявые сучья и ветви множились и разрастались,

загораживая путь и сбивая с логики.

А мы в тот момент словно находились на островке, порождённом нашими позитивными мыслями и эмоциями, защищавшем от ужасающих сил Предьяды. В то время как всё расплывалось и утопало. Погружаясь в адское чрево, разбрасывая земельные клочья. Кажется, всё исчезало, всё пряталось, всё притаивалось. И только громогласно звучал страшный адский голос, сопровождаемый монотонными колокольными ударами.

Был ли выход? Было ли спасение? Имелось ли заклинание? Я принялась судорожно думать, с тихим ужасом оглядывая копирующиеся деревья. Которые уносились на многие километры вперёд в хаотичном множащемся танце. Которые делали нас бессильными и беспомощными, затерянными и запертыми. Нет! Я не должна была думать о негативе — иначе Предьяде бы непременно настигло меня, завладев моими намерениями и мыслями. Только о хорошем. Думать о хорошем, надеясь на позитив, не теряя надежды, стремясь вырваться вперёд. Биться с голубями и собственными страхами.

Неожиданно Антон, кажется, пришедший в себя, выставил нож и бросился к деревьям. Лес продолжал множиться и копироваться, мелькать и сплетаться, путаться. Но Антон был не так прост — когда он вонзил в попавшееся дерево, ничего не произошло, поэтому он провёл его глубже, пытаясь продырявить призрачную материю. И опять лишь рассёк воздух, абсолютно не навредив ни дереву, ни Предьяду, ни сумраку, ни чарам. Копия. Подделка. Фальшь. Похоже, мой спутник, как и я, сразу об этом догадался. Потому что, завидев неудачу, бросился к соседнему дереву, выглядевшему более четким и осязаемым, более ясным и очерченным.

Он делал это до тех пор, пока на одном из деревьев не появилась царапина. Прикосновение металла остановило копирование; деревья снова слились воедино, образовав массивное сплетение. По-видимому, они не реагировали на металл и понимали только прикосновения человеческой кожи — интересно. Металл оказался спасением, его удар раздвинул кору, открыв нашим взглядам дупло, глубокое, массивное. Скрашенное сундуком и таинственным сиянием.

Странная пелена, похожая на вуаль, скрывавшая дупло, лопнула от ножевого удара, и сундук чётко предстал перед нашими взглядами. Кто-то не слишком умело прикрыл святое оружие, кто-то не припорошил следы после преступления. Кто-то совершил глупость, не подумав, что, наверное, могли появиться и другие желающие добыть заветный ствол и совершить победоносный и славный подвиг. Не решил. Не рассчитал. Не подумал. Однако это уже было не важно.

Между тем, наивно посчитав, что сундук не защищён, я ошиблась: стоило нам схватить сокровище, как со всех сторон принялись наступать птицы, яростные, взбешённые. Голуби. Они летели к нам, перекрикиваясь и взмахивая исполинскими крыльями. Все ближе и ближе — рядом, в нескольких шагах. От них не получалось ни спастись, ни убежать. Как и топь, они жаждали погубить и отправить нас в ад, осуществив очередную кровавую казнь, но, разумеется, представляли большую опасность. Как минимум потому, что обладали осязаемой плотью.

Страх давящим комом подступил к горлу, голова снова закружилась, но я пыталась бороться, отчаянно, уверенно бороться. Думала «о хорошем», наивно полагая, что, может, это хоть немного остановит и птиц. Кажется, бесполезно. Потому что птицы не замедлялись, проявляя себя такими же стремительными и неумолимыми.

Словно очнувшись от временного помутнения, я внезапно осознала, что... летела

верхом на голубе! Они схватили нас, скрутили и посадили на собственные спины, похоже, решив разобраться с нами в стенах проклятого замка. Или сразу сбросить вниз. Чтобы накормить ненасытную почву или омыть пол человеческой кровью, создав дополнительное зрелище к картине мучительной казни.

Птицы выглядели озлобленными, птицы горели яростным клокочущим пламенем. Они определённо жаждали погубить нас, отправив напрямую в ад, — у тех, кто уже оказался в Предьядье, другого пути не было. Убить. Разорвать. Скинуть на граненый каменный пол, припорошенный костями и кровью невинных; сделать то же, что и со своими неугодными бывшими сторонниками, которые в тот момент упивались последним часом.

Они тащили нас к замку, пронося сквозь сжимавшееся и сплющивавшееся пространство; они кричали и дёргались, распространяя повсюду своё демоническое пламя. Страшное пламя. Губительное пламя, заживо сметающее все живое и дышащее, усыпляющее и умертвляющее в мимолётном движении.

Я не чувствовала ничего. Я крепко держалась за шею птицы, нёсшей меня вперёд, и невольно вспоминала страшный сон, некогда привидевшийся мне в машине Антона. В невинное время. В мирную пору. В спокойный период, когда мой друг отказывался верить в голубиное пламя, когда скептически насмеялся над моими идеями, когда никого не убивал. Птицы и птицы. Милые пташки, разгуливающие по площадкам! Ангельские творцы и посланники, неразрывное украшение мира. Тогда Антон наивно верил, что голуби — невинные птички, а теперь, наверное, сидел на спине пылающего курлыкающего чудовища, отчаянно хватаясь за перья. Их последних сил. Из ускользающих возможностей.

Я не знала, удалось ли нам сохранить сундук: кажется, Антон успел его забрать, но не выпустил ли? Не бросил ли? Не выкинул? Потому что, помимо сундука, его руки занимал нож. А я, например, свой нож выронила, поэтому теперь была абсолютно беззащитной, безоружной и беспомощной. И могла только перебирать горячие перья, скользившие по ладоням, проходившие сквозь пальцы...

Нож оказался в почве, утонув в клейкой жиже. Но это уже не имело значения. Я очень надеялась, что сундук всё-таки сохранился: он был не таким уж и большим, не массивным, не тяжёлым. Он не мог. Он просто не мог сорваться в непроходимую гниль, не мог окунуться в глубины топи, заглатывавшей всё, что попадалось ей на пути. Нет. Это неправильно!

Чувства смешались, слились, соединились. Что-то смутное охватило меня, захлестнув с головой. Голова кружилась, а перед глазами все плыло, обращаясь туманными образами. Я могла в любой момент упасть, сорвавшись с голубя, разбиться, погибнуть. Отправиться в ад. Переступить через границу мира и пламени. Спасения не было, спасение исчезло и осталось далеко позади; голуби тащили нас во мрак, сквозь леса и болота, сквозь собственные владения. Мы проигрывали. Теряли ценные минуты, лишаясь смысла и цели. Миссия стремительно проваливалась, сминаясь под тяжестью голубиных крыльев.

Окно. Одно из немногих окон, раскиданных по стенам башен; помещение, окутанное жестоким, безжалостным адским огнём, сметающим все живое. Именно туда внезапно залетели птицы, издав фирменный клич.

Голуби двигались дальше, огибая какой-то огромный, кажется, бесконечный коридор. Сделав несколько кругов, они опустились, спешив нас со своих спин. Странно — я думала, что они собирались сбросить нас на каменистый пол, раздробить на части, но, кажется, уготовили что-то другое. Другую гибель. Лучшую ли? Менее болезненную? Менее страшную? Вряд ли.

Они опустили нас, тихо, медленно, плавно. На пол того самого коридора, который мне некогда привиделся. Вещий сон. Предсказание. Тайнственное предзнаменование.

Тогда я посчитала все это обыкновенным бредом, но теперь осознала, что, похоже, сон был настоящим. Коридор существовал, коридор тянулся, расходился и разветвлялся на многие метры. Высокий и недостижимый, массивный и убегающий. Каменные стены отражали зловещие звуки, бесконечный потолок терялся в тумане и сумраке, двери поскрипывали и путались. Опасность приближалась, подбираясь и подкрадываясь. Клацая уродливым зловонным клювом.

Когда меня опустили, голуби разлетелись. Не было ни Антона, ни голубей... Я стояла посреди огромного узкого коридора, потолок которого был настолько высок, что скрывался в туманной дали. Гулкое пространство уходило вдаль, отчего создавалось впечатление, будто эти каменные стены бесконечны.

Вокруг царила крошечная темнота, тело сжимал подступающий приступ клаустрофобии, а звенящая тишина давила на барабанные перепонки. Промозглый холод, непроглядный мрак и редкие таинственные шорохи во тьме вряд ли означали что-то хорошее...

Только теперь мне казалось, что все не так страшно, что все поправимо. Я поборола тревогу. Я уничтожила панику. Оставила лишь воспоминания, приводящие в чертоги странного сна, где всю меня сковывал истинный, почти животный страх. Несмотря на то что во сне особых эмоций испытывать не принято. Как будто там все происходило наяву, как будто переносило меня в Предьядье, выворачивая его грани. Показывало новую, таинственную, неизученную реальность. Мир между землей и адом, обитель болот, лесов и демонов, убежище черни и порока.

А на пути между тем, как и во сне, появился обыкновенный голубь. Милая маленькая птичка, обычно с добродушным курлыканьем клюющая зёрнышки на городских улицах... Я была беззащитна и безоружна. Голубь мог убить меня и предать адскому пламени, разбить о колонны и камни, исчертить моей кровью стекла и своды... Все что угодно!

Во сне я дружелюбно позвала милую птичку, но наяву, разумеется, не собиралась совершать таких ошибок. Я тихо стояла на месте, наблюдая за уверенными величавыми движениями, выслеживая каждое постукивание клюва. Он мог в любой момент схватить меня и посадить на спину, скрутить и поднять вверх, обратиться, издать клич, но я уже не боялась. Несмотря на отсутствие оружия, я готова была к битве, страшной, кровопролитной, захватывающей. Морально и физически.

Голубь начал разрастаться и звать своих сородичей, обращаясь зловещей демонической птицей... Красные глаза его горели, как два угля, а от каждого взмаха крыльев по коридору разносился резкий тошнотворный трупный запах. На зов вожака отовсюду слетелось множество голубей, издававших kloкочущие звуки и яростно хлопавших крыльями, и я поняла, что еще немного — и они нападут, выключат мне глаза, расклюют лицо, снимут по кусочку мою кожу...

Голуби начали виться надо мной, их становилось все больше и больше. Теперь уже не только глаза, но и тела птиц загорелись, превращая их в неистовые живые факелы. От тех птичек, которых мы считаем безобидными милашками, не осталось и следа.

Бежать? Спасаться? Сдаваться? Не стоило, потому что это просто не имело смысла, следовало найти Антона, пленённого, скрученного, схваченного. Которого птицы куда-то унесли, забрали, спрятали. Или и вовсе убили! Последнее стоило срочно выяснить — иначе

меня можно было бы оправданно называть трусихой и предательницей.

Не стоять на месте, не рассуждать, а двигаться, наплевав на голубей и безоружность. Движение, ровное, спокойное, несуетливое — единственный вариант спасения. Ожидание и паника — неминуемая гибель.

Вдруг одна из птиц подлетела ко мне и... заговорила человеческим голосом! Бархатистый тенор голубя гулким эхом разнёсся по всему коридору, заставив остальных пернатых замолчать:

— Лиза, спасайся! Стражи ада беспощадны! — сказала птица очень знакомым мне голосом.

Спасаться? Значит, надо было всё-таки спасаться?

Медовый пол снова стал твёрдым, коридор очертился более чёткими контурами и границами, скреплёнными голубиным пламенем. Я могла бежать, быстро, суетливо, но я не должна была так поступать, потому что прекрасно помнила сон. Потому что слышала, как хрустит под моими руками голубиная шея, а внизу мечется грозными языками пламя, жажда схватить и обуглить моё беспомощное тело. Бегство или бездействие грозило гибелью, поклонение вело к рабству. Поэтому настала пора начинать, без лишних движений, без страха, без паники.

А голос принадлежал Максиму — теперь я точно знала это. Максим. Это был он. Его снова превратили в голубя, его привели к смертному часу. Кажется, суд уже почти совершился — но ненадолго прервался нашим появлением. Тем не менее казнь близилась, голубиное пламя подбиралось, играя и закручиваясь; выдавался последний шанс, последний миг, последнее мгновение, когда мы могли увидеться с другом! Но на разговоры решительно не оставалось времени.

Он пытался помочь мне, указав путь, силился спасти:

— Коридор налево, прямо, лестница, ещё один коридор направо — опять же иди прямо и увидишь выход! Там, стоя в дверном проеме, позови Эльвиру.

Грохот. Клокот. Зловещее рокотание, кажется, разрывающее Макса на части, разбрасывающее безжизненные перья. Я видела, как отлетали в разные стороны его перья, схватываемые демоническим огнём, как из огромной, устрашающей птицы он превращался в жалкое, ещё более уродливое создание. Не способное бороться со своими сильными сородичами.

Казнь ещё не началась, казнь была впереди и в пламени. Но его уже мучили в омерзительном коридоре. Его подвергали пыткам и увечьям, заставляя испытывать боли и терзания, высвобождая на его перьях порывы демонической ненависти. Его лишали последних сил, чтобы он не мог бороться.

А он взял и совершил последнее предательство — неожиданно! Кажется, он выдал мне значимый секрет, проговорил строжайшую тайну. Путь к выходу. Святое направление, в котором подсознательно мне ужасно хотелось рвануть. Но я стояла. Потому что мой друг находился в беде, смутной, неизвестной, сомнительной. Потому что я просто не смогла бы спокойно выбраться из голубиной обители, не выяснив, что сделали с Антоном, не попытавшись повести его за собой. К выходу. К спасению.

— Антон, где ты?! — отчаянно позвала я, затуманенно оглядывая своды коридоров. А голубей становилось все больше. Голуби летали и заполняли пространство, обмениваясь диким устрашающим кличем, на ходу обсуждая неизвестные кровавые планы. Голуби-убийцы. Демоны. Чудовища.

Неожиданно одна из дверей коридора распахнулась, и моим глазам предстал кусочек просторного холла с крепкими каменными стенами и облицованными мрамором сводами. Комнаты, где не было видно ни конца, ни начала. Зала, внутри которого на высоких пьедесталах, подчеркивающих величие, с важным видом заседали голуби. Словно короли, словно правители, словно властители мира, уже поработавшие землю, они что-то обсуждали гордым и величественным тоном. Казнь? Способ убийства? План жестоких действий?

Казнь. Скорее всего, это именно она. Последнее заседание голубиного суда, знаменующего расправу с ненавистными предателями. После которого мы окончательно потеряем Максима, уже истратившего все свои демонические силы.

Суд начался, когда мы боролись с почвой, и теперь распространялся, расширялся, встряхивая стены здания. Голуби становилось всё ожесточённее; они в бешенстве перекрикивались, то ли споря, то ли ликуя, то ли переругиваясь — по правде говоря, это меня не слишком волновало.

Я металась по коридору, не зная, куда податься дальше. Уходить? Спасаться? Или все-таки искать Антона, обречённого на беды и мучения?

Но все мои мысли прервал выстрел, гулкий, резкий, стремительный. Выстрел, немного заглушившей шум голубиной перепалки. Выстрел пистолета! Пуля обрушилась на одного из голубей, прорезав огненную плоть, оборвав и рассыпав изломанные перья. Кажется, голубь взвизгнул — и принялся обращаться пеплом, сухим, безжизненным. Беспомощное создание и жалкий комочек перьев, склеенных демонической кровью! Стремительно уменьшившись, он рухнул на пол, потерянно распластавшись на мраморном парапете. Победённая страшная птица, уничтоженный демон, сильнейшее создание, навеки отправленное назад, в ад, в преисподнюю. Возвращённое домой.

Всполошившиеся и разъярившиеся, голуби принялись с азартом перекрикиваться и переругиваться, спорить и перебраниваться. Их продуманный план был подорван и в крах разрушен. Потому что вряд ли это входило в изначальный замысел, потому что, скорее всего, заседание суда обычно проходило в мирных условиях.

Оружие, которое только что применил Антон, спасло нас, позволив выиграть время. Теперь следовало бежать, нельзя было тратить ни мгновения: секунды сыпались, сминая голубиные перья, проторяя дорогу. Бежать. Срочно бежать...

А между тем Максим, оказавшийся в эпицентре голубиного переругивания, сумел вырваться. И направился вдоль коридоров, зазывая нас вперед, за собой, к выходу.

Сердце отчаянно билась, кровь ударяла в виски, перед глазами растеливалась туманная пелена. Ноги подкашивались от усталости, не желая нести меня вперед; коридор плыл абстрактными контурами, смешанными с пылающими точками.

Но голуби были близко, голуби преследовали нас, подбирались вплотную. Ещё немного — и, несмотря на птичье замешательство, мы могли бы попасть в их лапы. Снова оказаться на спинах и перьях, снова повитать под сводами потолка. Только теперь не вернувшись на землю: стражи вряд ли уже изощрялись бы с методом наказания, решив сделать с нами то же, что и с людьми на человеческих землях.

Я не видела ничего. От скорости захватывало дух, птицы мельтешили перед глазами разноцветными черно-оранжевыми пятнышками. Дыхание сбивалось, заставляя меня периодически замедляться: я, никогда всерьёз не занимавшаяся спортом, не привыкла бегать. Тем более — бегать так долго. Тем более — спасаться от ужасающих монстров, с неудержимой яростью жаждавших наброситься!

Кажется, перья Максима осыпались, а на его теле образовывались раны, глубокие, болезненные. Но он продолжал лететь вперёд, указывая нам выход. А звуки клича периодически нарушили гулкие выстрелы, которые осуществлял Антон, когда голуби подбирались совсем близко.

— Зовите Эльвиру! Скорее зовите Эльвиру! — закричал Макс, пытаясь заглушить треск демонического пламени. Затем он добавил ещё что-то, кажется, важное, но этого я не услышала: рокот и клич оказались громче, гораздо громче.

Но вот — выход. Я крепко схватила за руку Антона, с яростным азартом сжимавшего оружие. Нужно было звать Эльвиру, настало время возвращаться из адского безумия. Возвращаться, пока голуби не захватили нас, пока не пронесли по свободам бесконечного здания. Пока не размазали наши головы о каменные стены.

Я принялась громко и чётко звать Эльвиру, ясно рисуя в воображении место, из которого мы отправились в Предьядье. Место гибели Ани, уголок моего деяния и порока. Ненавистные заросли. Захваченный голубями город.

Все закрутилось, начав темнеть и метаться в пространственным круговороте. Где-то гордо вскрикнул демон, а где-то болезненно застонало чудовище, измученное, истерзанное. Изувеченное собственными обозлёнными сородичами. Но ничего из того, что с ним сделали, мы не увидели. Потому что уже летели сквозь пустоту, отдаляясь от ужасного места, которое, кажется, ещё надолго обещало остаться в моей памяти...

Глава 27. Проекция

Я все ещё пыталась отойти от Предьядья, злобного, холодного, бездушного. От угрюмых стен замка и магии. От демонических воплей и стремительно приближающихся голубей. От всего, что с нами там произошло, что приключилось в неизведанных проклятых землях.

Это было странно, жутко странно, ненормально и безумно — кажется, мы немного сошли с ума, но цели добились, потому что заветный пистолет теперь был в наших руках. И даже помог нам. Без него бы мы просто не выбрались, без него не справилась бы с полчищами голубей, охраняющих крепость.

Конечно, должную благодарность следовало отдать Максиму, но его уже с нами не было. И не будет. Никогда. Они убили его, окутали кровожадным пламенем, спекли тело и оперение. Они отобрали у него все: жизнь, деньги, облик. Теперь он был в аду, далёком, неведомом. Или нигде. Потому что ад он предал, а других путей для него, демона, просто не существовало.

Но лично я гордилась им как минимум потому, что быть голубем — не лучшая перспектива. С тупым видом ходить по улицам, клевать первые попавшиеся зёрнышки, изображая безобидных созданий, когда с перьев стекают реки крови, — странно это. Странно и непонятно. Особенно для меня, к счастью, родившейся человеком, а не голубем.

Да и, наверное, не просто странно — мерзко и отвратительно. Сторожить врата ада, наблюдать за угасанием душ, жаждать захватить мир? Зачем это? Нужно ли это? Сомневаюсь. Лучше уж достичь чего-то стоящего в человеческих рядах, чем прозябать в загнившем Предьядье, строя абстрактные планы по захвату мира. Или на земле. Во дворах, парках и на центральных площадях. Последнее — так и вовсе верх абсурда и глупости, на которые только способно живое и мыслящее.

Но теперь Предьядья не было, Предьядье осталось позади вместе с вымощенными камнем колоннами и крепостями, вместе с деревьями, корявыми корнями и бездушными болотами. Мы стояли посреди комнаты, пустой, тёмной, просторной. Пропитанной пылью и непонятными запахами.

Антон все ещё удивлённо косился на пистолет, так ловко и внезапно выстреливший в голубя. Оружие стало тёмным и мутным, запятналось кровью и грязью. Но оно было с нами. Мы могли защититься от голубей! И теперь уже не страшно было возвращение в мир, борющийся с бездушной армией, утопающий в безудержной панике.

Комната. Пустая, неприятная, но, кажется, смутно знакомая. Внимательно осмотрев её, я ощутила, как едкий холодок скрутил меня изнутри, словно чья-то рука принялась забавляться со всеми соками. И я вспомнила это чувство, вспомнила, где ощущала и осознавала его.

Совсем недавно, чуть больше недели тому назад, хотя в свете последних событий казалось, будто уже прошло больше года. Один из самых отвратительных, странных и мерзких моментов моей жизни. Рабство. То самое, куда затащили меня непонятные люди, то самое, из которого я сумела высвободиться благодаря Максиму, его отваге, умениям и навыкам и о котором старалась больше никогда не вспоминать. Как о сне. Глупом и кошмарном.

Мы стояли в комнате, пропитанной запахом гнили и падали, где некогда я очищала таинственные котлы от кусочков голубиных останков. Тогда я старалась и боролась с собой,

работала, превозмогая жуткую тошноту, и выполняла сомнительные указания. Я унижалась.

Все те же облезлые стены стискивали пространство, те же прогнившие дырявые шторы едва прикрывали окна огрызками прожженных тканей. Ветошь гуляла по каждому уголку, каждому участку. Тусклый свет озарял редкие пятна на полу и стенах, создавая ощущения недопонятого сновидения.

Котлов не было. Ни одного. Не осталось ни следов, ни пятен, ни знаков. Словно кто-то специально спрятал их, утащил, убрал, скрыв ненужные улики. У меня промелькнула мысль, что, может, эти твари почувствовали, как мы возвращались из Предьядя с оружием, и решили поскорее притаиться где-нибудь, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Но тут же улетучилась: они все были людьми. Обыкновенными людьми. Такими же, как и мы с Антоном, как и жители стремительно погибающих городов. И, конечно, не могли чувствовать сверхъестественных символов.

— Интересно, где мы? — тихо протянул Антон, хмуро вглядываясь в расплывчатые контуры.

Свет бегал по его лицу, свет освещал черты и отражающиеся в них эмоции, являя их в искажённом виде. Он все ещё был угрюм и бледен. Он все ещё отходил от того, что случилось с ним в Предьяде, что чуть не забрало его жизнь. Топь негативно подействовала на него, сделав бледным, безучастным и безжизненным — честно говоря, в приглушенном свете лампы это создавало пугающее впечатление.

— Уж я-то знаю, где мы, поверь. — Я поморщилась, с отвращением глядя в угол, где когда-то стоял сосуд с голубиными внутренностями.

Гадкий дом. Как же мне не хотелось в него возвращаться, снова стоять на выеденном гнилью и ветошью деревянном полу. Но теперь нас туда вынесла загадочная сила, принадлежавшая некоей чёрной колдунье, с которой приятно общался ушедший Максим.

А Макса... Макса жаль, все-таки! Он был хорошим товарищем, смелым, отважным, решительным. Он не раз спасал и выручал нас, в том числе и на своём последнем пути. Он готов был биться до последней исчезающей капли, чтобы защитить мир от апокалипсиса и демонов, чтобы избавить его от этой тяжкой и непосильной ноши. Жаль. Несмотря на то что он был демоном, родившимся голубем. Все равно грустно. Потому что он успел стать нашим другом.

— И где же? — Антон принялся с усталым видом оттирать пистолет от нелицеприятных пятен.

— На окраине С, в каком-то бараке. Я тебе, кажется, уже рассказывала, что здесь со мной делали...

— Почти верный ответ. Но немного ошибочный, ибо все, что видите вы вокруг себя, — лишь иллюзия. Злая и жестокая. Но, замечу, появившаяся по вашей же вине. Небольшая неудача! Какая жалость! Все выходило замечательно, все способствовало вам. Но вы упустили свой шанс. — Из-за штор возникла фигура высокой и худощавой женщины лет тридцати, облачённой в длинное чёрное платье. Пышные волосы, кажется, выкрашенные в несколько цветов, небрежно спадали на некрасивое лицо с высокими скулами, небольшим, но крючковатым носом, средней толщины губами и огромными, словно удивлёнными глазами. Глазами, сверкавшими злобой и безумием.

Губы растянулись в многозначительной ухмылке, глаза с оживлённым интересом наблюдали за каждым нашим шагом, каждым действием. Мне тут же подумалось, что, может быть, эти глаза были

единственным живым объектом на ее безжизненном лица. Скванной маске. Потускневшей статуе.

— Неудача?! — Антон неприязненно покосился на незнакомку, но тут же отвернулся, не сумев выдержать ее дикого взгляда. Она словно чувствовала каждое стремление, каждую мысль. Чувствовала и фиксировала, медленно гипнотизируя нас.

— Да, неудача, — равнодушно повторила неизвестная, чуть заметно поведя бровями. И снова это холод, жгучий, сковывающий, неприятный...

— В каком плане? — Антон подозрительно прищурился.

— Ваше перемещение через пространство не удалось, потому что вы поторопились с использованием оружия. Это — особо опасный объект, здесь нужна особенная магия. А вы оказались слишком наивными и глупыми. Слишком доверчивыми и самонадеянными.

— Но это был единственный способ защиты от голубей. Иначе мы бы погибли, — растерянно произнесла я, ощущая, как уже было побеждённый страх вновь подступает ко мне леденящими волнами.

Мы сделали что-то неправильно, мы проиграли, мы не справились. Оружие было с нами, целое, заправленное. Неудача с перемещением — с нашим перемещением. Значит, мы все ещё находились в Предьядье, значит, мы по-прежнему стояли где-то среди вязких болот и пустошей, подступающих к главной голубиной крепости? Этого просто не могло быть. Я не понимала, не знала, не верила. Отказывалась верить. Не хотела оставаться в жуткой мертвенной местности, насквозь пропитанной злобой, тоской и унынием. Домой, верните меня домой!

— Это не мои проблемы. По договору я должна была вытащить вас, я вытащила, значит, свою часть прекрасно выполнила. Ошибка произошла уже по вашей вине. Вы должны были думать головой, прежде чем легко и самонадеянно отправляться в дальнейшее путешествие. Здесь нужна была магия, другая магия, более мощная, сильная, значительная. Которую я бы непременно применила, если бы вы немного подождали, если бы не рвались сломя голову вперёд. Если бы немного включили мозги, несмышленные! Мучайтесь, страдайте, но меня не вините — в этом деле я чиста и безгрешна. — Она изящно шагнула вперёд, потопляя нас в своих пустых глазах, холодных, бездушных. И, похоже, принялась с пробирающим торжеством вкушать наши страдания. Нашу боль и панику, наши безысходные мысли, наши подсознательные страхи и иллюзии — все, что только подворачивалось ей на пути. Казалось, что она была такой же, как та топь — бездушным созданием, разложившимся порождением Предьядья. Она явно чутко чувствовала, улавливая каждый звук, каждое мановение воздуха. И зачем мы только с ней связались?!

Странная, словно призрак, прозрачная, высокая, в тусклом свете и мрачной обстановке она выглядела особенно пугающе. Ее расслабленная непринуждённость напрягала, а от голоса к горлу невольно подбирался леденящий ком.

Судя по всему, ей ни до чего не было дела — кроме оружия, чудесного, заветного. Наверное, за ним она и пришла. Обман и ложь. Глупости и иллюзии. Но неужели она оказалась в Предьядье? Неужели проникла в голубиную обитель? Неужели прошла сквозь грань сущего и потустороннего?

А впрочем, она... Она могла пройти! Вряд ли она бы шелохнулась, убив человека, вряд ли задалась бы порывами жалости и сентиментальности. Была ли у неё душа? Имелось ли сострадание? Непонятно. Но совести, кажется, точно не было: по крайней мере сейчас у меня создавалось впечатление, что она могла убить сотни людей. Наброситься, повалить на

землю; обхватить за ослабленные плечи, воткнуть безжалостное лезвие, задавшись злорадным хохотом. И совершенно не испугаться судорожных кровавых всхлипов.

Пустой взгляд пронзил помещение, изящная фигура мягкими шажками передвинулась по залу. Страх снова подступил к моему горлу, отогнав позитивные эмоции, затмив ненужные образы и иллюзии. Я растерялась. Испуганно взглянула на Антона, надеясь поймать остатки уверенности, но уловила лишь апатию, вялую, тягостную. Похоже, оставшуюся ещё после болотных чар.

Тем не менее он крепко сжимал оружие, устремляя злобный и ненавистный взгляд на Эльвиру (определённо это была она!). Эльвира безмятежно улыбнулась.

— Судя по вашему виду, вы готовы убить и растерзать меня — интересно. Это было бы интересно, да, действительно интересно, если бы не один факт... Который я пока не буду вам говорить, чтобы хоть немного скрасить вашу скуку.

Я внимательно рассматривала Эльвиру, силясь понять, на что она пыталась намекнуть.

Призрак? Демон? Голубь? Голубь... Нет, вряд ли она была голубем: Максим бы нам сразу же это сказал. А впрочем, интересно, почему он сразу не сказал, что простыми заклинаниями здесь не обойтись, что стоило использовать нечто более сложное и запутанное — непонятно...

Или понятно. Потому что коридор. Коридор и птицы. Тогда, обвитый смертоносным пламенем, израненный, измученный, он пытался нам что-то сказать, переборов шум криков и переключки. Но я не услышала, не услышала совсем ничего, кроме голубей, бранящихся, суеющих. Пошла дальше. Я не поняла, что сказал Макс, подсознательно я хотела лишь спастись; приблизиться к выходу; уйти из ненавистного замка, сотрясаемого демоническими крыльями! Кажется, мы пропустили самое важное.

А все-таки, почему он не сказал нам это раньше, перед началом путешествия? Тянуть до казни — значило не сделать ничего. Тогда слова были пустыми, тогда слова ничего не значили, потому что проносились, подобно мимолётному ветру. Все детали следовало выяснить во время приготовления, не упустив ни единой подробности. А мы — наивные глупцы. Жутко самонадеянные, словно дети, малые, беспомощные.

И вообще, не надо было с ней связываться, не стоило заключать сомнительную сделку. Она не планировала ничего хорошего. Она просто не могла сделать ничего хорошего! Потому что по своей натуре оставалась нелюдимою и служила голубям. Не надо было идти у неё на поводу: она готовила какой-то план; она — не просто милая девушка, общавшаяся с беглым голубем, а истинная ведьма, ненавистница людей, социопат.

Она подходила к нам все ближе, и с каждым ее шагом все яснее становилось жуткое — не страшное, нет — именно жуткое, бессмысленное лицо. Безумный взгляд и надменная улыбка, потусторонняя бледность и блещущий жестокими искрами взгляд. И разноцветным волосы, которые на фоне бескровного лица выглядели неестественно, придавая ей особо странный вид.

— Вам, наверное, очень скучно, да? Я уверена в этом, — тихо заговорила она.

— Сейчас тебе будет очень весело. В аду, со своими голубями, — неожиданно процедил Антон, направив на Эльвиру дуло пистолета.

— Давай, попробуй! — оживилась она. Она вытянула руки и с театрально страдальческим видом предстала перед Антоном, словно готовая к смерти, словно потерявшая жизненные способности. Игра поначалу вышла убедительной: в голову мне невольно закралась мысль, что она всерьёз планировала покончить с никчемным

существованием. Бред. Скорее всего, она просто задумала очередную коварную проделку. — Давай, сделай это! Ты потратишь лишние пули, ты упустишь секунды, но убьёшь меня, представляешь, убьёшь! Тогда никто не уничтожит голубей, тогда они захватят мир, поработят несчастных, сделают из вас незащищенных, ничтожных созданий, прислуживающих птицам и унижающихся перед их великим ликом. А впрочем, они это и так сделают, потому что вы вряд ли выберетесь, потому что не сможете вызволить отсюда оружие. Мало кто, кроме вас, фактически не знает о его существовании. А спасти мир и людей — это уж точно не моё. Максима нет в живых, сделка невыгодна, а значит, мне нет смысла идти против своих.

Глаза Антона заблестели ненавистью, черты лица исказились от ярости. Кажется, он с трудом удерживался, чтобы не нажать на спусковой крючок, чтобы не отправить пулю в отвратительную женщину. Я догадывалась, как его злила собственная беспомощность. Она злила и меня. Она разжигала во мне подсознательный гнев, что пытался наполнить моё существо, но я держалась. Я не смела поддаваться, потому что дальнейший путь — это спасение. Потому что следующие мгновения — это надежды. Которые ни в коем случае не следовало терять.

Она пришла, чтобы убить нас, уничтожив морально и физически. Чтобы закрыть все выходы и пути обратно. Теперь их не осталось, ничего и никого не осталось, кроме ненормальной женщины, заключившей сделку с Максом ради собственной выгоды и благополучия.

Помогала ли она нам? Да, помогала, но лишь из собственной выгоды. Камень что-то значил, камень нес в себе огромную цену! Вот она и согласилась на такое дело. Потому что уж точно не стала бы заниматься волонтерством.

Интересно, а может, этот пистолет был не таким уж и сильным? Нам следовало уничтожить голубиных главарей, круживших над городом С, где велось основное восстание, и тогда, лишившись значительной части бойцов, голуби принялись бы отступать. Отступать... А может, у них были целые партии? Целые правительственные и военные организации? Целые потоки? Поздно я об этом подумала. Вряд ли это скопище остановится, будут новые главары, восстанут новые сторонники, а количество пуль... уменьшится.

Одержимость желанием уничтожить голубей скрыло от нас мысли о неприятных последствиях, затуманив разум, отобрав осторожность. Опрометчиво и нелепо. Глупо и странно. Осознание приходило ко мне быстро, ужасающе, стремительно. От каждого такого предположения на душе становилось тоскливее. Что-то скребло изнутри, навеяв неутешительные мысли о том, что все наши действия бессмысленны, что мы зря потеряли время. Попусту отправились в мерзкое Предьядье, попусту убили Аню, попусту искупались в почве и полетали на голубях... Аня могла жить. Оружие могло остаться там, в дупле, среди бугристых перегибов, среди клокотаниях и бульканья топи — и вряд ли тогда что-то бы изменилось. Но почему-то оно досталось нам.

— Вы не сможете убить меня, — провозгласила Эльвира спокойным насмешливым тоном, словно сообщая нечто совершенно обыденное. — Потому что я — всего лишь проекция. И все вокруг вас — иллюзия. В этой иллюзии я общаюсь с вами, вы видите этот дом, мебель, все, что стоит вокруг вас... но на самом деле, этого нет. Ничего нет. Я действительно нахожусь этом доме, но меня окружают другие лица, совершенно другие люди и нравы. И вам кажется, будто вы там вместе со мной. Но вы в Предьядье, друзья мои, в Предьядье. Затерялись во времени и пространстве, во множестве границ и реалий, в

линиях, берегах, омутах. Однако замечу, что здесь вам не нужны припасы, здесь вы можете питаться самим туманом, периодически ненадолго открывая окно, впуская его и обхватывая, словно нечто осязаемое. Но это не важно. Я же могу только немного скрасить вашу тоску, но мне этого делать не хочется: ненавижу людей! Просто ненавижу! — на последних словах она крепко сжала кулаки, принявшись прожигать нас яростным взглядом. Ее глаза загорелись гневом, бездушным, жестоким, аномальным. Сжатые костяшки пальцев побелели от напряжения.

Тем не менее она улыбалась, растягивая свои бескровные губы.

— Но все же ради вас я сделаю исключение... — неожиданно добродушно протянула Эльвира, облокотившись об иллюзорную стену.

Кажется, гнев погас, ярость улетучилась. Она снова стала хладнокровной, невозмутимой, насмешливой, словно и не было никакой внезапной вспышки, словно она и не кричала, что ненавидит людей.

— Вы друзья Макса, а мы с ним неплохо ладили. Жаль, что его больше нет, правда? Или не жаль. Спорный вопрос... А впрочем, вас уже тоже нет, потому что вы заперты, навеки заперты. А скоро и вовсе ничего не будет... Только голуби, голуби, голуби! Много голубей. Очень много голубей. Они будут летать над миром, обвиняя его своим демоническим пламенем, — Эльвира восхищенно всплеснула руками, будто показывая, как свершится всеобщее ликование после воцарения голубей над всем миром; ее глаза вновь нездорово вспыхнули.

— А знаете... — тихо, почти шёпотом произнесла она, приложив бесцветную ладонь к лицу. — Когда-то я любила людей. Очень любила. — Она подобралась ещё ближе, изящно устроившись между нами, словно для милой, душевной беседы. Ее лицо приняло наигранно скорбное выражение, глаза, кажется, закатились.

Ну да, конечно — столько душевности! Сколько я ещё ни разу в жизни не видела, сколько ещё никогда не чувствовала и не испытывала — просто верх любви, апогей теплоты и взаимопонимания. Приправленный адским огнём и болотной топью за несуществующими окнами. Но окружение не столь не важно: это ведь душевный диалог, тёплая беседа, дружеские откровения!

Странная она — какая-то непостоянная, нестабильная, неуравновешенная. Запертая в собственном безрассудстве, переполненная амбициями и ненавистью. Возможно, виной всему была незримая граница, разделявшая иллюзию и реальность, но что-то мне подсказывало, что и в жизни дело обстояло не лучше. Ведь она всего лишь связывалась с нами. Как будто просто совершала видеозвонок, направляя камеру на стены комнаты. И чего только стоили эти разноцветные волосы, необычные заострённые черты, неопределённый затуманенный взгляд!

— Очень любила, — Эльвира безразлично подняла брови. — Но это было до тех пор, пока я не познала человеческую тупость, наивность и предрассудки. Они все погрязли в инфантильности и самонадеянности, они все — жертвы стереотипов и предубеждений.

Вот тот же пример с моими волосами. Я всегда красила волосы, потому что таков мой индивидуальный стиль. Я всегда выглядела экстравагантно, и все считали, что я — этакое неформальное создание, участник тайной протестной организации. Протест. Они утверждали, что я протестую, и, движимые безграничной наивностью, протестовали против меня. Забавно даже. Если я вела себя не так, как они считали нужным, значит, я не могла быть одной из них. Я могла быть только с птицами, с милыми созданиями. С символами

любви и мира! Глупые предрассудки, сомнительные идеи, которые стали непонятной основой всего человеческого существования. Бредового и абсурдного. Голуби — символы мира, прекрасные создания, порождения любви и света! Конечно. Инфантильность, безразличная инфантильность, недалёкость и самонадеянный отказ принимать что-то, противоречащее предубеждениям. Граница установленного размываются, неведомое открывается, неведомое является им. Но они лишь скептически ухмыляются.

Потому что это выходит за грани разумного... Разумного. Разумного ли? Совсем неразумного. А у птиц все по-другому, у птиц все иначе. С птицами мне всегда было лучше. Я чувствовала особую связь — даже в детстве, когда многие часы проводила с птицами, я чувствовала, что что-то не так. Как будто мы были едины, как будто могли становиться целым, как будто я знала птичий язык! Они понимали меня, а я понимала их, ощущала каждое из намерение. — Она шумной выдохнула, продолжая с нездоровым оживлением рассказывать свою историю. — А потом я увлеклась оккультными практиками. Птицы стали мне ближе, настолько близко, как никогда ранее. А затем я узнала о настоящих демонах, узнала об аде, о стражах... Голуби мне все поведали, четко, увлекательно. Я ушла от глупых людей, отдававшись колдовскому поприщу. Голуби, прекрасные голуби — они стали почти что моим символом поклонения, великим и высшим.

Пока мне не встретился на пути Максим — голубь, обращённый человеком. Интересная личность, необычная особа, с которой мы, можно сказать, подружились. Мы плодотворно проводили время, мне хотелось с ним общаться ближе, узнавать его. В нем ещё не было столько наивных предрассудков и глупости, хотя что-то уже сочилось сквозь его слова. Что-то. Маленькая частичка людской инфантильности, которая могла либо исчезнуть, либо стать больше. Увы, она стала больше. Это выяснилось, когда он пошёл на сделку, когда так просто решился на обмен камнем и оружием. Ствол может убить голубей. Чудесные пули, которые делаются в Предьядье, способны нанести им вред. Но их количество небольшое, ограниченное. Пополнение — тропа в Предьядье, восстание — прямой путь в ад. Но вы уже никуда не уйдёте, кроме ада. Так что наслаждайтесь своим существованием, тупицы, если это вообще возможно.

Жгучая злоба схватила меня, подкатив к вискам давящими пульсирующими толчками. Злоба на Макса, пусть и покойного, пусть и уничтоженного. Жалкий, наивный, глупый голубь! Поверивший Эльвире и ее идеям, не подумавший о последствиях. Я же говорила, что не следует ей верить, что все будет только хуже. Говорила. Но не сказала.

Мы повелись на недосказанную правду, граничившую с ложью. Правду, которая могла быть даже хуже лжи или выдумки, любого обмана и мошенничества. Единственный плюс пребывания в стенах иллюзорного дома — отсутствие голубей. Вряд ли они бы залезли в эти стены, вряд ли прошли бы сквозь границы проекции: едва ли они в этом нуждались. Птицы остались позади, птицы улетели, расплескав отблески пламени. Мы остались вдвоём. Навеки вдвоём, в стенах искусственно созданного дома, насквозь пропитанного моей личной скукой и болью, в окружении потустороннего, как оказалось, съедобного тумана...

Всю оставшуюся жизнь мы проживём в неволе, но без голубей. Лучше ли это? Хуже ли? Так же? Но уж точно не лучше. Там люди, там слова, там новости, там открытия, а здесь — замкнутое пространство, смещённое четырьмя затхлыми стенами, порожденное нашими видениями и галлюцинациями. Тюрма. Камера из подсознательных образов, бредовых мыслей и абсурдных идей.

Руки Антона тряслись от всепоглощающей злобы, губы сжались в тонкую полоску, глаза

горели, ярко, безрассудно. Он не выдержал и надавил на спусковой крючок. Пуля с треском выскочила из магазина, пролетев по ровной траектории, вонзившись в отблески плоти. Но Эльвира осталась на месте, целая, нетронутая, невредимая. Ее не страшили пули; проекция делала её неуязвимой.

— Ну вот, вы подтверждаете то, что я сказала! Вами движут эмоции. Предвзвудки, эмоции и собственная глупость. А у голубей нет бурных эмоций, кроме гнева, но его они используют разумно. Они идут вперед. Гнев не доминирует ими, а лишь сопутствует, призывая к великим подвигам и достижениям, — Глаза Эльвиры снова восторженно загорелись, волосы затрепетали от непонятной силы. — Увы, мне некогда. Вынуждена вас покинуть. — Последние слова она манерно растянула, словно подчёркивая таким образом наше плачевное положение. — Меня ждут неотложные дела... Не скучайте и, главное, не тратьте попусту пули: на самом деле, они весьма полезны. Если бы не ваша глупость и порывистость, присущая и Максиму, ваш план бы не провалился. Что ж, удачи!

Она изящно развернулась, подошла к шторам и словно растворилась в заскорузлом, испещрённом пятнами куске ткани.

Глава 28. Свобода и неволя

Эльвира исчезла, оставив нас наедине друг с другом. Мы принялись невольно переглядываться и думать, лихорадочно думать, как выбраться из отвратительного здания. Искать выход? Паниковать? Высматривать дороги, пути? Нет. Вряд ли в этом был смысл: исследование бы ничего не принесло. Оно бы не дало ни удовольствия, ни радости, ни смысла — только трату времени, пустую, лишнюю, ненужную.

Срочно следовало выбираться. Срочно показывать оружие миру, начинать уничтожать адских голубей, заполняющих каждый участок. Мы должны были победить, мы обязаны были истребить их, погасив пламя, раскидав обмякшие перья... Расплескав демоническую кровь.

Антон остался на месте, а я, гонимая мыслями о свободе, отправилась осматривать комнаты. Я ходила по коридорам и пролётам, невольно вспоминая самые мерзкие часы собственной жизни. Самое унижительное и отвратное время, подорвавшее мою свободу и честь. Я ненавидела эти погрязшие в пыли углы, ненавидела стены, ненавидела отодравшиеся обои, насквозь проевшиеся ветошью. Ненавидела до тошноты.

Человеко-голубей не было — хоть это хорошо. Пусто. Никого. Только вечность, бесконечная, удручающая. Она обрекала нас на то, чтобы проводить в тесных стенах оставшиеся годы, чтобы потерять абсолютно всё, в том числе родной дом и земли, гордость и честь, любовь и жизнь. Тяжкий груз безысходности!

Поддавшись внезапному порыву, я подкралась к окну, с отвращением раздвинула тяжёлые грубые шторы и выглянула. Мрак. Моим глазам предстал только туманный мрак, густой, вязкий, безразличный к чужим тягостям и страданиям, к нелепым ошибкам, к бесчисленным заботам и проблемам. Впрочем, по словам Эльвиры, скоро ему предстояло принести нам пользу: здесь он был нашей единственной едой. Наши припасы заканчивались и истощались, становясь скудными и бедными. Поэтому скоро и правду предстояло питаться густым, вязким, способным обретать плоть туманом, который облакал бесконечности и пути, который кутал пространство, поглощая месяцы и годы. Взаимное потребление! Мы должны были питаться туманом, а он — нашими жизнями. Забавно — или не очень...

А в доме стояла пустота, удручающая своей беспробудной безнадежностью. Не было даже мышей, или крыс, или случайных насекомых, скребущих корявыми лапками по пыльным стёклам. Ничего. Только дом с его ветхими стенами, с его пустынной атмосферой и неприятными запахами. Только Предьядье, простирившееся за окном отдалёнными смутными контурами.

Всё утонуло во мраке. Всё исчезло на перепутье реальностей. Всё растворилось, всё кануло в Предьядье, запутавшись в его тропах и чарах; хорошо хоть не было голубей — с этим птичками дело обстояло бы гораздо плачевнее.

Я обследовала каждый участочек, каждый уголок, но ничего не нашла. Поэтому вернулась в комнату, где сидел Антон, кидая во тьму безучастный взгляд, — кажется, магия Предьядья снова захватила его, погрузив в апатию и уныние. Только теперь это ощущение безвыходности нахлынуло и на меня. И я была абсолютно уверена, что мы не вернёмся обратно, что мы совершили роковую, непоправимую ошибку.

Может, стоило снова позвать Эльвиру, попытаться договориться с ней? Нет. Она бы ничего не сделала, кроме как равнодушно ухмыльнулась, с едкими нотками в голосе уверив,

что у нас всё потеряно. Посоветовала бы не скучать, может, рассказала бы ещё какую-нибудь свою историю и, изящно развернувшись, вернулась обратно. Такова была её сущность, таковы были её взгляды, на которые мы, жалкие, наивные путники, конечно, не могли ничем повлиять. Мы казались слишком обычными, а она — нет. Она жила чем-то таинственным и абстрактным, окутанном густой магической пеленой.

— Может, всё-таки позовём Эльвиру? — хмуро предложила я. От одного упоминания этого имени он оживился, приподнявшись, вытянув оружие, странно посмотрев на меня. Настолько странно, что я невольно отступила назад.

Хотя вряд ли он питал эту ненависть ко мне, вряд ли жаждал убить меня. И себя, наверное, тоже трогать не хотел. Я чувствовала, что он ненавидел Эльвиру всеми сущностями души — это было легко понять по каждому его жесту, каждому движению. По угрюмым изгибам бровей, внезапно перекосившемуся лицу и истончившимся линиям губ. Он не хотел видеть Эльвиру, стремился держаться от неё подальше, чтобы уже никогда не пересекаться со столь странной женщиной. Как и я. Как и голос, обитавший внутри меня, приказывавший мне действовать.

Но не как часть меня, не терявшая наивной надежды.

— Мы можем поискать выход из самого дома, — безразлично усмехнувшись, предложил Антон.

— Да, давай, — я немного оживилась, но, осознав, что никуда, кроме пустоты, мы не выберемся, снова приуныла.

Несколько дней подряд мы тщательно исследовали все двери, все возможные выходы, все коридоры. Мы дышали затхлостью и ветошью, мы слушали гнилостный скрип полов, местами прогрызенных неизвестными тварями... или обыкновенными мышами. Да, мышами, которые обитали на Земле, а не в Предьядье, которые не попали в проекцию, потому что были живыми существами. Которые остались в нормальном мире.

В этот день мы в очередной раз шупали ручку, холодную, металлическую, неподатливую. Упорно и усиленно толкали дверь, силясь вырваться из удушливой неволи, — не получалось. Ничего не получалось. А мрак все сгущался, переливаясь то багровым, то чёрным, то фиолетовым цветом, словно впитывая в себя все краски, наполнявшие наши жизни и мысли. Полнейшая обречённость. Глупейшая, непростительная ошибка!

Ни мышей, ни насекомых, ни людей. Только мы, затерянные в пространстве, зажатые среди измерений. Мы не понимали, как уйти, как выкарабкаться. Мы потеряли всякую надежду, невольно поддавшись проклятиям, что обвивали каждый угол «тюрьмы». Отчаялись.

Думать, лихорадочно думать. Следовало ещё поломать голову, долго, упорно, тщательно. Просто необходимо было разгадать загадку, которая в тот момент представлялась нам слишком трудной и запутанной. Наверное, она решалась магически, возможно, даже очень легко решалась, но мы ведь не владели магией! Поэтому помочь нам могла только Эльвира. Которая вряд ли пошла бы на уступки, даже если бы мы, пересилив себя, встали перед ней на колени. Это была бы пустая трата времени, ненужные минуты времяпровождения в компании ненавистного человека. Временем теперь мы, по идее, вполне располагали, даже слишком располагали, но лишний раз беседовать с Эльвирой совершенно не тянуло.

Что ж, кажется, оставалось лишь ждать, пока адские врата с металлическим скрипом откроются, и стаи голубей, издав ликующий потусторонний клич, пропустят нас вперёд.

Тогда мы и «отпразднуем» освобождение. Правда, не совсем такое, о каком мы мечтали, но хоть какое-то освобождение, окончание срока за непростительную ошибку. Злобно ироничное.

Неожиданно на меня снова накатили мысли о рабстве, тёмные, ненавистные. Огненная рука схватила изнутри. Нет, мы не могли сдаваться; спасение, спасение, только спасение! Я готова была сделать всё. Метаться по дому, ударяясь головой о стены, пытаюсь пробить непрístupную материю, бить окна и двери — все что угодно, только бы найти выход, лишь бы добраться до спасения. А Эльвира не могла быть настолько непобедимой, ведь нет безвыходных ситуаций, не существует непроходимых лабиринтов.

— Антон, ты понимаешь, я ненавижу этот дом! — воскликнула я, крепко сжимая кулаки и с отвращением глядя на осыпающиеся стены. — Меня здесь взяли в рабство! Мне давали унижительные указания. Я чистила какие-то котлы от голубиных кишок, я делала всякую гадость! — я жутко поморщилась, вспомнив, чем мне приходилось заниматься в этой хижине. Антон отреагировал с удивительно холодным и непрístupным спокойствием. Неужели смирился и решил оставаться в этих стенах, пока не окончатся его дни, пока голуби не распахнут для него ворота в ад?

— Я чуть не сделалась рабыней голубей! Чуть не стала выполнять приказы жалких птичек, которых мы кормим на улицах! И ты предлагаешь мне здесь провести свою жизнь?! Нет. Ни за что! — последние слова вырвались отчаянным криком, а перед глазами снова невольно предстала ненавистная картина, которую я упорно пыталась, но не могла забыть. Котлы и голубиные тропы, странные люди, облаченные в маски голубей. Непонятные собрания и сомнительные речи, полные пренебрежения и цинизма.

Всё не должно было повториться. Я просто обязалась высвободиться, во что бы то ни стало вернуться домой, пусть даже в окружённый голубями город. Эта тюрьма — хуже ада. Её стены насквозь пропитались моей несвободой и болью, её стены были для меня страшным кошмаром, которые воплотился в реальность.

Не мешкать, только не мешкать. Следовало растормошить Антона, прижав его к стене, похлопав по безучастному лицу — сделав все что угодно, лишь бы он пришёл в себя, лишь бы опомнился хоть на мгновение. Его спокойствие раздражало.

«Предьядье читает человеческие мысли, Предьядье видит людей насквозь, ощущает их». Да, мы всё ещё были там, в Предьядье. Кажется, дом чувствовал нас, с жадностью глотая потоки нашей боли, как кровопийца, высасывающий кровь. Нужно было успокоиться, хоть на секунду подумав о чем-то позитивном и светлом.

Но разве могла я думать «о хорошем», когда в голове неустанно всплывали образы самого ненавистного периода? Когда мои руки снова словно перебирали голубиные кишки, а ухо улавливало несуществующие импульсы скрипучих голосов птичьих сторонников?

Никак.

А Антон с неестественно спокойным видом рассматривал оружие, любясь каждой частью, каждым изгибом. Странная вещь, непонятное творение, выкованное из потустороннего металла. Которое могло спасти нас, но теперь уже не имело смысла. И всё из-за того задания, какое мы приняли на свои плечи, не подумав в полной мере об ответственности и последствиях!

Но с голубями ведь помогло — может, и здесь поможет? Глупо. Ничего нам не поможет: разве могла эта пуля прорвать пространство, отворив выход, разорвав оковы бесплотного? Нет. Мы уже и без того потеряли один снаряд, тщетно попытавшись

выстрелить в Эльвиру, пробудившую в Антоне зверя своими приторными и гадкими речами. Больше рисковать не стоило.

— Я понимаю, всё прекрасно понимаю, Лиза, — отрешённо вздохнул Антон, бросая пистолет на пол. — Мы могли бы попытаться позвать Эльвиру, но это будет бессмысленно, поверь. Я лишь снова увижу человека, к которому отношусь не лучше, чем ты к этому дому. Нужно думать над чем-то другим.

— Да, я тоже понимаю, она меня ужасно бесит. Но, может, всё-таки вызовем? — теперь готова была идти на крайние меры, даже такие глупые, бессмысленные, радикальные. Но способные вернуть хоть капельку ускользающей надежды.

Не успели мы обдумать план, как со стороны штор послышались шорохи, тихие, загадочные. Кто-то проник в помещение, открыв оковы реальности; кто-то медленно, изящными движениями подбирался к нам, буравя спертый воздух безумным взглядом, который мы ощущали, даже находясь на расстоянии от приближающейся фигуры. Эльвира? Может, своими разговорами мы невольно призвали её? Всё равно. Увертываться и уходить от нашего непродуманного, унижительного, но, возможно, эффективного плана уже не следовало. Главное, чтобы не голуби.

Антон тут же поднял оружие и, приготовившись к выстрелу, принялся напряжённо вглядываться во мрак.

Эльвира. Вскоре её силуэт очертился во тьме. Она изящно развернулась и, легко подобравшись к нам, с приторной улыбкой сообщила:

— Приятная новость: я знаю, как вызволить вас из Предьядья. И я могу это сделать. Вы можете проследовать за мной, пройти через пространство, покинуть пределы Предьядья и голубиной обители. Пролететь реальности, очутиться дома! В родном мире, вместе с такими же наивными, глупыми, беспомощными, жалкими созданиями. Но это уже не важно. Важно условие — вместе с оружием в пространство сумеет окунуться лишь один из вас, раз вышла такая неурядица. Только один. Причём, ступив на человеческие земли, этому одному придётся отдать оружие мне. Сразу говорю — другой выход у вас отсутствует. Поэтому или вы остаетесь вместе, на всю жизнь, в окружении затхлой «романтики», глуши и пустоты, а потом, когда истекут часы, спокойно отправляетесь в ад, — на этих словах она изящно повернулась на носках, словно маленькая девочка. — Или кто-то уходит, но бросает другого. Так какая перспектива лучшая? — Она подняла брови, впившись в нас нездоровым взглядом. Резкие, выбеленные, словно маска, черты лица, прозрачные руки, бесшумная походка, странного цвета волосы, играющие на плечах... Неумеренно меняющееся выражение лица: от невозмутимого до восторженного, почти истеричного.

Неуравновешенная женщина, странная фигура, по случайности ставшая нашей спутницей... Она могла помочь, наверное, способна была сделать что-то полезное, но нам совсем не хотелось ей подчиняться. Отсутствовало желание следовать за ней, выполнять её приказы. Однако другого выхода не было. Потому что теперь наши жизни находились в её руках.

— А поподробнее? Возможны ли неудачи? — уверенным тоном спросила я, подозрительно прищурившись, невольно подивившись тому, что уже совершенно не боялась Эльвиру. Что уже не задавалась мелкой дрожью от её мимики и движений. Я была на неё разгневана, бурно, значительно, и собиралась непременно выяснить даже самые мелкие подробности предстоящего нам путешествия. Раздельного путешествия?

Раздельного... Кому-то предстояло остаться здесь, в проеденных плесенью стенах дома,

среди пустоты и бесконечности, среди беззвучного шороха тумана и отдалённого треска пламени. Провести жизнь в вечном одиночестве! Отправить себя в пепел раньше времени, потому что одиночество в таких условиях — хуже ада. Потому что такое единение — это, кажется, самый страшный кошмар, какой только можно вообразить.

Может, можно было оставить оружие? Уже не волновало, что оно значило, что мы сделали для его поиска. Я не смогла бы терпеть вокруг себя столь мерзостные стены, я бы просто морально не сумела к ним привыкнуть; но и Антона, уже и без того впавшего в апатическое уныние, не оставила бы. Ни за что! Ведь, несмотря ни на что, я любила его, причём гораздо больше, чем простого друга, приятеля или спутника. Ведь я всё ещё ощущала на губах тот самый «привкус ада», который испробовала, когда только ступила в бездушную болотную жижу.

— Возможны ли неудачи? — загадочно протянула Эльвира, расслабленно сложив руки. — Нет, невозможны, совсем невозможны, говорю вам честно. Только в крайнем случае, но это уже зависит не от вас, а от меня.

— А если оставить оружие? — начала было я, но Эльвира меня сразу же перебила:

— Нет, если даже оставите оружие, всё равно выбраться сможет только один. Такова магия этих мест — после одной неудачи я уже не смогу организовывать ваше с ними взаимодействие в полной мере. Поэтому такое предложение бессмысленно.

— Только один из нас? Отлично, я останусь, — неожиданно решительно вызвался Антон, опустив оружие. — Лиза не лишится жизни, а меня уже ничего не пугает.

— Может, я? — робко спросила я, глядя в его горящие непонятым азартом глаза. Да, разумеется, я ненавидела этот дом всей душой, но по иронии судьбы я снова в него попала, причём уже в пределах другого мира. Так звучала ирония — таким, возможно, представлялось и моё будущее. От которого не имело смысла убегать, прячась, словно неизбежно умирающий от подступающей смерти. Гадкая, злая, горькая ирония!

Эльвира невозмутимо пожала плечами.

— Это ваше решение. Не моё. Думайте.

— Нет, это точно буду я, даже не думай! — твёрдо и уверенно произнёс Антон, и я осознала, что не могла ему сопротивляться... Не способна была спорить с ним, потому что он был убеждён, ясно, чётко, определённо; пугающая ярость скакала в его глазах, доказывая, что он намерен остаться в Предьядь. В любом случае.

— Хорошо... — приглушённо пролепетала я, нервно сглатывая, невольно отстраняясь от упрямого спутника. Стараясь не думать о том, что собиралась совершить предательство, истинное, гадкое. Что решила навеки оставить лучшего друга в гнилой хижине, затерянной в беспробудной пустоте и одиночестве. Мы могли бы остаться вместе... Поступив по любви и верности, последовав принципу справедливости, но это не принесло бы ничего. Теперь было не до благородства. А вечная любовь, готовность кинуться ради друга в самые страшные авантюры, кристальная чистота и безгрешность — это по большей мере только сказки, шаблонные, наивные. Формирующие ошибочные и стереотипные представления.

Других путей не существовало, они все остались далеко позади, среди неизученных окрестностей Предьядя.

Возможно, однажды он всё же сможет спастись, сумеет выбраться, вернуть свободу — для этого требовалось время. Неизвестное количество. Неведомые месяцы, годы, десятилетия...

— Я готова, — угрюмо заявила я, взяв из рук Антона оружие и приблизившись к находившейся в ожидании Эльвире. — Абсолютно готова.

Мы не успели даже попрощаться. Потому что сразу после моих слов Эльвира исчезла, а мрак проступил сквозь окна, принявшись стремительно сгущаться. Расходящиеся голоса зазвучали в моей голове, отчаянно давя на разум, строя в воображении образы; смутная фигура Антона отделилась, и я больше не смотрела в ту сторону, чтобы лишний раз не тревожить душу. Я снова летела сквозь пространство, сквозь время, сквозь расстояния... К свету солнца, пусть и немного помутившемуся от голубинового пламени.

Глава 29. От святости до преисподней

Пелена растворилась в мутном и туманном сумраке. Дом остался позади, дом канул во тьму. Человеческие земли. Город С, петляющий улочками и перекрестками, играющий цветами и зеленью. Неужели я снова находилась близко к людям? Неужели я вернулась, неужели оставила позади жуткие окрестности, окружённые голубиным пламенем? В это не верилось, совсем не верилось — казалось, будто все это — сон. Ложь. Иллюзия. Такая же, как и в том омерзительном доме, от одной мысли о котором меня невольно бросало в дрожь.

Но я стояла на земле. На самой обычной, знакомой, человеческой. Только изменившейся, ужасно изменившейся. Опалённой беспощадным пламенем, вторгнутой в гнёт битвы и ненависти. Людей не было; улицы стояла сухие и безмолвные, холодные, угрюмые. Деревья вились ветвями и листьями, зловеще хрустели и кренились. Откуда-то доносились отдаленные отзвуки криков, растворяющиеся в пространстве. Кажется, все исчезло, потонуло, затерялось. Все невольно стало частью великого безумия, что разворачивалось, что не останавливалось.

В воздухе витал запах гари, деревья торчали безжизненными сучьями, ветер угрюмо безмолвствовал. Помявшись, я осмотрелась. И увидела дом. Ненавистная хижина, забытая среди зарослей, глядела на меня выцветшими оконными стыками, застеленными грязью, пропитанными безжизненностью.

Я все ещё была рядом. Совсем рядом с истинным ликом зла, бурившего крошащиеся стены. Дом словно звал меня, словно просил, чтобы я сделала несколько шагов, подошла ближе, отворила дверь, побрела по вязкому полу. Утонула в «меду». Возможно, пожертвовала годами и временем, потеряла жизнь и дороги, как Антон, оставшийся там навеки, вынужденный проводить всю свою жизнь в месте, граничащем с Землёй и адом.

Я бы попечалилась и подумала, потосковала и поразмышляла, но сейчас было не время. Не время для сантиментов и воспоминаний, не время для рассуждений и выводов.

Оружие тяготило мою руку, придавая смутной уверенности, взгляд упирался в трухлявые гнилые стены. Я должна была идти в дом. Я обязана была побороть себя. Ствол, словно компас, указывал мне направление, говорил, куда идти, давал необходимые подсказки. Ответы на все вопросы. Решения всех задач.

Крепче сжав пистолет, я двинулась вперёд. Ноги ныли, не желая двигаться и слушаться, отказываясь подбираться к объекту моей ненависти. Но мысли упорно убеждали меня, что следовало идти вперёд, к победе, к достижению цели. У меня были стремления, у меня имелся смысл. Оставалось действовать. Оставалось нещадно бить голубей, расплёскивая их горящие перья.

Дверь скрипнула под моим толчком, половица аморфно растеклась под ногами, но я в ней не увязла. За дни, проведённые в доме, в том числе в Предьядье, я поняла, как по ней продвигаться, чтобы не застревать в вязкой мути. И теперь я знала дорогу. И теперь я уверенно шла вперёд, без страха и паники, без тревоги и непонимания. Только с целью. Только с яростным желанием сражаться до победного конца.

Я медленно шла по коридору, прислушиваясь к шуму и треску, доносившемуся из комнат. Там что-то происходило, что-то крутилось и металось, что-то вертелось стремительной воронкой. Странное действие. Неведомое сражение, покрытое пеленой пыли и мрака. Представив, что могло быть за этими стенами, за этой гнетущей пустотой

коридоров, я откровенно поморщилась. Убийство. Кровь. Чьи-то окровавленные внутренности, распыскивающиеся по стиснутому пространству.

Но я не боялась, я двигалась смело, упорно, решительно. Подобралась к очередной двери, рванула ручку — и очутилась в комнате, наполненной людьми. Кричащими и ругающимися. Кажется, почти дерущимися.

Те мерзкие личности, некогда поймавшие меня в рабство, снова проводили собрание. Только другое, громкое, скандальное. Собрание, на котором присутствовала уже не понаслышке знакомая мне женщина с безжизненными чертами и пылающим безумием взглядом. Эльвира управляла ими, была их верным командиром и предводителем, идеалом и целью.

Стоя посреди круга, она с азартом размахивала руками, словно что-то им объясняла. Они слушались. Они подчинялись. Они не смели перечить, потому что, кажется, именно она была им главным руководителем.

Ненависть усилилась, закипев, подступив к моему горлу горячими волнами, но не следовало ей покоряться, идя на поводу у чувств и эмоций. Сейчас стоило морально высушить себя. Стать такой же, как Эльвира, такой же, как её безумная компания. Бесчувственной и безропотной. Безмолвной и безрассудной.

Половицы глухо закрипели под моими ногами, создав дополнительный шум. От которого они заметили и увидели меня. Обезумевшие, они глянули в мою сторону, жаждущие наброситься, готовые разорвать на части. Кажется, в один миг стены начали крошиться. Рухнуть от ярости и ненависти, от злости и ревности, от всеобщего безумия и азарта.

Но я сделала решительный шаг вперёд, выставив оружие. Я знала, что от Эльвиры мне не убежать — она бы все равно нашла меня, куда бы я ни пошла. Иначе бы я и вовсе не стала соваться в этот дом, ужасный, ненавистный. Я бы двинулась на улицу, я бы принялась искать голубиных главарей, бороздивших опалённые городские пустоши. Я бы попыталась сделать хоть что-то, чтобы помочь жителям С, но не вернулась бы в дом, никогда не вернулась.

Однако это меня не останавливало. Ни дом, ни люди, ни Эльвира, ни магия — ничего не останавливало. Теперь я была уверена, что Эльвира не получит оружие. Я никогда его не отдам. Никогда не протяну во вражеское руки, пусть и вызволившие меня из подступающей адской копоти.

Все было или лестью, или обманом, или недоговорённой правдой. Скорее всего, она снова пыталась что-то хитро повернуть, чтобы никто ничего не узнал, чтобы никто не заметил. Она ничего не сделает. Она не сможет. Даже несмотря на значительную силу и, наверное, виртуозное владение оккультными науками.

Детское безрассудство, бесшабашная инфантильность! Они захватили меня вместе с яростью и стремлением действовать, принявшись толкать вперёд, с резовостью, с бесстрашием.

Толпа смыкалась под звуки криков и переругивания, толпа пыталась поймать меня, втоптать в застеленный пылью пол, накрыть клочьями грязи. Или... Они пытались это сделать друг с другом?

Внимательно оглядев каждого из них, я внезапно поняла, что все было не совсем так, как мне подумалось изначально. Они не собирались и не переговаривали, ничего не обсуждали и не планировали. Они боролись с рабами, измученными, озлобленными, ослабленными. Рабами, борющимися с бесполезной Эльвириной властью. Рвущимися к свободе и выходу, жаждущими силы и помощи.

Лица пылали яростью, взгляды горели огнём, придавая им энергии. Голодные и измученные, несчастные и униженные, они, кажется, стали даже сильнее, чем свои противники.

А я — я была надеждой! Я была чьей-то искренней надежды на спасение и подкреплением, чьим-то спутником и вестником. Кажется, они увидели во мне свою музу и вдохновителя. Кажется, рабы ощутили прилив воодушевления и азарта, прилив злости и жажды мести, заставивший их с особым рвением раздвигать вражеский круг, становившийся шире и активнее.

— Свобода! Мы вернём её! Мы никогда не будем жить под голубиными крыльями! Мы не будем истоптанными голубиными лапами! Мир против голубей! Мир против голубей! — кричали они, толкаясь и отбиваясь, вырываясь вперёд.

Восстание в стенах хижины? Бунт и неразбериха? Жажда спасения и освобождения? Странно. Раньше я бы подумала, что в таких условиях на подобное просто не хватило бы места, но теперь воочию убеждалась, что это не так. Им все хватало, все доставало. Похоже, они даже побеждали! Или победа стояла очень близко. Несколько миггов, несколько судьбоносных шагов, решающих исходы, дарующих вечную гордость и свободу.

Но и Эльвира не стояла на месте. Эта загадочная женщина, кажется, даже не имевшая ни стороны, ни идеалов, одной своей фигурой заставляла поклоняться себе, служить покорной собачкой. По-видимому, именно она не давала пленённым выйти, раскрыв стены восстанию и бунту, распахнув глаза свободе и миру.

Создавалось впечатление, будто она держала их в тисках дома, смеясь над наивностью и беспомощностью. Над глупостью, инфантильностью, предрассудками. Над неспособностью постоять за себя, когда приходит внезапно час муки и расплаты, час страха и паники.

Видела ли она меня? Замечала ли оружие? Собиралась ли напасть? Я не знала. Наверное, видела, потому что она вытащила меня из пространственной дыры, вывела из Предьядья и подвела к мерзкому дому, она жаждала получить награду. Но, похоже, не сейчас. Немного позже. Когда расступятся люди и погаснет «восстание» и когда падут на пол безжизненные человеческие тела, задавшись кровавыми судорогами.

Громкий, отчаянный крик пронзил стены дома, распавшись бесцветным эхом — какой-то человек, одетый в лохмотья, кинулся на саму Эльвиру. Приготовив к бою нож.

От этого движения толпа расступилась и двинулась к выходам. Крики стали громче; вооружённая рука выдвинулась вперёд, готовая вонзить острое лезвие в плоть, горячую, гладкую, живую.

Нет! Он не должен был этого делать! Она не должна была погибнуть, несмотря ни на что, ведь она — моя последняя надежда. Надежда на то, что, быть может, когда-нибудь Антон покинет границы Земли и пламени, вновь ступит на тропы человеческого города. Вернётся домой. Увидит меня, закутанную в одеяло тоскливого ожидания.

Какая-то безрассудная волна неожиданно накатила на меня, пеленая горящую голову. Я не должна была поддаваться эмоциям, но, кажется, больше не могла: они надвигались и затуманивали разум, они тянули и заставляли действовать. Но действовать иначе. Совсем иначе.

Не в силах удержаться, я неожиданно для самой себя сделала выпад вперёд и судорожно нажала на спусковой крючок, пуская стремительный снаряд. Ещё одна пуля! Заветное оружие! Я все растрчивала, все теряла и портила, но уже не могла сделать ничего другого.

Удивительно, но я попала в цель. Пуля судорожно вонзилась в горячую плоть, раздрав

связки, обнажив внутренности. Человек покачнулся и упал. Но успел нанести смертоносный удар.

Все, что я делала, казалось бесполезным и бессмысленным, мой выпад не принёс пользы. Я убила почти невинного и потратила пулю, я совершила глупость, в полной мере не осознанную и эмоциональную. Пустую и ненужную. Да даже если бы я сделала это раньше, они бы все равно напали на Эльвиру, они бы все равно убили её! Их было больше, и все они были испуганными, взбешёнными, разъярёнными. Их было так просто не остановить и не одолеть.

Эльвира лежала на пыльном полу, хрипя, дёргаясь, истекая кровью, а люди гневно ликовали. Победа и свобода, стоявшая их целью и стремлением. Они почти достигли желаемого, они сделали своё дело, они справились.

А я — нет. Я потратила пулю и оставила друга в Предьядье, сумрачном, тёмном, бездушном. Можно сказать, что я утопила его, убила, невольно забрав его жизнь.

Тяжкое чувство охватывало меня, оплетая холодом, но возвращаться не хотелось. Я должна была действовать, я не могла стоять на месте, не могла долго думать, страдать и терзаться. Голуби не ждали.

А все-таки, почему Эльвира не сопротивлялась?.. Почему дала так просто и безропотно себя прикончить, почему не ударила его ножом, почему не прибегла к колдовским практикам? Хотела насолить мне? Построила какой-то план или намерение? Странно.

Но ответ сам открылся тяжелой истиной, явившись передо мной чёткими очертаниями.

Камень. Осколок священного камня, некогда даривший жизнь Ане! Голубиный прислужник, облачённый в птичью маску, подобрался к раненой Эльвире и с ликующим видом протянул ей камень. Тонкие пальцы сомкнулись в цепкую хватку, тело озарилось светом и жизнью.

На какой-то миг я обрадовалась, но вздох облегчения застыл в моем горле, встав болезненным комом.

Внезапно двери распахнулись, окна со звяканьем разлетелись на части, осыпав помещение фонтаном осколков, и, сплетённые пламенем, в комнату влетели голуби. Облепили каждый участочек, каждый уголок. Принялись напускать пламя, яростное, жгучее, фырчащее. Только пылали крылья, да клацали клювы, да звучал гортанный потусторонний клич.

Пламя. Оно окружило не только голубей, но и Эльвиру, воспрянувшую, воскресшую. Я не смогла сдержать сдавленного крика, изумлённого вопля ужаса, увидев, во что она превращалась. Демоническое создание. Нечистая тварь с пылающими глазами и струящимся по полу огненным шлейфом. Монстр, страж, демоническое потустороннее создание.

Крепко сжав оружие, я отступала к выходу, готовая в любой момент запустить очередную пулю, в то время как Эльвира превращалась и преобразовывалась. Её было ни переубедить, ни остановить, ни убить.

— Жалкие, наивные, инфантильные люди! Любую священную вещь можно сделать демонической, любой рай обратить адом. Требуются только знания. И магия, о которой никто из вас не задумывается.

Глаза напитались пламенем, губы исказились, шлейф обернулся огненной мантией. Гордая и сильная, властная, кажется, бессмертная, но уродливая. И без того не отличавшаяся красотой, в таком облике Эльвира становилась поистине пугающей и отвратительной — как ведьмы из старых детских сказок, только хуже. В то же время маняще отвратительной.

Отступить — оставалось только отступить. Пламя подбиралось к выходу, полы с шипением вскипали, а голуби летали, встряхивая до ужаса спёртый воздух крыльями. Зловеще крича и курлыкая.

Тем не менее моё внимание было приковано не к голубям, а к Эльвире, завораживавшей своим внезапным перерождением. Она словно держала меня на месте, зачаровывая своим голосом и пламенем, своими движениями и непонятной, вроде бы и несуществующей грацией. Она манила меня каждым жестом, каждым произносимым словом. Что-то внутри меня упиралось, упорно отказываясь уходить, но я точно знала, что это не мои мысли, не мои идеи. Это ад. Это чёрная магия, распиравшая крошившиеся и трескавшиеся стены дома.

— Вы придумывали бредни, ваши языки молоды ересь, абсурдную, ребяческую. Вы пытались высвободиться из оков своей наивности, глупости, бездарности. Вы хотели доказать таланты, но лишь загубили их, утопив в бездонной дыре. Они открыли мне истину, они даровали мне силу! Они воздвигали этот трон для меня десятилетиями, столетиями. Священный камень — последний слиток демонической короны, ныне венчающей мою голову, — объявляла себя Эльвира, кружась в пламени преисподней, диком, зловещем, беспощадном.

— А знаешь, Лиза. — Её голос зазвучал в моей голове, громко, пронзительно, противно. Она не разговаривала со мной, она объявляла себя демоном. Но я прекрасно слышала, как пыталась она донести до меня одну важную мысль: — От святости до преисподней — один шаг. Камень был символом мира и жизни, камень отгонял демонов, но, стоило мне проделать с ним несколько манипуляций, как в гранях его вскипела иная сила. Потусторонняя, демоническая. Анна Лунеева тоже могла стать такой, как я сейчас, но ей не хватило ни знаний, ни умений, ни духа. Она предпочла жизнь смертного, тоскливую, унылую. Она решила остаться. Остаться, чтобы потом умереть от рук собственных друзей, одержимых эмоциями и наивным детским безрассудством.

Не выдержав накала, разрывавшего мою голову, я снова выстрелила. Пуля пролетела сквозь нагнетенное пространство и впилась прямо в разговаривающую плоть. Но не вышло — ничего не вышло. Она потекла в огненных кольцах, она растворилась, расплавившись в смертном бушующем вихре.

Эльвира была не голубем; она все ещё оставалась человеком, только перерожденным, чудовищным, перевоплотившимся. Её не представлялось возможным ни убить, ни одолеть, ни уничтожить.

Но битва, вскипавшая в городе, продолжалась. Люди падали каменными куклами под взмахами голубиных крыльев, деревья ломались и трескались, окна бились, крошась и раскалываясь.

Осознав, что с Эльвирой бороться бесполезно, я с трудом пробралась между стенами пламени и выбежала из дома, а точнее из того, что от него осталось. Воздух был невыносимо спёртым и жарким, воздух пульсировал и раздирал горло. А голубиные тени неудержимо металась над сметёнными улицами, разряжая пространство сильными дымящимися крыльями. Они побеждали, определенно побеждали, но у меня сохранялась надежда! Она осталась. Она тешилась и тихонько грела меня, заглушая звуки пронзительных голубиных кличей.

Глава 30. Пернатый марш

Город захлёбывался адским огнём, быстрым, жгучим, стремительным. Крошились камни, трескались деревья, падали и кричали люди. Обожженные и измученные, напуганные и израненные. Подчинившиеся воле. Не сумевшие бороться с порабоощающей планету нечистью.

Голуби вились в небе, голуби захватывали улицы. Голуби захватывали мир. Создавали свой личный ад, в котором собирались жить и развивать чёрные поприща.

Я пыталась с ними бороться, я выставляла оружие, я рвалась вперёд, но остановить их не выходило. Каждую минуту. Каждую секунду. Их становилось все больше, они налетали и набрасывались, они с трепетом рвались вперёд. Они знали все, потому что досконально изучили каждый клочок земли, обречённой стать их вторым обиталищем. Мы будем жить под властью голубей? Нас поработят? Мы станем верными питомцами?

Город С был захвачен, окружён, оккупирован. Небо словно покрывалось гарью. Каждый птичий рывок разносил струи копоти, разрывая землю, встряхивая пространство. Взмахи крыльев становилось обширнее; голуби на отдалении, голуби мучили, ломали и разрушали. Мир обращался пеплом, сухим, омертвевшим, бездушным. Мир умирал в страданиях, стремительно исчезал и испарялся во мраке. Никто не мог ни защищаться, ни сражаться, ни спастись. Птицы, захватывающие Землю, были сильнее людей и их техники, сильнее надежд и мечтаний, сильнее чистоты и наивности. Ад побеждал и наступил на планету. Ад становился принципом и истиной, страшной, кошмарной, единственной. Вечной и неизменной. Злой и непоправимой.

Я тихонько пробиралась сквозь места, обращающиеся демоническими пустошами, поглядывая наверх, на пламя, на небо. Голуби вились над городом. Они кричали и зазывали сторонников, кружась в ликующем марше. Пернатом марше.

Но я уже выставила оружие, готовая бороться с птицами, готовая убивать, готовая возвращать городу С честь и гордость. Мы будем свободны, мы не прогнемся под гнёт клювов и крыльев, под жадное воркотание и курлыкание! Мы обретём спасение.

В воздухе пахло дымом, едкая пелена и гарь расплылась по улицам. Ни людей, ни машин, ни животных. Кроме голубей, конечно. Кроме жутких птиц, бороздивших воздух, словно массивные горящие корабли.

Люди уже не высывались. Они сдались. Пали под пернатым маршем или отдались в рабство птицам, могущественным, ужасающим. Ад оказался сильнее, дороги потерялись под камнями и пламенем; жители С, не успевшие эвакуироваться, становились птичьими рабами или сторонниками, беззащитными узниками и пленниками.

Не было ни армии, ни правительства, ни вооружения. Город пустел, окунаясь в пепел и пламя, содрогаясь под голубиными крыльями. Несколько дней. Всего несколько дней, быстрых, резких, мимолётных. Всего несколько дней понадобилось силам ада, чтобы захватить беззащитный С. Люди поддались и покорились, потому что испугались, ужасно испугались и запаниковали, встретившись с чужим и неизведанным.

Я стояла на тонкой тропе, затерянной в корявых древесных зарослях. Которую протоптали голубиные сторонники, некогда проводившие там грандиозные встречи и собрания.

Сейчас голубиных приспешников поблизости не было: наверное, они все сгорели под

птичьим пламенем или поспешно скрылись, увидев, в кого превратилась Эльвира. Теперь битва велась только с птицами, фонтанировавшими неудержимой яростью. А в городе будто не осталось ничего от нашего мира — только демоническое, адское, потустороннее. Голуби и пламя, ведьма и демоница. И только я и немногочисленные люди, не покинувшие С, до последнего не теряли надежду.

Эльвира осталась позади, закутанная в мантию пламени и величия. Голуби восхваляли её, голуби чтили её. Они разрешили ей стать демоном, они приняли её в свои ряды, несмотря на то что когда-то она была человеком. Не живая и не мертвая, не воскресшая и не дышащая, она вступила в ряды сильных. Присоединилась к аду. Обрела способности для жизни в новом, подчинённом демонами мире.

В мою голову невольно закрадывалась неутешительная мысль, что, быть может, всё уже потеряно, что люди не жильцы, люди — рабы. Униженные и жалкие, несчастные и навеки втоптаные в грязь. Необычные захватчики выселяли их с родных земель, загоняя на просторы ада. И голуби были везде, голуби повсюду. Голуби — символ мира, только не от примирения, а от величия, от нескончаемых захватов и стремительно обретаемого всевластия. Цари, короли, правители...

Мир, захваченный птицами, чётко вырисовывался в моем сознании, но я упорно отгоняла эти опасения. Все не должно быть так, ничего не будет так. Мы справимся, мы спасёмся, мы выберемся. Мы не станем рабами птичек, которых сами же некогда ублажали зёрнышкам! Пусть лучше они будут нашими рабами, пусть падут к нашим ногам и преклонятся. Они никогда не захватят наши земли, потому что вернуться домой, не успев осуществить даже половины своего великого плана.

Выйдя к пустовавшей городской дороге, я резко остановилась.

Когда-то там была оживленная трасса, когда-то там сновали машины, расплёскивая во все стороны клубы пыли. Теперь там стало пусто, тихо, безмолвно. Почти пусто. Потому что на дороге сидел и, кажется, о чем-то размышлял огромный пылающий голубь. Птица не рушила и не захватывала, не нападала и не раскалывала. Чего-то ждала. Обдумывала какой-то план.

Главарь. Только подойдя чуть ближе, я осознала, что это был один из предводителей, один из главных голубиных демонов. Страх скрутил меня, ноги подкосились и словно увязли в грунтовой дороге, как в том медовом полу, холод неприятными щипками пробежал по коже. Оружие затряслось в моих руках, когда я представила, что сейчас произойдёт. Что мне придётся в одиночку сражаться с голубем-демоном, вооруженным, сильным, стремительным.

Будет ли победа? Случится ли спасение? Возникнет ли смысл в оружии? Непонятно. Потому что я была одна, совсем одна против стаи сильнейших демонов! Потому что жители С отступили, сдавшись, спрятавшись, потерявшись. Они не могли сражаться. Они могли только таиться, сидя в укромных убежищах, где не достали бы их страшные демонические создания.

А я могла. У меня находилось оружие, у меня имелась какая-то сила, святая, заветная. Но не было подкрепления. Помощника, что сумел бы сопроводить и поддержать меня в смертоносной схватке.

Главное — не поддаваться панике. Следовало действовать, срочно, непременно действовать.

Голубь смотрел на меня, голубь подбирался ближе. И я подкрадывалась к нему, вытянув

вперёд вооружённую руку, готовая в любой момент совершить судьбоносный выстрел.

Демон взмахнул крыльями и, издав дикий клич, взмыл в накаляющийся воздух. Я крепко сдавила спусковой крючок и выстрелила. Попала. Пуля ударила в пылающее тело, вонзившись в горящую гибкую шею, заставив голубя покачнуться, завизжать и задёргаться. Оболочка поранилась, адская душа разорвалась на части.

С заунывным кличем, жутким, потусторонним, голубь рухнул на землю. Я уже слышала такие звуки в Предьядье, но тогда они мне не казались столь звонкими, пронзительным, потому что там они сливались с обстановкой, невольно становились её частью. А в городе всё было иначе. Улицы С крепко опутала тишина, поэтому предсмертный голубиный крик прозвучал особенно громко, страшно и оглушительно. С ноткой нескрываемого отчаяния.

Я отступилась на несколько шагов, наблюдая, словно заморожённая, за стремительной гибелью ужасного демона. Они казались неуязвимыми, они сеяли смерть и панику, но теперь умирали сами. Надежда вновь заплескалась внутри меня заветной искоркой. Силы были, возможности не истощились, оружие крепко тяготило мою ладонь, придавая мне теперь особой уверенности. А это значило, что далеко не всё потеряно, что я ещё имела хоть какой-то малейший шанс помочь этому миру избавиться от неугомонных стражей ада.

Всех их, конечно, не убить, не уничтожить и не сломить, но наш город сейчас был основной точкой, в которой они сосредоточились. Поэтому там находилось особенно много главарей, важных, значимых. Может, они все-таки отступят? Может, не зря мы проходили испытания Предьядья и не зря оставили там Антона на долгие-долгие годы или даже на всю его оставшуюся жизнь? Не зря. Я очень надеялась, что не зря.

Откуда-то донеслись чьи-то громкие голоса, наполненные нескрываемым ликованием. Кто-то оживлённо переговаривался, кто-то что-то обсуждал, увлечённо, целенаправленно — кажется, там стояли люди. Живые люди, притаившиеся в кустах, посторонившиеся от опасности. Они восхваляли меня? Они хотели отблагодарить меня за помощь?

Я изумлённо замерла на месте, решительно не понимая, что делать дальше. Улица всё ещё давилась смрадом, посреди дороги безжизненно распласталось и догорало голубиное тело, окружённое отблесками пламени. А неподалёку кричали люди, обрадованные, ликующие. Победа! Кажется, они наивно решили, что это победа, что это долгожданный счастливый конец. Глупо и самонадеянно. Печально и безысходно.

Ко мне с оживлённым видом подбежал какой-то парень, кажется, чуть-чуть младше меня. Он был искренне изумлён и неотрывно смотрел на умирающее голубиное тело. В голубых глазах, словно в лужах, плескались блики радости, наивной и несвоевременной. Если бы он знал, что происходит на самом деле! Если бы он понимал... А впрочем, было бы не лучше. Знание не принесло бы силы, понимание бы не подарило энергию и способности. Потому что знание — это ключ от двери, за которой спрятано оружие, но не само оружие.

У меня имелось и знание, и вещь, которая могла навредить птицам, но я не могла назвать себя владелицей оружия. Полного его экземпляра. Полной сущности, способной принести победу, дающей истинную надежду на освобождение города.

— Э-э-э... Как вы его так? — парень восторженно прищурился, наблюдая за каждым подёргиванием умирающего голуби.

— Ну, есть способ, — я непринуждённо пожала плечами и отошла в сторону, стараясь не показывать ствол неопытному взгляду. Знание не принесло бы пользы, по крайней мере его знание — уж точно. Оно бы только потянуло время, которое проносилось теперь особенно быстро и мимолётно.

Печально, но, судя по всему, я только подогрела его любопытство. Подобравшись к голубю, парень принялся несмело ощупывать перья, сморщивающиеся и затухающие. Некогда мощное демоническое оружие, символ преисподней, источник непроходимого крутящегося пламени, уничтожающего движущееся и живое. Разумеется, вещь любопытная, но определённо не в такое время, когда каждое неловкое движение могло обернуться крайне плачевными последствиями.

Тем не менее со стороны этот осмотр немного завораживал, подобно цирковым номерам со змеями и тиграми: не каждый осмелится так близко соприкоснуться с опасностью. А медленные, немного робкие движения, перебирающие голубиные крылья, навевали смутное спокойствие. Скрашенное мыслью о том, что мы справимся, что вскоре на месте этой поверженной птицы окажутся и прочие стражи ада. Только бы! Если бы!

Я задумалась, наблюдая за странным исследованием. Человек увидел умирающее чудовище, человек обрадовался и заинтересовался. Но ему следовало быть осторожнее, ведь все в этом мире не просто, все слишком сложно. Голуби — умные создания. Голубей не провести и не обмануть, просто так не отогнать и вернуть в их истинный «дом».

— Может, не надо так близко подбираться к чудовищу? Пусть и поверженному, — осторожно заметила я, представляя, что, может, голубь лишь усыплен или оглушен, а его сторонники где-то совсем-совсем рядом. Потому что битва была не окончена, пернатый марш шёл полным ходом, расплёскивая кровь, или и вовсе только начинался. Птицы со всех сторон возникали на пути у неподготовленных жителей, одним своим видом сообщая, что люди не пройдут, что проиграют, мимолётно, быстротечно. Даже без борьбы. Просто проиграют и сдадутся, отдавшись в плен когтей и клювов.

Но я не успела. Я ничего не успела сделать. Я не отодвинула парня и не отогнала, я не отозвала его, не убедила, что даже в таком виде голуби опасны. Кажется, он просто не послушал, слишком увлечшись, или вовсе не пожелал слушать. И очень зря.

Потому что спустя несколько секунд в его сторону метнулась огромная тень, кипящая пламенем. Отчаянные крики, донесшиеся откуда-то со стороны, сотрясли воздух. Я принялась стрелять, давя на спусковой крючок, крепко сжимая оружие.

Выстрел прозвучал, громкий, стремительный. Но пуля пролетела мимо. Я промахнулась и попала в дерево, зловеще скрипнувшее от внезапного удара. Глупая ошибка! Невероятная досада, которая закончилась непреодолимой бедой. Причём ошибка не только моя: как бы прискорбно это ни звучало, но чисто из любопытства лезть к умирающего чудовищу, неподалёку от которого ещё кружили разъярённые сторонники, все же было не самым умным решением.

Голубь крепко обхватил беспомощное тело когтями-лезвиями и, даже не взмыв на высоту, буквально разорвал его на части. Окровавленные ошмётки внутренностный разлетелись в разные стороны густо-красной жижей, кровавые струйки с плеском ударились об асфальт. Ключья тела. Ключья живого тела, которое только что двигалось и дышало, которое разговаривало — несомненно, это выглядело ужасно, но для таких тёмных времен было нормой. Стало нормой. Поэтому разводить панику и истерику абсолютно не имело смысла.

Хотя мне откровенно сделалось не по себе: внутренний страх, липкий, накатывающий, вновь вцепился в горло, а руки немного дрогнули, чуть не отпустив оружие. Но я выдержала. Причём без особых трудностей, потому что за последнее время точно стала гораздо серьёзнее и выносливее.

Мы ведь вступили в битву, страшную, кровопролитную. Жуткому сражению, наверное, ещё долго суждено было длиться и ещё ни один день предстояло бросать на мертвенный асфальт разорванные кишки, мозги и прочие потроха случайных жертв. Голуби никого не пощадят. Голуби будут бить абсолютно всех, раздирая на части плоть, высасывая из неё душу. А тем более — таких неосторожных людей, которые фактически сами забираются в их жестокие лапы.

Между тем передо мной возник главарь. Очередной главарь, только что обмазавший свои когти кровью и остатками плоти, сделавший ещё один победоносный шаг. Я должна была помешать ему?.. Да, именно так: безропотно уничтожить чудовище, приближавшее ко мне и зловеще клацавшие окровавленным зловонным клювом. Должна. Непременно. Обязательно.

Люди продолжали что-то кричать, громко, судорожно, истерично. Ком теперь уже крепко сдавливал мое горло, но, запасшись всей храбростью, я уверенно держалась. Осталось снова решиться, подступить, сделать небольшой шаг, пронзить голубиную оболочку...

Запах гари, смешанный с металлическим кровавым зловонием, ударил мне в лицо. Ветер, ненавистный ветер! Он словно хотел возбудить во мне панику, помешать моим действиям, остановить и меня, и людей, заодно сообщив, что выбор у нас у всех маленький. Или жалкое существование в рабстве, или смерть — другого не дано.

Собрав волю в кулак, я выступила вперёд, навстречу опасности. Руки снова предательские дрожали, холодный пот выступал на коже. Движения замедлялись, в глазах, кажется, все мутнело. Деревья тянули ко мне ветви, словно говоря, что я в любом случае проиграла, словно желая пронзить меня раньше, чем это сделают голуби.

Главарь был близко. Тень склонилась надо мной, мощная, широкая. Пекло подступало, потусторонний клич звучал совсем рядом, заставляя все внутри меня сжиматься в упругую пружину. С этим голубем все обстояло сложнее, чем с предыдущим, потому что он явно был воинственным, прекрасно обученным. Голубь-воин, а не философ, истинный страж и захватчик, непобедимый враг, испробовавший многие литры крови... Не думать, пожалуйста, не надо об этом думать! Это мешало, ужасно мешало. Это тормозило мои движения, делая их растерянными, неуклюжими, неловкими.

Нет, я не какая-то супергероиня, целенаправленно спасающая мир, я обычная жительница маленького неприметного городка... В руках которой случайно оказалось сильное, способное уничтожить голубей оружие. Я просто случайная жертва обстоятельств, зачем-то вмешавшаяся в сомнительное дело. Но отлынивать было поздно и бессмысленно. Пути назад закрылись, попытки отступить означали неминуемую смерть. Поэтому оставалось только сражаться, наивно ожидая лучшего исхода смертоносного поединка.

Но выстелить я не успела. Боль. Резкая, пронзительная, оглушающая. Она нещадно впиалась в мою руку, начав ползти и распространяться по телу колкими жалящими змеями. Туман принялся наступить на мир, мои глаза закрывались, а руки, похоже, тряслись от какой-то невыразимой тяжести. Ком в горле стал отчётливее. Голова закружилась, волнообразно, пульсирующе. Кажется, ветви деревьев становились немного ближе, а крики, наоборот, отстранялись, растворялись в кисейном всепоглощающем тумане. Каждое движение внутренней холодной, ядовитой змеи отдавалось в моей голове невыносимым болезненным звоном.

Происходило что-то странное, непонятное, ужасное. Меня рвали на части? Меня

поднимали в воздух? Я умирала?

Чувства ускользали, разум играл в прятки с кисейной пеленой и болью. Дышать становилось все тяжелее, воздуха не хватало, змея ползла по дыхательным путям, кажется, сдавливая лёгкие... Неужели так умирают? Неужели так перемещаются на то перепутье, неведомое, загадочное? Неужели так вырывается из покалеченного тела душа?

Непонятный, смутный, утопающий в мире красок и звуков грохот пронёсся где-то рядом, будто отдаляя туман, будто пытаюсь высвободить меня из скручивающих объятий боли. Высвободить ли? Спасти? Помочь? Судя по всему, это были чьи-то руки. Холодные, горячие, живые или мертвые — я не разобрала. Все выглядело слишком смутно и странно, все ускользало, плавая в кроваво-красном мареве внезапной боли и муки. Среди стайки мнимых цветных точек, застилающих глаза. Все как во сне, странном, абстрактном. Но без голубей. Птица исчезла, пламя отступило, крылья унеслись в неведомую даль, соприкоснувшись то ли с землёй, то ли с облаками. Последнее я знала точно — удивительно.

Все, что произошло со мной после, казалось полубредовым и отчасти нереальным, затерянным среди мутной дымки и разноцветных точек.

Кажется, я была... в машине? Да, некто увозил меня из города куда-то, в неизвестность. Я не могла ни биться, ни сопротивляться, я снова стала кем-то вроде рабыни или пленницы. Только теперь уже не просто не стремившейся — не способной бороться. Потому что решительно не понимала, что происходило, потому что не имела сил. Догадывалась лишь, что сидела или, может, лежала в машине, двигавшейся вдоль обуглившихся и безжизненных просторов города, уголков края, страны, мира... Нещадно захваченных и облюбованных голубями.

Я не знала, быстро или нет, но помутнение прошло. Боли почти не осталось. Голова перестала звенеть, пелена растворилась, точки рассеялись, звуки и краски вернулись, приняв чёткие очертания.

Я находилась в больнице? Дома? В Предьядье?

Я попыталась встать, но была остановлена чьей-то рукой и непонятным мурлыкающим голосом:

— Тише, не двигайся. Колдовские практики эффективнее, чем обыденные медицинские, но сразу не помогут в любом случае. Это просто невозможно. Хотя рана у тебя, в общем-то, не такая уж и серьёзная. Я пришла вовремя: голубь не успел тебе тяжело навредить.

Взгляд, ещё ошарашенный, но уже все прекрасно видящий, скользнул по помещению. Непонятная комната, очерченная смутными тенями... Широкая, тёмная, но, кажется, практически пустая. Комната с несколькими приземистыми диванами, старыми кроватями с обшарпанными ножками, маленькими столиками и плитами, на которых, играя пузырьками, красовались чугунные чаши. Вряд ли это была больница... И уж точно не родной дом.

Впрочем, неподалёку стояла моя мама, угрюмая, шокированная, апатичная. Она развернулась ко мне боком, я не могла полностью видеть её лицо, но ощущала ее шок, леденящий, пронизывающий. Который только усилился за последние мучительные недели.

Мне передалось уныние, безучастное, болезненное. На меня наступила апатия, мне не хотелось ничего, меня ни к чему не тянуло. Не было желания ни жить, ни сражаться, ни, тем более, защищать город. Тоска и безразличие, скука и холод. Боль: как физическая, так и душевная.

Глубоко и шумно вздохнув, я снова попыталась встать, уже как можно медленнее, но в то же время увереннее.

— Я же сказала, потише, — чья-то рука остановила меня, и, переведя взгляд, я рассмотрела... Эльвиру. Не безжизненную хрустальную фигуру, не восторженную женщину, не демона. В тот момент она создавала ощущение вполне адекватного человека. По крайней мере, в свете лампы, падавшем на ее лицо, уже знакомые черты не выглядели мертвенными, не отливали бледностью, не сквозили потусторонним безумием или уродством. Она выглядела как обычная женщина, худая, изящная, но некрасивая. Пламенеющего шлейфа тоже не было.

А может, не существовало никакого Предъядья? Может, не было ни битвы, ни путешествия, ни возрождения Эльвиры в образе демона? Может, это — просто сон, просто болезненный лихорадочный бред, мимолетная галлюцинация?

Но нет: все-таки в глазах Эльвиры мелькало что-то нечеловеческое. Потусторонняя сила, подаренная ей камнем и голубями. Отблески горячей искусственной жизни.

— Теперь я тоже такая, как Аня? — приглушённо спросила я, стараясь не глядеть в глаза своей... спасительнице?

— Нет, — Эльвира слегка усмехнулась, расслабленно махнув рукой. — Я ведь сказала, что твоя рана несерьёзная. Неужели ты такая недалёкая и недогадливая?

— Да, наверное... И очень-очень тупая.

— Тупая, но, на самом деле, не самая, — сморщилась Эльвира, заботливо, словно мать, отодвинув с моего лица растрепавшиеся пряди.

Скривившись, я попыталась немного отстраниться, но вышло не особо удачно: кровать, на которой я лежала, оказалась слишком узкой, тесной и неудобной. Поэтому пришлось остаться на месте. Рядом с этой откровенной чудачкой. Рядом с непостоянной и загадочной женщиной, зачем-то приведшей меня в непонятное помещение.

— Отойди... — прошептала я, мечтавшая о личном пространстве. Мне не нравилось, что она стояла так близко, что она так странно вела себя со мной. Эльвира меня бесила, пусть она и помогла мне одолеть голубя. Причём, наверное, бесила уже почти так же, как Антона... Отвращение накатило меня, заиграло внутри, захлестнуло тяжёлую голову. Я снова тщетно попыталась приподняться.

— Отойти? Я тебе помогаю, неблагодарная! — воскликнула она, крепко впившись в мое повреждённое плечо.

И снова эта боль, резкая, пронизывающая. Она снова опутала меня, снова вонзила своё жало. Из горла вырвался сдавленный стон.

— Ну вот, наверное, так лучше? — с невозмутимым видом съязвила она, когда я, придя в себя, вновь кинула на неё полный неприязни взгляд.

— А теперь осознай истину: все окончено. Жалкие рабы проиграли, ничтожные глупцы пали под когтями и крыльями стражей ада. Тебе, наверное, интересно, где оружие? Это легко: оно у меня. Ты не захотела отдавать его мне, но уйти от судьбы, как и от меня нынешней, в любом случае бы не смогла. Это невозможно. Я всё равно нашла тебя, настигла, причём в таком бедственном положении. Да, ты выронила оружие, а я подняла и выстрелила в голубя. И убила голубя, который на тот момент успел только ранить тебя, но не слишком серьёзно. Оружие у меня, однако я его никому не отдам, потому что пуль слишком мало, потому что битва окончена. Вам просто нет смысла сражаться. Голубиных главарей много, погибнут одни, придут другие, — ее глаза снова вспыхнули загадочной, возможно,

ликующей искоркой. — Думаешь, после всех успехов, что они достигли, голуби отступят? Ошибаешься. А вот действия людей оказались бесполезными и лишь ещё больше укрепили их поражение. — Она гордо выпрямилась, искривив более живые, но по-прежнему налитые нездоровой бледностью губы в сумасшедшей усмешке.

Возможно, в том состоянии, в котором я находилась в Предьядье, я бы принялась упорно отрицать ее слова, желая сохранить мнимую надежду. Потешила бы наивность, упорно внушавшую собственнорискованный план действий.

Но теперь в этом не было смысла, кажется, ни в чем не было смысла! Спасать мир? Избавлять человечество от гнета голубей? Пытаться уничтожить птиц, когда они уже столького добились? Возможно, это имело бы смысл, если бы они только начали захват, но теперь Эльвира была права. В любом случае они бы уже не отступили, они бы пошли дальше, с большим азартом продолжив свой пернатый марш. Они бы не остановились. Никогда не остановились! Непобедимые создания, жестокие демоны, смертоносные враги, не видящие мира... Ни в чем, кроме рабства. Человеческого рабства.

— И что? Теперь мы рабы? — выдавила из себя я, стараясь не думать ни о ненавистной хижине, ни о Предьядье, ни об Ане, ни об Антоне — все это осталось в прошлом. Все попытки борьбы, все стремления, все ненужные самонадеянные бдения. Все — в прошлом.

Теперь впереди чёрной от голубиных вместилищ дорогой стелилось будущее. Тёмное, неприятное, неутешительное. Страшное и ужасающее. Но не слишком меня тревожащее.

— Ты — нет, — сладко улыбнулась Эльвира, подобравшись ко мне ещё ближе, склонившись надо мной, коснувшись ладонью моего лица. — Наверное...

— В каком смысле — наверное? — я снова попыталась встать, но Эльвира меня мягко остановила.

— Ты была в хороших отношениях с моим, пусть и невероятно наивным и тупым, но другом Максимом. А ещё ты понравилась мне. И ты достойная кандидатура... — последние слова она буквально пропала, медленно, мелодично. И я откровенно не знала, как на это реагировать, потому что впала в некоторое замешательство.

— Что? Понравилась? Кандидатура? — я подозрительно прищурилась.

— Да, но, почему это произошло и как, сейчас не столь важно. Важно мое предложение. — Эльвира немного отстранилось от меня. В ее взгляде снова скользнула восторженная безуминка. Кажется, она ликовала и радовалась происходящему: людей она никогда особо не жаловала, поэтому явно наслаждалась предстоящими им страданиями. — А ещё то, что в наивных попытках одолеть голубей люди проявили лишь свою слабость, свою инфантильность, своё тщедушие. Общие разумы сыграли злую шутку, никто долго не принимал истины, предпочитая выдумывать себе нечто собственное, но жутко стереотипное. Принципы не восторжествовали, нелепые установки и предрассудки пали под треском неведомого. Теперь все люди — рабы. Все — жалкие слугители птиц, уже воцарившихся на всей планете. Они пытаются бороться, задыхаясь, стремительно теряя силы, но лишь обрекают себя на верную гибель. Ничтожные рабы собственных выдумок, беззащитности и наивности. И голубей. На сегодняшний день рабы голубей... Ну, а ты, если согласишься, можешь стать моей ученицей. Я могу помочь тебе освоить оккультные практики, могу стать твоим вдохновителем, а ещё незаменимым учителем. Плату ты мне уже принесла.

Возможно, я бы ещё сто раз подумала, но сейчас не было ни сил, ни выхода, ни возможностей... Все пути оказались закрытыми, все дороги — ограждёнными

металлическими изгородями, воздвигнутыми голубями. Оставалось либо рабство, либо своеобразное ученичество, либо бессмысленный побег.

И я сразу решила последовать. Нет, не голубям, последовать Эльвире, наделённой магическими навыками и удивительными знаниями. Я ее тайно ненавидела, я питала к ней отвращение, но ничего другого попросту не оставалось. Потому что все вокруг погрязло в непроходимой голубиной безысходности.

— Да, я стану ученицей, — полушёпотом произнесла я, уже не пытаюсь приподняться, снова ощущая на своём лице холодные руки.

— Так быстро, — кажется, даже Эльвира немного подивилась моей уверенности. Но тянуть не было смысла, откладывать не представлялось возможности.

— Да, другого выбора все равно нет, — со сдавленным вздохом произнесла я, корячась от внезапной боли в руке, колкой, обжигающей.

— Ну вот, значит, ты это поняла. Отлично. Это правильный выбор и истинный путь, это дорога сущего, это зрение, а не слепота. Хоть когда-то ты сделала правильный выбор.

Эльвира пропустила сквозь пальцы мою прядь, затем немного отошла и, изящно развернувшись, направилась в сторону выхода из комнаты. Такая же странная, чудаковатая, таинственная. А моя мама тем временем продолжала тихо стоять на месте, переводя затуманенный взгляд то на меня, то на Эльвиру, то на зашторенное окно, и молчать.словно обездвиженная или лишенная дара речи.

Спустя 10 лет

Шаг, тихий, спокойный, медленный, неторопливый. Шаг сквозь пустоту и тьму, сквозь туман, сквозь разворачивающееся пространство. Он сделал это, он смог, он осуществил — теперь осталось совсем немного. Какая-то сила буквально вытолкнула его наружу, вытащив из тумана, высвободив из объятий бесконечности...

Таинственная, неведомая. Поражающая своей загадочностью и святостью. Наверное, он ещё будет мысленно благодарить того, кто это сделал. Благодарить ли? Или ненавидеть. Он пока не понимал, он ничего не понимал, решительно ничего не осознавал: это было что-то новое. Или забытое старое.

Ещё один шаг. Руки упёрлись во что-то твёрдое и неприступное, взгляд невольно скользнул по окружающему пространству. Он ощущал камень. Каменная твердь выписывалась под его руками, создавая опору, словно стена, выраставшая из пепла. Возникавшая из небытия... Стена. Точно, это была стена, каменная, глухая, непроницаемая!

Туманная дымка всё ещё стояла перед его глазами молочными клубьями, но зрение возвращалось, медленно, плавно. Так же неспешно, как и его движения, делать которые в этом месте он почему-то побаивался. Словно они грозили ему чем-то страшным, губительным, неминуемым. Словно могли привести к чему-то ужасному и непоправимому.

Смутная тревога сжимала его изнутри, сковывая так же, как и шёпот пространства, как и перерастающие в нечто новое перегибы потустороннего тумана. Хотелось бежать. Бежать хоть куда-нибудь, быстрее, скорее, стремительнее! Потому что опасность была близко, опасность подступала со всех сторон, скаля свои зубы, словно монстр, обитающий под кроватью у маленького ребёнка. И теперь он был этим ребёнком. Теперь он казался себе таким же маленьким, беспомощным, незащищённым.

Наверное, ему захотелось бы прижаться к матери, если бы она у него была, если бы она не попала в губительные лапы чего-то сомнительного и неведомого... С которым он, к счастью, уже тоже не встречался очень давно. Единственный плюс его бесконечного прозябания, единственное достоинство той абсурдной и жутко омерзительной тюрьмы, насквозь прогнившей за время своего существования.

Шаг, ещё один шаг. Туман рассеялся, образовав нечто плотное, материальное, осязаемое. Что-то, отдалённо напоминающее ту ненавистную камеру, но в то же время значительно отличающееся от неё, хотя бы потому, что представлялось отнюдь не бедным и запущенным.

Бежать или оставаться? Поворачивать, осматриваться, раздумывать? Нет, он уже не будет бежать, потому что бежать некуда, потому что все обратные пути потеряны и оставлены далеко позади, в тумане. Потому что новое — это хорошо забытое старое. Потому что

он успел всё забыть, но теперь, кажется, снова возвращался. Снова окунался в собственное прошлое, что уже было потерялось, что уже было рассеялось во временном пространстве, скрипнуло в тисках и крепких, неудержимых оковах адского тумана.

Антон Зеленёв стоял посреди какой-то просторной комнаты с широкими стенами, искусно выделанными каменной кладкой. Сводчатые окна смотрели на него украшенными рамами, прозрачные зеркала поглощали в себя его фигуру, улавливая каждый жест, каждое

движение, каждый шаг. Зеркала совсем не такие, как там, — не застеленные слоями пыли и грязи, не замутнённые многолетними брызгами и разводами. Идеально чистые зеркала с кристально прозрачным стеклом, отражавшим и обличавшим в тот миг все его шаги, жесты, эмоции. словно читавшим его изнутри.

Расшитый бархатом ковёр разносил по комнате ароматы чего-то сладкого, приторного, безмятежного — кажется, пропитался аромамаслами, напоминающими церковные. Церковные?.. Удивительно, что он это вспомнил, будучи обречённым лишь на чернь и порок за все своё долгое и томительное прозябание практически в аду.

Или не церковные. Масла, уточнённые ароматы, пряные запахи специй и трав, выпущенные для проведения оккультного ритуала. Почему-то эта мысль закралась к нему в голову и теперь упорно не давала покоя, заставляя с удивительным, давно не посещавшим его усердием осматривать каждый уголок комнаты.

Взгляд метался по округлому резному столу, увенчанному вазой с кроваво-красными искусственными цветами, по бархатистому ковру, по шторам, по окну, по многочисленным колоннам и статуям, кидавшим на него пустые и бессмысленные взоры, по картинам с изображениями тощих, изможденных, измученных войной людей. Нечастные купались в грязи. Несчастные тянули руки, пытаясь достучаться до высших сил, безмолвных, непокорных, равнодушных. Ключья сажи стекали с их немых тел, глаза, затуманенные болью и гноем, закатились, лица заострились и обветрились. Голод и холод. Боль и страдания. За которыми с диким азартом наблюдала стая небольших чёрных птиц, окружавшая мучеников. Птицы выглядели ухоженно, гладко, прекрасно. Необычайно прекрасно для обыкновенных пернатых воров!

Антон сразу же узнал этих птиц, несмотря на то, что давно с ними не соприкасался, несмотря на то, что за все десять лет пребывания в заточении старался о них не думать. Голуби. Чёртовы голуби, которых он так ненавидел! Неизвестный художник изобразил птиц, подчеркнув их грацию и величие, словно сообщив миру, что голуби — это нечто высшее и святое, а люди — лишь подножный корм. Они могли страдать и мучиться. Они могли испытывать унижения от прекрасных и ухоженных созданий, перебирающих блестящими, выглаженными перьями.

Тем не менее подсознание Антона утверждало, что картина не такая уж и отвратительная — точнее, она отвратительна, несомненно, ужасна, безобразна и цинична, но что-то в ней было и заманчивое. Этакая особенная эстетика отвратительного. На какой-то миг почему даже захотелось остаться в комнате и немного полюбоваться странным полотном, ощутив атмосферу искусства, словно в картинной галерее. Плевать на цинизм! Он уже слишком давно не видел искусства, даже такого, гадкого, омерзительного. Но нет. Он не мог этого сделать, потому что центральной точкой картины были голуби. А он всей душой ненавидел голубей.

Антон отвернулся от картины, продолжая с какой-то детской заинтересованностью осматривать каждый штришок комнаты. Вычурные столы, обитые дорогими тканями диваны, полки, шкафы, усеянные книгами, сводчатые окна, стоячие матовые лампы, всюду роскошная расцветка и обивка... Похоже, это место содержал кто-то очень богатый, значительный, состоятельный. А он уже давно забыл, что такое деньги, что есть богатство. Он находился в «тюрьме» в нищете и бедности, он наблюдал за серостью и угрюмостью, он дышал бесконечной тоской и апатией. Ему это надоело. Страшно, дико, невыносимо надоело!

Не успел Антон насладиться атмосферой изящной бархатистой роскоши, как тихонько скрипнула иссечённая узорами дверь. И кто-то легко вспорхнул в комнату, пустив за собой мягкий шлейф дыма: кажется, в соседнем помещении кто-то или курил, или совершал неизвестный обряд в окружении благовоний. Необычно. Удивительно. Странно. И очень заманчиво: почему-то Антону сразу захотелось погрузиться в эту бескрайнюю обитель тонких сладковатых запахов, в эту смутную, таинственную колдовскую атмосферу, в мир странного, но тёплого. Тёплого и уютного. А не того холодного и бездушного, что окружало его на протяжении долгих десяти лет, что сделалось его вторым домом.

Он подумал сделать шаг вперёд, встретить гостя, возможно, поприветствовать его, но не смог. Потому что поймал себя на мысли, что ничего не знал, ничего не помнил, ничего не умел. Странная скованность охватила его, сделав движения неуклюжими, нелепыми, неуверенными. И крайне неестественными. Его, взрослого, казалось бы, уверенного в себе мужчину тридцати с небольшим лет одолела какая-то детская замкнутость! Это был бред, просто бред, забавный, нелепый. Глупые внушения, вызванные резким перемещением сквозь пространство, сменой обстановки и реальности. Несколько секунд — и он его преодолет, верно? Не станет глупить, не примется вести себя, словно воспитанник детского сада, потерявший из виду группу и воспитательницу. Ни в коем случае не предастся ненормальной скованности и замкнутости, жутко абсурдной для его возраста застенчивости.

Антон почувствовал себя дураком. Полнейшим, безмозглым, нелепым. Кажется, он совсем одичал в беспробудном одиночестве, совсем закрылся в себя, собственных мыслях и размышлениях. Единственной, кого он изредка видел, была проекция Эльвиры, но он старался с ней не взаимодействовать, пытался не вступать в контакт. Потому что он её ненавидел, искренне, всепоглощающе. Потому что он не мог избавиться от ощущения острой неприязни и отторжения к одной её фигуре. Заговаривал с ней лишь для того, чтобы окончательно не предаться мраку, чтобы не погрузиться в сумасшествие. Но то было неправильно. То было иное, искаженное, практически иллюзорное общение. А живых, истинных, движущихся людей, не напоминающих слепленных камерой призраков, он не видел уже слишком давно. Поэтому откровенно не понимал, как следовало к ним подступить.

Глупая улыбка застыла на его губах, каменная маска сковала лицо. Загадочная незнакомка, облачённая в длинный чёрный плащ, приближалась к нему, каждый её шаг источал дым и изящество. Антону хотелось приблизиться, узнать, что происходит, хоть немного выяснить происходящее. Но его сознание твердило иное, заставляя, по-дурацки ухмыляясь, отступать в сторону стены. Страх. Ужасный страх! Страх и скованность, замкнутость и нелюдимость. Он глупый и беспомощный, он забывшийся и потерявшийся, он навеки погруженный в себя...

— Здравствуй, Антон! Давно не виделись. — стянув капюшон, незнакомка загадочно улыбнулась. Протянула Антону руку с изящными пальцами, с таинственными перстнями в форме граненых птичьих клювов, с покрытыми чёрным лаком ногтями...

— Здравствуй, Антон, — она недоумевающее подняла брови, кажется, осознавая, но пытаясь немного изменить поведение Антона. Подтолкнуть его к общению. Избавить от дикости, странной, ненужной.

Знакомые черты были совсем близко, мягкие волосы приближались к его лицу, пристальный взгляд наблюдал за каждым движением...

— Ну... Здравствуй, — с трудом выдавил из себя Антон, пытаясь справиться с

растерянным замешательством. Он знал её, чётко, удивительно, прекрасно. Он уже не раз видел её, он уже не раз общался с ней, но, как ни досадно, не мог заговорить теперь. Как бы упорно ни заставлял себя это сделать. Смелый шаг, мимолётное движение... Нет. Ничего. Всё та же скованность и неловкость, крепкими тисками сдерживавшая его на месте.

— Ты не узнаёшь меня? — женщина неуверенно приподняла брови.

— Узнаю, — лаконично ответил Антон, нервно переминаясь на месте. Говорить по-другому он, кажется, уже разучился, потому что одиночество подорвало в том числе и его речевые навыки. Короткие предложения, рубленые фразы, примитивные слова — на другое он не был горазд.

А её он просто не мог забыть, неспособен был оставить во тьме Предьядья и тумане собственной памяти! Лиза. Елизавета Ледковская. Девушка, с которой он некогда пережил немало странных, абсурдных и бредовых испытаний. Последний живой человек, с которым он был рядом перед началом того тягостного и губительного для его личности десятилетия!

Но теперь это стала уже не та Лиза. Теперь она скорее напоминала Эльвиру, тёмную, таинственную, загадочную — ужасно! Исчезли остатки какой-то детской наивности и непосредственности, лицо исказилось следом порока, во взгляде сквозила наигранность, непонятность, искусственность. Да, в её фигуре появилась какая-то тайна и утончённость, женственность, изящество, но это было не то. Антон не нуждался в такой Лизе. Потому что для него она обратилась уже не Лизой, а второй Эльвирой, которую он ненавидел каждой клеточкой сознания, каждым участком души. Жгуче и пламенно ненавидел.

— Эльвира навещала тебя, ты бы мог обо всём узнать и, возможно, даже увидеть меня раньше, но я не хотела представлять перед тобой проекцией. Да и мой смутный план мог потерпеть неудачу: всё-таки я ещё не такая умелая, как Эльвира. Поэтому — сюрприз! — Лиза загадочно улыбнулась, небрежно и непосредственно всплеснув руками.

— Я точно не в Предьядье? — поинтересовался Антон, упорно стараясь не выдавать предательскую дрожь в голосе — по правде говоря, не очень успешно.

— Точно, — Лиза ласково мурлыкнула и снова протянула Антону свою руку. Он судорожно схватил её, заставив Елизавету невольно вздрогнуть.

— Поосторожней, — мягко проворчала она, чуть отстранившись. — Расслабься. Давай сядем на диван, немного поговорим. Заодно узнаешь, что происходит в мире. А то, насколько я поняла, Эльвира тебе ничего об этом даже не рассказывала.

— Ничего...

— Ну вот. А я расскажу всё в подробностях. Устраивайся поудобнее.

Они сели на диван, мягкий, уютный, бархатистый. Окружённый лампами и окутанный смутными колдовскими ароматами.

— Ох, столько рассказывать придётся. Но я буду краткой. Не люблю длинные и занудные речи, — Лиза поморщилась, снова немного всплеснув руками. — Итак, я, наивная девочка, рассчитывавшая спасти мир с помощью чудо-оружия, вернулась в город С.

— Постой... А где мы находимся сейчас? — осторожно перебил её Антон, всё ещё пытаясь взглядом уловить некоторые детали комнаты, чтобы отвлечься от излишней замкнутости и скованности.

— Ох, не перебивай, пожалуйста, и не торопись: чуть позже ты обязательно всё узнаешь. Но мы в доме Эльвиры — думаю, пока этого достаточно.

— Да. Хорошо. Продолжай.

— Итак, я вернулась, наивная, амбициозная, целеустремленная, исполненная искренних

надежд избавить мир от голубей. Но не вышло. Все мои мечты оборвались, надежды затуманились, помутились. Мне не везло с самого начала. Вернувшись, я попала в тот ненавистный нам дом, только в нашем мире. Там из-за чего-то ссорились голубиные прислужники. Тогда я ещё ненавидела Эльвиру, тогда я мечтала её убить. Но, можно сказать, убил её другой человек — взбунтовавшийся голубиный раб. Вот только убил он её лишь условно, потому что спустя несколько секунд она возродилась с помощью камня, причём в бессмертном демоническом облики. Она стала демоном, сильным, неуязвимым. В неё пытались стрелять, но ни у кого не выходило: она уже успела обрести то, ради чего ей был и нужен камень. А я решила побить голубей. Считала, что не зря же мы столько пережили, не зря же столько испытали, пытаюсь достать это проклятое оружие! Зря. Потому что мой поединок с голубем оказался неудачным. Голубь ранил меня и чуть не убил — спасибо Эльвире, что вовремя оказалась на нужном месте, воспользовалась выроненным мною оружием и пристрелила эту тварь.

После этого они с оставшимися голубиными прислужниками нашли мою мать и отвезли нас вместе с ней в старый дом Эльвиры, тогда гораздо более бедный, неухоженный. Тогда-то я и узнала страшную истину: сражаться было бессмысленно, потому что голуби уже фактически захватили мир, достигли в нём определённых успехов. Поэтому, сколько ни стреляй, сколько ни убивай главарей, лучше от этого не будет. Появятся новые, причём более агрессивные. И с человеческих земель они уже точно не уйдут, потому что прекрасно на них обустроились и в своём демоническом облики.

Морозящий ужас охватил Антона. Ему не хотелось верить, он просто не должен был верить, что всё, что пыталась ему рассказывать Лиза, — правда. Эта ложь, наглая, безжалостная. Потому что голуби просто не могли захватить мир. Оружие было сильнее их, оружие буквально сжигало их, оставляя от гордого создания кучку жалких опалённых перьев. Неужели всё кончено? Неужели всё проиграно? Его охватила ярость. Жгучий гнев, вмиг поборовший и дикость, и скованность, и растерянность, жаркой плёнкой застеливший его ошарашенный взгляд.

— Значит, ты теперь тоже с ними? Отлично. Всегда хотел этого. Всегда мечтал об этом. И теперь ты с ними. С ними! С голубьями!

— Нет, нет, я не с голубьями, дослушай же! — Лиза гневно помотала головой, крепко схватив Антона за руку. — Голуби поработили всех людей, Антон, они всё захватили. Но я не стала рабыней, потому что я общалась с Максом и вообще чем-то понравилась Эльвире. Может, ты тоже не станешь рабом. А меня она сделала своей верной ученицей, которую и поныне обучает колдовским практикам. Но вызволила тебя из Предьядья я сама. Это было очень сложно, невероятно сложно, поверь. И, в общем-то, я применила новую усовершенствованную колдовскую технику, как минимум потому, что тебе не пришлось меня звать. Но теперь ты снова в нормальном, если его таким можно назвать, мире. Теперь ты снова с людьми!

— Но как они могли захватить мир?

— Я же сказала: фактически они сделали это уже тогда, когда мы только отправились в Предьядье, — Лиза тяжело вздохнула. — Сейчас я тебе вкратце расскажу, что случилось за эти десять лет, как я познавала колдовские практики. А потом покажу мир.

— Нет, — внезапно отрезал Антон, поднимаясь с дивана. — Я хочу посмотреть мир сейчас.

— Что ж, хорошо, — не стала перечить Елизавета. — Тогда иди за мной.

Они прошли по такому же длинному, исполненному магической роскоши коридору, выбрались сквозь зеркальную центральную дверь, обогнули цветущий сад и калитку и вскоре ступили на пустырь, тёмный, мрачный, унылый.

Ветер неприятно колот кожу тонкими иголками, тучи тяжело прикладывались к далеким редким крышам зданий своими чёрными, густо напитавшимися невыплеснутой влагой брюхами. Они двигались медленно, они плыли, словно неведомые адские твари, они извивались, они держались за небо чёрными костлявыми пальцами. Не было ни белизны, ни лазури, ни надежды, ни пятнышка. Только чернота. Только мрак. Густой, вязкий. Всепоглощающий.

Где-то вдали однообразными полосами тянулись участки земли — бывшие улицы, бывшие парки, переулки, площади. Бывшие. Потому что теперь ничего не осталось. Потому что теперь всё рухнуло, нещадно, печально, безжизненно. Груды булыжников лежали на бывших дорогах, жилые дома, здания, кинотеатры, больницы навеки обратились в прах и пепел, в каменную крошку, в зыбкий прах прошлого.

Город, в котором находились Антон и Лиза, некогда числился значительным, развивающимся, крупнейшим центром страны. Власть и политика, экономика, инфраструктура, культура, шоу-бизнес и прочие изобретения человечества... Когда-то всё это было, может, стояло в упадке, но было. А теперь — нет. Ни людей, ни зданий, ни голосов, ни криков, ни жизни.

Всё почило в пепле, нескончаемом сне и небытии. Всё осталось позади, в прошлом, далёком, смутном, забытом. А на остатках улиц с важным видом восседали они, стягивая дороги в однообразные живые кольца. Только потусторонние создания, кажется, ради свободного места решившие принять свой земной облик. Только голуби. Голуби. Голуби.

Больше книг на сайте - Knigolub.net